

**АНДРЕЙ
ФУРСОВ**

**ВОПРОСЫ
БОРЬБЫ
В РУССКОЙ ИСТОРИИ**

**ЛОГИКА
НАМЕРЕНИЙ
И ЛОГИКА
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

Annotation

Новая книга Андрея Фурсова посвящена проблемам борьбы в русской истории. Автор рассматривает различные аспекты и периоды этого противостояния от Смуты начала XVII века до наших дней.

Среди проблем, над которыми размышляет А. И. Фурсов, – не только общая логика истории России, но и Смута и коллективизация, опричнина и перестройка. Прогноз, который дает автор на ближайшие годы: Запад попытается в очередной раз преодолеть надвигающийся кризис за счет нашей страны и постарается использовать нарастающие системные проблемы РФ. И уж если суждено разыгаться Большой Охоте, то нужно превратить охотника в мишень. При этом нужно помнить, что необходимое условие победы в борьбе – решение наших внутренних проблем.

И в свете этого книга, которую Вы держите в руках, – не только исследование о борьбе, но и оружие для борьбы – против фальсификации русской истории и против ее фальсификаторов, за будущее Великой России.

-
- [Андрей Фурсов](#)
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Смута начала XVII в.: причины, последствия, уроки\[1\]](#)
    - [Конспирология, капитализм и история русской власти \(Введение к программе-направлению «Конспирология»\)\[2\]](#)
    - [Коллективизация\[44\]](#)
    - [Россия, мир, будущее\[45\]](#)
    - [Новый опричник – это молодой человек с кейсом и планшетом\[46\]](#)
    - [Выскочить из ловушки\[47\]](#)
    - [Удел тех, у кого нет идеологии – пикник на обочине истории\[48\]](#)
    - [Русофобия – психоисторическое оружие верхушек запада в борьбе против России\[49\]](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
-

Андрей Фурсов
Вопросы борьбы в русской истории.
Логика намерений и логика
обстоятельств

© А. И. Фурсов, 2016

© Книжный мир, 2016

Предисловие

«Борьба – отец всего». Этот тезис Гераклита точно отражает суть человеческой истории. Разумеется, взаимопомощь – «положить жизнь за други своя» – тоже играет огромную роль, но и это борьба. Борьба в русской истории – вот тема, которая красной нитью проходит через весь сборник. В нём представлены четыре статьи и четыре интервью, написанные и изданные в 2012–2015 гг. Первая статья сборника посвящена смуте начала XVII в., а завершает его статья о русофобии как оружии западных элит в борьбе против России. Смута начала XVII в. была исторически первой западной интервенцией против русских; позднее по пути поляков двинулись Наполеон, Вильгельм II, Гитлер – с тем же результатом: «бились-бились, да только сами разбились».

Значительно более успешной оказалась мирная, а точнее «холодная», т. е. финансово-экономическая и информационно-психологическая (психоисторическая) интервенция, осуществлённая Западом в качестве союзника определённых сил и структур позднесоветского общества на рубеже 1980–1990-х годов. Большую роль в конце 1980-х годов, как и во время Смуты начала XVII в., особенно в 1610–1612 гг. сыграло предательство верхушки. Московские родовитые (и не очень) бояре присягнули Западу в лице польского королевича Владислава – так же, как часть позднесоветской элиты присягнула Западу в лице Рейгана и Буша-старшего. И неважно, что бояре начала XVII в. и «бояре» конца XX в. собирались перехитрить западных «партнёров», «партнёры» оказались ушлыми. Другое дело, что волна возмущения 1612 г. смела поляков, но не подавила предателей, объявив их «польскими пленниками», а народная волна возмущения 1993 г., хитро канализированная провокаторами в бессмысленной и легко подавляемый под аплодисменты западных «партнёров» бунт, успеха не достигла, и мы на несколько лет в качестве главы государства получили кривляющегося с экранов ТВ алкоголика, за которым маячила семибанкирщина – фарсово-уродливое повторение семибоярщины.

Русские смуты обычно длятся около трёх десятилетий – чуть меньше, чуть больше. Как будет на это раз – трудно прогнозировать.

Во-первых, мы живём в эпоху сжатого времени («точка бифуркации»), когда резко увеличивается роль случайности, «чёрных лебедей» (Н. Талеб) различного рода. Во-вторых, наш кризис совпадает с мировым, является его элементом. В-третьих, в этот кризис РФ вступила, не будучи полноценным субъектом мировых отношений. О повёрнутости в сторону Запада значительной части верхушки, их услуги, а также слоя постсоветских лавочников-лабазников (около 10 % населения) я уже не говорю. Как и об их, мягко говоря, нелюбви к русским, которые для них «ватники», «анчоусы» и т. п. Именно поэтому настоящий сборник закольцовывается статьёй «Русофобия». Это – вопрос борьбы, равно как и другие темы, поднятые в статьях и интервью сборника – революция, коллективизация, идеология.

...Когда-то Сталин заметил, что есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений. Этот тезис практически полностью подтверждается историей борьбы в России, за Россию и вокруг России. Логика обстоятельств, как правило, пересиливала логику намерений. Отсюда: знание и понимание логики обстоятельств – обстоятельств развития систем, системных и транссистемных субъектов, логики борьбы за власть, информацию и ресурсы – императив. Это необходимое условие для того, чтобы, осознав обстоятельства, преодолеть их, навязав противнику волю наших намерений как осознанную необходимость всё тех же обстоятельств, прежде всего – обстоятельств борьбы и победительности. Именно решение вопроса борьбы – нашей борьбы – станет ответом на вопрос, где мы окажемся в ближайшие десятилетия – на обочине истории, «праздную» компрадорско-буржуазный пикник или на магистральной линии, праздную победу – нашу Победу.

А. И. Фурсов

Смута начала XVII в.: причины, последствия, уроки ^[1]

I

В качестве вступления к тому, что собираюсь сказать, приведу такой эпизод. 4 ноября на одном из центральных каналов диктор произнесла фразу о том, что 400 лет назад 4 ноября 1612 г. земское ополчение во главе с Мининым и Пожарским вошло в Москву и свергло режим Лжедмитрия I. Невдомёк этой девушке и тем недорослям, которые готовили ей текст, что в 1612 г. не только Лжедмитрий I был мёртв, но и Лжедмитрий II. Иными словами, уже центральное ТВ со «стеклянной ясностью» демонстрирует егэшные плоды сварганенной Фурсенко и К^о дебилизирующей «реформы» образования.

Впрочем, не лучше по уровню знания истории и те «консультанты», которые рекомендовали заменить 7 ноября 4-м как Днём единства. Почему новым властно-собственническим слоям понадобилось менять 7 ноября, понятно – это неприятный, травмирующий их сознание праздник, он напоминает о том, что могут прийти и отобрать наворованное и награбленное. Но вот с 4 ноября промашка вышла: не было в тот день между русскими внутреннего единства, в лучшем случае внешнее и очень краткосрочное – по отношению к полякам и то на момент их капитуляции и занятия земцами и казаками Кремля. До этого и после этого, в том числе и 4 ноября единства не было: русские люди противостояли друг другу враждебными лагерями. В романе «Юрий Милославский» М. Н. Загоскин так описывает ситуацию 4 ноября: Кузьма Минин-Сухорук, «указывая на беспорядочные толпы казаков князя Трубецкого, которые не входили, а врывались, как неприятели, Троицкими и Боровицкими воротами в Кремль», говорит боярину Милославскому: «С одними супостатами мы справились, как-то справимся с другими».

Кто-то может сказать: ну это роман, так сказать, «для красного словца». Нет, не для красного словца, Загоскин отталкивался от летописей, от свидетельств современников, которые чётко

зафиксировали жестокую борьбу между различными русскими силами, причём борьба эта не сразу прекратилась после избрания в 1613 г. на подобии Земского собора (столь же нелегитимного, сколь и Михаил Романов, присягнувший Владиславу и на момент избрания бывший подданным этого польского королевича, которого предатели-бояре выпросили у его отца Сигизмунда на царский трон). Вот что написано в «Повести о Земском соборе 1613 года» о внутрирусском противостоянии в Москве сразу же после капитуляции Кремля: «И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь – человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны, а меньши человек 15 или десяти никако же не двинутся. От боярска же чина никто же с ними вопреки глаголету не смеюще и на пути встречающе, и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы свои поклоняюще».

Именно казаки заблокируют подворье князя Пожарского, чтобы не допустить избрания Рюриковича на московский престол, взяв таким образом реванш над земцами, над дворянско-купеческим ополчением. Впрочем, выкрикнутый ими Миша Романов, а точнее, его близкое окружение обманут казаков, и новая династия сделает ставку именно на бояр-предателей и часть детей боярских, т. е. дворян, но это уже другая история.

В сухом остатке: 4 ноября – далеко не лучшая дата для демонстрации единства русских, реальность была намного сложнее. Смута – вообще сложное явление, неподъемное для его одномерной концептуализации. С этим вплотную столкнулись советские историки, искусственно разделившие Смуту на «крестьянское восстание под руководством Болотникова» и «иностранный интервенцию и борьбу с ней». Здесь ложно всё – и само разделение и то, что представлено в качестве частей, на которые искусственно расчленили такое целостное историческое событие как Смута.

Во-первых, в России никогда не было крестьянских войн, только казацко-крестьянские; как только казаки прекращали борьбу и бросали крестьян, всё заканчивалось. Казацкая составляющая казацко-крестьянских войн представляла собой более или менее масштабный разбой, который советские историки приравнивали к классовой борьбе; разумеется, в разбое был и социальный протест, но, с одной стороны, не только он – было и нечто а-социальное по сути; с другой – сам протест выражался а-социально по содержанию.

Во-вторых, «интервенция», которая со временем в своём неорганизованном виде действительно стала таковой без кавычек, приобрела размах в результате приглашения в феврале 1609 г. царём Василием Шуйским шведских войск (для борьбы против тушинцев, т. е. Лжедмитрия II), а важный этап польской «эпопеи» стартовал после того, как московские бояре, трясясь за власть и привилегии, обратились за помощью против всё тех же тушинцев к полякам – гетману Жолкевскому (лето 1610 г.). Иными словами, «интервенция» разворачивалась как борьба чужеземными руками одних русских сил с другими («похуже Мамаея будут – свои»), ну а развернувшись, вышла из-под контроля русских предателей-бояр и усмирять её пришлось русским патриотам во главе с Мининым и Пожарским.

Наконец, последнее по счёту, но не по значению: обособление и противопоставление «движения Болотникова» и «иностранный интервенции» совершенно неправомерно, но советские историки вынуждены были пойти на этот трюк, нарушая историческую целостность Смуты. Дело в том, что с классовой точки зрения советские историки должны были подавать в положительном свете восстание под руководством Болотникова, который, однако, был тесно связан с Лжедмитрием I, выступая по сути как его агент. Показательно, что уже после смерти первого самозванца Болотников, сидя с «царевичем Петром» в осаде в Туле, слал гонцов по всем направлениям, чтобы не медлили с объявлением «како-нибудь Дмитрия». Выходит, с классовой точки зрения надо было стоять на стороне Болотникова и... Лжедмитрия, а также того чужеземного сброда, который заявился с ними на Русь, и тех предателей-бояр (включая Фёдора Романова; он же – будущий патриарх Филарет; он же – отец будущего царя Михаила), которые поддерживали обоих Лжедмитриев. Но такой подход со всей очевидностью противоречит патриотизму, патриотической позиции. Последняя требует – и правильно – встать на сторону земцев Минина и Пожарского, дворянско-купеческого ополчения, т. е. ... эксплуататоров. Дилемма: либо правильная патриотическая позиция с эксплуататорами, либо правильная классовая позиция с эксплуатируемыми и... интервентами. Противоречие между классовым и национальным было устранено путём ложного рассечения Смуты на «параллельные миры» крестьянской войны и борьбы с интервентами; бояре-предатели ушли в

ть (а как иначе – среди них были представители будущей царской фамилии и многие бояре, оказавшиеся в фаворе у Михаила и Филарета). Всё это лишний раз говорит о том, насколько сложным историческим явлением была Смута.

II

Смута – сложное («каскадное») историческое явление, вызванное несколькими причинами, а точнее – несколькими причинно-следственными рядами: классовым, государственным, национальным, культурно-религиозным, международным (европейским), векторы развития которых сошлись в одной точке. Смута в качестве макрособытия нетождественна самой себе как:

- явление – сущности;
- краткосрочное событие – средне – и долгосрочному;
- российское событие – европейскому.

Последнее необходимо подчеркнуть особо: русская Смута начала XVII в. была элементом европейских событий «длинного XVI века» (1453–1648 гг.) и мирового (евразийского) кризиса XVII в., потрясшего не только Московское царство, но также Англию, Францию, германские земли, Китай и Японию.

Для России Смута начала XVII в. стала моделью будущих смут (смутореволюций) конца XIX – начала XX вв. и конца XX – начала XXI вв. Разумеется, две более поздние смуты были намного сложнее и богаче по содержанию, композиции и форме, однако исходный «скелет» начала XVII в. сохранялся. Его характерными чертами были следующие:

1) Утрата центральной властью (центроверхом) монополии на властную субъектность; результат – двое– (как минимум) -власть: Василий Шуйский против Тушинского вора; Временное правительство против Петросовета и красные против белых; Ельцин против Горбачёва, а затем против «парламента».

2) Смута начинается на верхних ступенях социально-властной пирамиды и постепенно опускается вниз, охватывая всё общество. В. О. Ключевский писал: «В Смуте последовательно выступают все классы русского общества и выступают в том самом порядке, в каком они

лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены на социальной лестнице. На вершине этой лестницы стояло боярство, оно и начало Смуты». За «боярским» периодом Смуты (другой русский историк – С. Ф. Платонов – назвал его «династическим») последовал «дворянский», а затем Смута спустилась в самый низ и охватила общество в целом, превратившись в борьбу всех против всех («общесоциальный период» у Ключевского, «национально-религиозный» – у Платонова).

Смуту начала XX в. тоже начало «боярство» – заговор, в котором участвовали представители царской фамилии, высшего генералитета, крупного капитала. Смута конца XX в. начали высший «боярин» – генсек КПСС и его окружение. Обе смуты «спустились» вниз и охватили общество в целом, разрушив прежний строй.

3) Для смут характерно переплетение классового (социального) и национального (этнорелигиозного) моментов, причём значение второго росло от смуты к смуте.

4) В подготовке и запуске всех трёх смут, а затем в их ходе активную роль играл Запад: в первой – Ватикан (иезуиты) и англичане, во второй – англичане, в третьей – прежде всего американцы и англичане. Цель – устранение России как геополитического и геоэкономического конкурента и персонификатора православия (минимально искажённой и минимально иудаизированной формы христианства); разрушение России, установление контроля над её ресурсами.

5) Русские смуты всегда были интегральным элементом европейских/евразийских/мировых кризисов: кризиса XVII в., «водораздельного» кризиса (1870–1933 гг.) и кризиса, связанного с неолиберальной (контр) революцией (1979-?). Кризисы эти играли двойственную роль: с одной стороны, они были фактором, усиливающим смуту; с другой – условия кризиса в конечном счёте не позволяли грызшимся между собой западным хищникам до конца использовать результаты смуты, и России в начале XVII в. и в начале XX в. удавалось выскочить из исторической ловушки именно пользуясь международной кризисной ситуацией и её последствиями; будем надеяться, что так будет и в начале XXI в.; впрочем, за это надо побороться – без борьбы нет побед.

Говоря о причинах Смуты начала XVII в., необходимо отметить следующее. Непосредственной причиной Смуты нередко называют голод первых лет XVII в., вызванный похолоданием климата в Европе (начало Малого ледникового периода – 23-й Солнечный цикл). Действительно, лето 1601 г. на Руси было холодным и дождливым; весенние морозы 1602 г. уничтожили семенной фонд, отсюда – недород 1603 г. и голод (цены на рожь в 1603 г. по сравнению с таковыми конца XVI в. выросли в 100 раз, достигнув 3–4 руб. за четверть). В результате уже в 1602 г. вспыхнуло восстание Хлопка Косолапа (подавлено в 1603 г.) – пролог событий 1605 г.

И тем не менее голод и волнения стали катализатором и питательным бульоном того процесса, который подспудно развивался, нарастая, после смерти Ивана Грозного и обострился с воцарением Бориса Годунова. Речь идёт о стремлении значительной части боярства повернуть вспять или максимально ограничить царский вариант самодержавия. Как писал В. О. Ключевский, Смута началась с попытки боярства соединить готовое распасться общество во имя нового государственного порядка, построенного на ограничении центральной власти.

Здесь необходимо подчеркнуть «ограничение центральной власти» – это цель боярства, указывающая на причину их действий, а следовательно, на главную причину Смуты – «Boyarstvosrikesback» (впрочем, долгосрочный контрудар империи окажется сильнее). Но необходимо также подчеркнуть и «готовое распасться общество». Речь идёт о том, что опричнина, заложив фундамент самодержавия, в то же время расшатала социальную структуру русского общества и создала многочисленный слой недовольных – так всегда бывает в периоды структурных кризисов (действия боярства превратили структурный кризис в системный – аналогичное превращение устроили «бояре» в начале XX в. и советские «бояре» в конце XXI в.: в обоих этих случаях системы рухнули; в смуте начала XVII в. система устояла).

Таким образом, мы имеем субъекта-закоперщика смуты – боярство, чьи действия вызвали активность, породили других субъектов (полисубъектность власти, многовластие – характерная черта смут). Именно действия части боярства взорвали накопившийся социальный

динамит как по социальной линии (низы – верхи), так и по территориальной (юг России – север России; кстати, в смуте начала XX в., в гражданской войне противоречие Север – Юг тоже будет играть большую роль, и Юг опять проиграет).

Действия субъекта «боярство» на фоне и в условиях разболтанной социальной структуры и тяжёлой ситуации в экономике становятся причинами необходимыми, но не достаточными. Достаточную причину обеспечил конец династии Рюриковичей: смерть Ивана (оба, по-видимому, отравлены, как и первая жена Ивана IV; убийство Иваном своего сына – пропагандистский миф, который был запущен англичанами, охотно принят Романовыми, а в XIX в. – либералами России); смерть Дмитрия в Угличе, смерть Фёдора. Есть все основания полагать, что руку к смерти последних Рюриковичей приложили иноземные (западные) лекари. Ну и конечно, должен был явиться претендент на царский престол, и он явился – Лжедмитрий I. И тоже из-за границы. Как заметил Ключевский, заквасили самозванца в России, а испекли в польской печке. По сути, историк указывает на русско-польский заговор – заговор, в котором была русская составляющая (скорее всего, Романовы и их круг; не случайно во главе войска, выступившего против самозванца, Годунов поставил врагов именно Романовых – Шуйского, Голицына, Мстиславского; другое дело, что они были врагами и худородного, с их точки зрения, Годунова, а потому перешли на сторону Лжедмитрия) и польская (поляки, иезуиты и скорее всего Ватикан). Иными словами, Смута связана с международным заговором против Годунова – по-видимому, вовсе не для него расчищалась площадка.

Вообще нужно сказать, что международная составляющая Смуты была весьма мощной, причём не только в виде и во время так называемой интервенции, но и раньше – в латентно-подготовительный период. И возникла эта составляющая как стремление Запада поставить Московию под контроль.

В 1570–1580-е годы на Западе независимо друг от друга возникают два проекта подчинения России: один – в Священной Римской империи, у Габсбургов; другой – в Англии, его сформулировал Джон Ди. Кстати, оба плана по-своему и с поправкой на эпоху были реализованы в конце 1980-х годов в ходе советско-западного заговора («горбачёвщина»), не случайны контакты М. С. Горбачёва с Тэтчер и

Отто фон Габсбургом ещё до того как человек с менталитетом провинциального комбайнёра стал генсеком КПСС.

Особого внимания заслуживает Джон Ди. Этот астролог и математик состоял на разведслужбе её величества Елизаветы I и свои донесения ей подписывал «007». Ему принадлежит авторство концепции «Зелёной империи» – империи, в которой под контролем Англии находятся Северная Америка и Северная Евразия (т. е. Россия); это очень напоминает нынешнюю идею Трансатлантического союза Ротшильдов. Сын Джона Ди под фамилией («оперативным псевдонимом») Диев активно действовал в России в период Смуты и в первые годы правления Михаила. Он подвизался в роли лекаря и, выражаясь современным языком, фармаколога, т. е. готовил лекарства и... яды. Именно его подозревают в приготовлении по заказу Дмитрия Шуйского и его жены яда для отравления молодого и успешного полководца Михаила Скопина-Шуйского, которого многие на Руси хотели бы видеть преемником бездетного царя Василия Шуйского. Ну а англичанам, известно, какая корысть – в небытие уходил молодой и перспективный русский вождь. Других вождей, казалось, нет. Однако они появились.

IV

Однако беда для всех губителей Руси-России пришла, откуда не ждали – из северо-восточных русских земель надвинулось ополчение, которое решило судьбу России, вывело её из разрухи и прогнало чужеземных супостатов – послания патриарха Гермогена наконец-то нашли своего адресата. В самом начале 1611 г. в уездных, посадских и волостных мирах севера возникает вторая волна земского движения (первая возникла в 1609 г. и была связана со Скопиным-Шуйским). Сначала эта волна возникает как сугубо местно-оборонительное движение (от шаек казаков тушинского вора, от чужеземных грабителей, от русского сброда). Однако вскоре жители поволжских и поморских волостей поняли, что от обороны нужно переходить к наступлению и идти на Москву.

Но почему именно эта часть Руси стала колыбелью терминаторов Смуты? Причин – несколько. Во-первых, на северо-востоке

значительно меньше были выражены сословные различия, а следовательно, выше была степень социальной сплочённости, которая транслировалась в национальное единство. Во-вторых, получив во время реформ середины XVI в. более широкие самостоятельность и самоуправление и привыкнув к ним, северо-восточные миры оказались вполне способны к самоорганизации. В-третьих, эта самоорганизация подпиралась зажиточностью, а иногда просто богатством этих миров в качестве мощного экономического базиса, позволявшего организовать и экипировать войско.

А вот о причине этих зажиточности и богатства имеет смысл сказать особо: в их основе лежит опричнина. Дело в том, что земли, откуда пришло спасение Руси, в опричные времена были отписаны в опричнину, и торгово-промышленное население этих районов от этого весьма выиграло, это «принесло... северу значительное повышение его торгово-промышленной деятельности, обеспечив ей доступность внутренних рынков и открыв путь к сбыту на западе, через Белое море», – пишет один из авторов многотомника «Три века». Я уже не говорю о торговле в сторону Каспия, которую тоже «оседлали» опричные районы Поволжья. Таким образом, спасение Руси и грозненского самодержавия пришло из тех социально-экономических «закладок», которые за несколько десятилетий до Смуты заложила опричнина. Как оказалось, заложила не зря: её дальние результаты спасли творение опричнины – царское самодержавие – от тех, кто хотел заменить его олигархическим самодержавием с поляком Владиславом на московском престоле, т. е. от предателей, ибо в Москве с 1610 г. творилось форменное предательство и осуществляла его верхушка – высший слой страны – ну прямо как во времена горбачёвщины. И мотив тот же – классовый, а попросту говоря – шкурный. Вернёмся из 1611 г. в 1610 г.

V

Летом 1610 г. Москва оказалась в клещах: с запада на Москву шёл гетман Жолкевский, с юга – Лжедмитрий II. В этой ситуации 17 июля 1610 г. Василий II (Шуйский) был свергнут, пострижен в монахи и выдан полякам, а к власти в Москве пришла «семибоярщина» во главе с

Ф. И. Мстиславским. В условиях приближения тушинского вора с его казаками бояре, трясаясь за свои владения, бросились за помощью к Жолкевскому – даром что поляк и католик, зато классово свой, близкий. Тот обещал помочь при условии воцарения на московском престоле Владислава – сына польского короля Сигизмунда. 17 августа был подписан соответствующий договор, а через 10 дней Москва, прежде всего зная, присягнула Владиславу: классовое пересилило национальное. И хотя Владислав должен был принять православную веру, жениться на русской православной невесте и т. п., сути дела это не меняло: *vae victis* – горе побеждённым.

Одну проблему договор с поляками решил: тушинский вор бежал, после был убит и угроза с его стороны исчезла. Но возникла другая проблема: сменивший Жолкевского Гонсевский начал раздавать русские земли полякам, а на русский трон стал претендовать Сигизмунд, и часть бояр была готова его поддержать – спираль предательства продолжала раскручиваться. Однако на пути предателей встал патриарх Гермоген, отказавшийся поддержать «польский вариант». Гермоген начал рассылать по всей стране грамоты, смысл которых можно передать так: «Вставайте люди русские, вставайте на бой с поляками!». И русские люди северо-востока Руси услышали и двинулись на Москву под предводительством князя Дмитрия Пожарского (Рюрикович, потомок Всеволода III Большое Гнездо) и Козьмы Минина-Сухорука. Интересно, что шло земское ополчение на Москву под гербом князя Пожарского, это ясно указывает на то, кто должен был занять московский престол. Но судьба, прежде всего ошибки самого князя, распорядилась иначе.

Здесь вряд ли имеет смысл пересказывать события 1611–1612 гг. – они достаточно известны. После освобождения Кремля Пожарский объявил предателей-бояр пленниками поляков. В феврале 1613 г. казаки, заблокировав подворье князя (февральский переворот 1613 г.) не позволили ему к радости бояр стать царём. На подобию земского собора был выкрикнут Михаил, бояре заставили принять эту кандидатуру. Впрочем, бояре были не особо против. Во-первых, Михаил и его родня, как и сами бояре, были замараны своими контактами с интервентами. Во-вторых, интеллектуально-волевой потенциал Михаила (ниже среднего) не вызывал у них опасений:

«Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл и нам будет поваден», – цитирует бояр современник.

Таким образом, царствование Романовых началось февральским переворотом и закончилось тоже февральским переворотом. Есть и ещё более страшная историческая переключка. В 1614 г., т. е. на следующий год после воцарения первого Романова, был казнён ребёнок – сын Марины Мнишек (официально – от Лжедмитрия II, реально – по-видимому, от Заруцкого). Мальчика современники именовали Ворёнком (т. е. сыном Вора – тушинского). Его повесили, чтобы уничтожить альтернативного претендента на престол – это насколько же неуверенно чувствовала себя романовская клика, что убоялась сына полячки и еврея-выкреста и убила его?!

В 1918 г., на следующий год после низложения последнего Романова тоже был убит мальчик – цесаревич Алексей – вместе с родителями, сестрами, врачом и прислугой. История вернулась бумерангом: династия, стартовавшая со слезинки и кровинки (чужого) ребёнка финишировала слезами и кровью – только уже своих детей. Как говорил Блаженный Августин, наказания без вины не бывает.

VI

Последствия Смуты были весьма тяжёлыми: экономика страны была подорвана; те, кто в 1620-е годы помнил последнее десятилетие правления Ивана Грозного, воспринимали это далёкое время как благословенное. Экономика стабилизировалась только в третьей четверти XVII в. Тогда же благодаря резкому ограничению торговых прав английских купцов (1649–1650 гг.) и протекционистскому таможенному уставу (1667 г.) русская торговля оказалась практически полностью под русским контролем. Ведь после Смуты в Россию как стервятники хлынули голландские и английские купцы. Пользуясь слабостью и продажностью романовской власти, они поставили значительную часть русской торговли под свой контроль – вплоть до того, что в некоторых областях начали диктовать цены на русские товары.

Это хозяйничанье западных чужих и хищников – характерное следствие, послекусие Смуты. В ограниченном варианте это

последствие видно в 1920-е годы – во времена НЭПа, т. е. после второй смуты, и практически в неограниченном – после третьей смуты, когда при попустительстве власти и активном участии пятой колонны западный капитал скупал всё, включая оборонные предприятия.

Геополитическая ситуация после Смуты ухудшилась: мало того, что Россия не могла как следует защитить свои рубежи с юга от крымцев, существенно понизился её статус в системе европейских государств – причём по сравнению не только с первой третью XVI в., но даже со временем после окончания Ливонской войны.

А вот во внутреннем социальном и властном плане главным последствием Смуты стало усиление самодержавно-крепостнического вектора, тех тенденций развития, которые оформились при Иване Грозном (опричнина) и Фёдоре Ивановиче/Борисе Годунове (предварительные шаги, ставшие необходимым, но ещё недостаточным условием закрепощения крестьян). В 1649 г. Соборное уложение зафиксировало победу обоих указанных векторов и завершение генезиса самодержавно-крепостнического строя в его исходном, «модельном» виде, далёком от кошмара петровщины и якобы «золотого» (но кошмарного для 90 % населения) «века Екатерины».

В то же время восстановление грозненского самодержавия произвела династия, избрание родоначальника которой на престол едва ли можно назвать легитимным. Эта династия не была укоренена в русской традиции так, как Рюриковичи, не имела такого исторического веса и значения как Рюриковичи – одна из древнейших династий Европы. Не случайно, уже второй Романов начал ломать русскую религиозную традицию, а четвёртый вообще ломанул русскую жизнь через колено и – небывалый случай – был назван народом Антихристом. Царь-антихрист на троне в православной стране – это ли не закономерный результат воцарения династии, исходно ориентировавшейся (в культурном и политическом плане) на Запад. И здесь мы подходим к вопросу об уроках Смуты.

VII

Первое. Главный урок Смуты конца XVI – начала XVII в. прост: любое ослабление центральной власти в России, её олигархизация

ведёт систему к краху, причём не только систему власти, но и социальную систему в целом. Смуты начинают социально нездоровые, ущербные элиты, как правило, не имеющие адекватного представления о собственной стране и мире, лишённые стратегического видения, плохо связанные с национальной традицией и ориентирующиеся на Запад, на чуждую России и русским культурную и политическую традицию. Чтобы избежать лиха, такие «элиты» нужно устранять превентивно.

Второе. Крах системы власти, а затем и социальной системы в России активно используют, в значительной степени подготавливают и в ещё большей степени направляют определённые круги на Западе – достаточно вспомнить слова М. Олбрайт о том, что США в лице Буша-старшего умело руководили процессом разрушения Советской империи. От смуты к смуте эта роль внешней силы растёт, достигнув апогея в третьей смуте и предшествовавших ей событиях 1970–1980-х годов, когда политические и интеллектуальные наднациональные структуры Запада начали активную обработку общественного сознания советского социума, прежде всего определённых сегментов правящего слоя и обслуживающей его части интеллигенции («красненьких» и «зелёненьких» Эрнста Неизвестного).

Каждый раз речь шла об устранении в лице России конкурента и принципиально иного, чем Запад, культурно-исторического типа, иного, альтернативного Западу, особенно в капиталистической ипостаси последнего, способа освоения пространства и времени, иной религии – православия, по сути – иной цивилизации. Речь шла об уничтожении именно России, а не самодержавия или коммунизма – России с характерным для неё типом власти и религии. Для хозяев Запада не имеет никакого значения тот факт, что православие, как католицизм и протестантизм, – христианская конфессия. И католицизм, и особенно протестантизм суть иудаизированные версии христианства, далеко отошедшие от ортодоксии (православия), в виде которой христианство и распространялось в течение нескольких веков, пока римский епископ по политическим, главным образом, причинам не отщепился от ортодоксального древа. Православие сохранило в себе намного больше от исходного христианства, чем западные ветви (хотя окно уязвимости в виде Ветхого Завета по отношению к иудаизму/талмудизму остаётся, да и последствия реформы Алексея – Никона дают о себе знать). И это

сохранение не может не тревожить, если не бесить (в прямом и переносном смысле) «властелинов колец» католицизма и протестантизма. Я уже не говорю о том, насколько проникнуты масонством и даже сатанизмом эти якобы христианские конфессии, постоянно идущие на уступки иудаизму и исламу, но ни в коем случае не православию. Создаётся впечатление, что для католиков и протестантов православные – намного более чужие и чуждые, чем иудеи и мусульмане. История русских смут и роли в них представителей западных конфессий и их пятоколонных поделщиков подтверждает это впечатление, а потому все попытки православных сблизиться с католиками или протестантами, помимо принципиальной исторической неправильности таких шагов, объективно носят проигрышный для православия характер и работают на его врагов – и на врагов России. Смута и то, что произошло после неё, роль католиков и иезуитов в частности в подготовке реформы Алексея – Никона, которая, по сути, была мощнейшей «идеологической», идейно-духовной провокацией, свидетельствует об этом со всей ясностью.

А раз так, то – **третье** – только национально-религиозное единство может вывести страну из смуты, из неустроения; при этом, конечно же, одна из наиболее сложных проблем – соотношение классового и национального, противоречие между ними. От смуты к смуте это противоречие обостряется, достигнув исключительной остроты в третьей смуте.

Четвёртое. Один из важнейших уроков смуты, непосредственно связанный с диалектикой национального (государственного) и классового, заключается в жёсткой необходимости изоляции пятой колонны и наказания предателей, особенно предателей из числа правящих слоев – ничего личного, только обеспечение общественной гигиены и социальной справедливости. Иначе – беда, что и произошло в результате действий князя Дмитрия Пожарского. Последний, вместо того, чтобы объявить предателями и отдать под суд (а то и выдать головой победившим земцам и казакам) тех бояр, которые открыли ворота полякам, присягнули Владиславу (среди присягнувших был Михаил Романов) и сидели вместе с поляками в Кремле в осаде, объявил их пленниками поляков. Что автоматически означало прощение. После чего испуг бояр прошёл и они сделали всё, чтобы ненавистный им благородный спаситель России Рюрикович Пожарский

не стал царём. Почему Пожарский поступил так, а не иначе? Думаю, прежде всего, из классовой солидарности – не хотел лить кровь бояр. Возможно, рассчитывал на их благодарность, которая принципиально отсутствует в политике. К тому же, как заметил один беспринципный деятель русской истории, принципиальная политика – лучшая политика. Пожарский сморгнул, не решился пойти на принцип и на конфликт с боярами (а шансы князя на успех в таком конфликте были исключительно велики – ненавидимые народом предатели-бояре, скорее всего, даже не посмели бы сопротивляться) – и проиграл. А вместе с ним проиграла Россия, получив Романовых, которых некоторые исследователи считают криптокатоликами, начиная с Фёдора/Филарета, отца Михаила.

Мораль: в ситуациях смут в краткосрочной перспективе национально-государственное, общесоциальное важнее классового. Ещё одна мораль: предателей – к стенке, без всякой жалости: «по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе».

Пятое. О классовой составляющей ни в коем случае нельзя забывать в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе. Из смут социум всегда выходит за чей-то счёт – за счёт той или иной социальной группы или групп. Послесмутное замирение – это всегда компромисс, но всегда неравноправный компромисс: кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Смута была тройной схваткой:

- между боярством и царской властью за тип самодержавия (олигархический или царско-единодержавный);

- между казачеством и дворянством («детьми боярскими») за то, кто будет главным военным сословием державы;

- и – более сложно (как писал дореволюционный историк А. Е. Пресняков) – между казачеством, крестьянством владельческих земель, холопами и низшей прослойкой «детей боярских» (в частности, боевыми холопами), с одной стороны, и среднего дворянства, среднего служилого люда и купечества, с другой. Эти «с другой» были организованы в земства, и как заметил всё тот же Пресняков, разрушение самодержавной системы в результате социальных конфликтов и нашествия чужеземцев грозило им утратой их социального и экономического положения. Потому-то они и выступили за восстановление самодержавного порядка (национально-

государственный вектор подкреплён определёнными классовыми интересами), и это восстановление стало поражением тех разрядов населения, которые активно поддерживали обоих самозванцев (среди этих поддерживающих было немало бояр).

В результате смуты выиграли самодержавие и средние слои господствующего класса, дворяне и купцы, а проиграли – часть самой верхушки господствующего класса, боярства (XVII в. стал эпохой его заката) и низы (самый низ господствующего класса, казачество, «частновладельческое» – будущее крепостное – крестьянство). Иными словами, восстановление самодержавного строя совершилось за счёт главным образом низов. Именно они проиграли в средне – и долгосрочной перспективе.

В этом плане интересно сравнить первую смуту со второй и третьей. Во второй смуте однозначно победили низы, простой люд. Весь прежний господствующий слой был выброшен из страны, а то и просто физически уничтожен. А вот третья смута – конца XX в. – очень напоминает первую. В ней победили средние, прежде всего верхнесредние сегменты господствующего слоя – номенклатуры: 70 % номенклатуры вошли в состав постсоветских господствующих групп (в провинции – 80 %). А проиграли, как и в начале XVII в., низы, в том числе нижняя часть среднего слоя, и самая верхушка социума, которую смели «реформаторы».

Шестое. Ещё один урок Смуты начала XVII в. (он же урок смуты начала XX в.). Поскольку русские смуты были интегральными элементами европейских/евразийских/мировых кризисов, выход России из смут был тесно связан с этими кризисами, причём связан положительно: именно кризисы и войны на Западе позволяли России получить «пространство и время для вдоха» и вынырнуть-выскочить из исторической ловушки.

После окончания смуты в 1618 г. (Деулинский мир с Польшей на 14,5 лет, последовавший за неудачным походом Владислава на Москву в 1617–1618 гг.; с Владиславом, кстати, шли обиженные на Романовых казаки) Россию можно было брать голыми руками, однако аккурат в 1618 г. в Европе началась Тридцатилетняя война, полыхавшая до 1648 г. К этому времени русские успели восстановиться настолько, чтобы в 1650-е годы нанести поражение полякам (хотя и сами несколько раз оказывались в исключительно тяжёлом положении).

В 1920-е годы, после окончания гражданской войны СССР был в крайне уязвимом положении. Однако противоречия между британцами и американцами, между англосаксами и немцами, между Францией и Великобританией, наконец, между Рокфеллерами и Ротшильдами позволили Сталину и его команде сыграть на этих противоречиях, разгромить гвардейцев «кардиналов мировой революции» и приступить к строительству Красной империи.

Мораль: кризис – это угроза, но кризис – это и возможность рывка. Разумеется, для тех, у кого есть для этого воля и разум. То есть для субъекта стратегического действия. Если в условиях XVII в. из смуты можно было выбиратья на ощупь, совершая ошибки, не имея картины будущего, т. е. на инстинктах, то сегодня ситуация иная. Сегодня из исторической ловушки, в которую загнали страну горбачёвщина и ельцинщина на радость глобальным ростовщикам, Россию может вывести только субъект стратегического действия, т. е. субъект, обладающий стратегическим видением, опирающийся на национальную традицию и играющий на глобальном поле, т. е. русский субъект международного класса, масштаба и уровня. Кризис может помочь только такому субъекту, девиз которого: «Пусть сильнее грянет буря!».

Конспирология, капитализм и история русской власти (Введение к программно-направлению «Конспирология»)^[2]

Вам дано знать тайны Царства Божия, а тем внешним всё бывает в притчах. Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают

(Марк 4:11–12).

В этом мире всё не такое, каким кажется

(фраза из фильма «Теория заговора»).

Миром управляют оккультные силы и их тайные общества.

(Б. Дизраэли)

I

Книгой В. А. Брюханова «Трагедия России. Цареубийство Александра II» мы открываем новую программу-направление серии «Мир. Хаос. Порядок» «Конспирология». Обычно под конспирологией (от англ. *conspiracy* – заговор; «*conspiracy*», в свою очередь, восходит к латинскому «*conspiratio*» – созвучие, гармония, согласие, единение и... тайное соглашение, сговор, заговор и даже мятеж) имеется в виду сфера знания, в которой история, особенно резкие её повороты, рассматривается сквозь призму тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т. д., и т. п. Часто к конспирологическим штудиям относятся как к чему-то несерьёзному,

легковесному, а то и просто одиозному. И для этого есть вполне резонные причины.

Немало конспирологических работ исходно написано в погоне за сенсацией и заработком, отсюда – легковесность и примитивность, часто – непроверенность фактов и т. д. Многие конспирологические работы суть не что иное, как своеобразные «акции прикрытия», цель которых – либо отвлечь внимание от главного, от «базовой операции», заставить публику сконцентрировать внимание не на том «шаре», не на том «напёрстке», да ещё «наварить» на этом (очень похоже, что «Код да Винчи» из этого ряда), либо привлечь внимание к какой-либо теме и проблеме, разрекламировать какие-либо структуры (или лиц) как якобы обладающие неким скрытым могуществом и т. п.

Не прибавляет доверия к конспирологии и то, что порой она становится элементом неомифологических конструкций (борьба «Добра против Зла», «сил Бытия против Небытия» и т. п.). В таких случаях реальный и часто корректный сам по себе анализ компрометируется вненаучным характером схемы, элементом которой он оказывается и в которой научные термины пересыпаны религиозными, мифологическими и т. д., являются их функцией. Особенно когда схемы эти подаются как озарение (типа распутинского «я так вижу»), которое на самом деле представляет собой (пост)модернистскую версию мракобесия, шаманского камлания.

Иногда имеют место более замысловатые комбинации: конспирологическая работа появляется специально для того, чтобы, попав под огонь разгромной критики, раз и навсегда скомпрометировать исследования по данному вопросу, структуре, личности (часто это делается накануне выхода в свет серьёзной публикации по данной теме). И невдомёк публике, что автора «заказухи» – «слепого агента» – исходно снабдили недостоверной информацией, чтобы устранить серьёзное отношение к исследованиям в данном направлении вообще и – «два шара в лузу» – нейтрализовать эффект серьёзных публикаций, максимально подорвав цену на этот товар на «информационном рынке».

Кстати, сам «рынок» конспирологической литературы, так сказать, в его количественном аспекте во многом выполняет роль дезориентации людей, топит их в потоке информации, в котором они не

способны разобраться, отвлекает внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут.

Вспомним диалог патера Брауна и Фламбо из честертоновской «Сломанной шпаги» («The sign of the broken sword»): «*После минутного молчания маленький путник сказал большому: „Где умный человек прячет камешек?“ И большой ответил: „На морском берегу“. Маленький кивнул головой и, немного помолчав, снова спросил: „А где умный человек прячет лист?“ И большой ответил: „В лесу“*». Иными словами, секреты практичнее всего «прятать» на видном месте. Подобной точки зрения придерживались не только К. Г. Честертон и такие мастера детектива, как Э. По и А. Конан-Дойл, но и крупнейший советский философ XX в. А. А. Зиновьев: «*Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности*», и в этом смысле одна (но далеко не единственная) из задач реальной конспирологии – прочитывать скрытый смысл, *hidden script* очевидного, лежащего на виду и потому кажущегося ясным. В том числе и – высший пилотаж – скрытый смысл самих конспирологических работ.

В этом плане конспирология – это не столько отдельная дисциплина (хотя потенциально и дисциплина тоже, либо, по крайней мере, научная программа или эпистемологическое поле), сколько подход, метод – дедуктивно-аналитический поиск неочевидного в очевидном, тайного – в явном, вычисление скрытых причин и причинных связей (рядов), которые эмпирически, индуктивно непосредственно не просматриваются, в лучшем случае, проявляясь в виде неких помех, отклонений, странных пустот. Можно сказать, что конспирология – неотъемлемый элемент истории, социологии, политологии, политэкономии и т. д. Настоящий профессионал в этих областях должен быть ещё и профессиональным конспирологом.

Это обусловлено не только несовпадением явления и сущности, самой спецификой социального знания, в основе которого лежит несовпадение – принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, т. е. не лжёт сознательно, «отвечая» на вопрос исследователя; человек же в качестве объекта исследования часто лжёт – либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах. Или

будучи в плену ложного сознания, а то и просто от незнания. Более того, в социальных системах целые группы специализируются на создании знания в интересах определённых слоев, в продуцировании ложного. Так, например, в капсистеме социальные науки и их кадры выполняют определённую функцию – анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счёте – в целом (интересах) сохранения существующей системы с её иерархией. В результате социальный интерес верхов становится социальным и профессиональным интересом того или иного научного сообщества как корпорации специалистов, которая, по крайней мере её верхняя половина, становится идейно-властными кадрами системы, особой фракцией господствующих групп, привилегированной службой.

Социальный интерес верхов автоматически встраивается в исследования научного сообщества, регулируя не только решения проблем, не только способы их постановки, но и то, что считать научными проблемами, а что нет. Отсюда – табу на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость. Список этих проблем в современной социально-исторической науке довольно длинный – от конспирологической проблематики до расовой и холокоста. Любой анализ знания с учётом искажающих его социальных интересов, вскрытие самих этих интересов, анализ реальности с точки зрения не тех или иных групп/интересов, а системы в целом так или иначе соотносится с конспирологией – эпистемологически, по повороту мозгов. Здесь выявляется двойной скрытый смысл: самой реальности (прежде всего властной) и знания о ней (информационной).

Конспирология – это, помимо прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как **реально** функционирует власть, распределяются ресурсы, циркулирует информация. А поскольку истинная власть – это, как правило, тайная власть или явная власть в её тайных действиях, тайном измерении, то её анализ по определению имеет конспирологический аспект. Конечно же, в виду имеется не конспирология в одиозно-традиционном смысле как поиск заговорщиков, а если угодно, политическая экономия заговора.

«Современная политическая экономия учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики»^[3]. Эти слова принадлежат не

конспирологу, а известному либеральному американскому экономисту и экономическому обозревателю, кандидату на Нобелевскую премию по экономике Полу Кругману. Он прямо пишет о том, что правые радикалы в Америке, будучи небольшой группой, но, контролируя при этом Белый дом, Конгресс и в значительной степени юстицию и СМИ, стремятся изменить как нынешнюю американскую, так и мировую систему.

Задолго до П. Кругмана – в самом начале XX в. – об огромной роли маленьких, хорошо организованных групп в широкомасштабных исторических процессах на примере Великой Французской революции писал О. Кошен. По его мнению, физическому кровавому террору 1793 г. предшествовал террор бескровный 1765–1780 гг., «в котором роль Комитета общественного спасения играла „Энциклопедия“, а роль Робеспьера – Д'Аламбер. Этот террор косил репутации, как последующий революционный террор – головы; гильотиной тогда служила диффамация, позор, как тогда говорили; это слово, с лёгкой руки Вольтера, в 1775 г. в провинциальных обществах употребляется с юридической точностью. „Заклеймить позором“ – это вполне определённая операция, подразумевающая целую процедуру: следствие, обсуждение, суд и, наконец, исполнение, то есть публичное приговорение к презрению – ещё один термин философского права, значение которого мы теперь уже недооцениваем. И "голова" летят в большом количестве... и это только в среде писателей, поскольку в политической среде бойня была ещё грандиозней»^[4].

Кошен подчёркивает целенаправленный характер деятельности писателей и философов, именуя их мощной и крепкой сектой, претендующей на то, что она – разум человечества (как тут не вспомнить «ум, честь и совесть нашей эпохи»). Речь идёт о масонских организациях, самую совершенную из которых (она же – организация философов), «Великий Восток», Кошен именует «столицей мира туч». Он же вводит и термин «малый народ», имея в виду небольшую, весьма влиятельную группу интеллектуалов, влияющую на остальное общество – на «большой народ». И, как показала историческая практика 1789 г., – влияющая весьма успешно. А ведь энциклопедисты жили и действовали до эпохи всеилия средств массовой информации, контроль над которыми увеличивает потенциал «малых народов» различного типа не то что в разы – на порядки, превращая заговор в

Заговор. П. Кругман очень хорошо показал это на примере деятельности неоконгов в США в 1990-е годы.

«Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров, – пишет он в своей работе «Великая ложь», – Однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора». Слово сказано, и это слово – «заговор», причём как политико-экономический феномен, как система странового, государственного уровня. Но бывают заговоры и мирового, глобального уровня.

В 2005 г. в России была переведена книга Э. Перкинса «Исповедь экономического убийцы». Автор – профессиональный убийца, но не в физическом, а в экономическом смысле. С 1968 по 1981 г. его задачей как тайного агента Управления национальной безопасности (УНБ) было убийство экономик стран «третьего мира» (Перкинс работал в Индонезии, Иране, Панаме, Колумбии и Эквадоре). Экономики убивались в два хода. Первый ход: выступавшие в качестве экспертов-экономистов агенты УНБ обосновывают перед руководством той или иной страны-мишени экономическую необходимость огромных западных займов (главным образом американских) для реализации (западными же компаниями) экономических проектов – энергетика, инженерия и т. д. На самом деле проекты эти либо не нужны, либо экологически вредны, либо ведут к социальным потрясениям; о том, что их стоимость завышена, и говорить не стоит – эта проблема решается с помощью «откатов» местным чиновникам, готовым обкрадывать собственный народ и рушить собственные страны. Кстати, среди тех, кто не поддался на проектные уловки, были погибшие в авиакатастрофах президент Панамы Омар Торрихос и президент Эквадора Хайме Ролдос. Ну и, конечно же, Саддам Хусейн. Ход второй – после того как страна-заёмщик расплачивается с западным подрядчиком, её банкротят, чтобы поставить в вечную зависимость от работодателя и превратить в его марионетку.

Перкинс показывает, что экономические убийцы – это не компания одиночек, а элитная группа мужчин и женщин, использующих всемирные финансовые организации для установления глобального контроля над миром со стороны слоя, именуемого Перкинсом «корпоратократией». Корпоратократия – это не примитивная кучка

заговорщиков, а мировой слой, связанный общими целями и исповедующий единые ценности. Сюда входят крупнейшие корпорации, банки, принадлежащие им СМИ, члены правительства, представители спецслужб, научно-исследовательские структуры.

Корпоратократия стала оформляться во второй половине 1940-х годов; её окончательному сплочению и формированию американского ядра способствовал кризис 1973 г. Именно он убедил корпоратократию в том, что нужно создавать глобальную империю. Такой империи, глобальной по целям и масштабу, но американской по прописке, нужен был президент, принципиально иной по сравнению с Никсоном, Фордом и Картером. И он явился – Рональд Рейган, ставленник нефтяных компаний и по сути первый президент корпоратократии, а точнее – от корпоратократии. По мнению Перкинса, на новом витке истории корпоратократия пытается восстановить то, к чему стремилась Британская империя – так сказать, новое издание Британской империи, или Вторая англосаксонская империя; бывший экономический киллер, порвавший с прошлым, считает, что конец Второй империи будет столь же плачевным, как и конец Первой, – Америка уже сейчас платит жестокую цену за империю как внутри страны (об этом пишет и П. Кругман), так и на международной арене (об этом много и убедительно пишет Ч. Джонсон).

Перкинс прав, подчёркивая, что корпоратократия – не заговорщики в узком, «случайном» смысле слова, а слой мировой верхушки, работающий на расширение и укрепление системы «глобальной империи», используя в основном тайные методы и средства, действуя главным образом с помощью тайных пружин и рычагов. Собственно, заговор и есть система, серьёзная конспирология и занимается заговорами как системами. Разумеется, есть заговоры и *заговоры*. Например, банановая республика: сегодня, трое спрыгнув с ветки, захватывают власть. А завтра трое других «прыгунов» прогоняют их пинками под зад. Это – заговор? Формально, в узком смысле – да. Но он не представляет никакого интереса для конспирологии как дисциплины, как научной программы. Ясно, что серьёзный, системный конспирологический интерес могут вызвать тайные действия не любых ограниченных по численности групп, а таких, которые обладают значительными материальными, властными и информационными ресурсами и которые поэтому могут оказывать долгосрочное влияние

на события в страновом, макрорегиональном или даже мировом масштабе. И которые, естественно, ставят такие задачи.

Например, Коминтерн в 1920–1930-е годы – «Штаб мировой революции» и в то же время средство советской внешней политики. Его тайная деятельность в мире – Заговор, конспирология мирового уровня? Безусловно. Однако в научных исследованиях это проходит по линии истории мирового коммунистического движения и международных отношений. А вот попытки проанализировать тайную деятельность Капинтерна (Фининтерна) по реализации политико-экономического и культурно-информационного господства мировой буржуазии, мирового истеблишмента или отдельных её (его) сегментов почему-то сразу же сталкиваются с обвинениями в «конспирологическом уклоне», что лишний раз свидетельствует, во-первых, о верном направлении исследований («*a вот тут у них логово*», как говаривал Глеб Жеглов), во-вторых, о конспирологии как о «негативно-классовой», объективно антисистемной по интенции и устремлениям сфере интеллектуальной деятельности, как о сфере дешифровки социальных кодов.

Корпоратократия Перкинса – это на самом деле заговор, но только не в примитивном смысле слова. О том, что это глобальный системный заговор как процесс, красноречиво свидетельствуют разъяснения, которые неопытный ещё экономический киллер Перкинс получил от своей наставницы Клодин. *«Мы маленький эксклюзивный клуб, – сказала она. – Нам платят, и хорошо платят, за то, что мы обманным путём уводим из разных стран мира миллиарды долларов. Значительная часть твоей работы – подталкивать лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов Соединённых Штатов. В конце концов, эти лидеры оказываются в долговой ловушке, которая и обеспечивает их лояльность. Мы можем использовать их, когда нам будет это необходимо, – для удовлетворения наших политических, экономических или военных нужд»*^[5]. Что это, если не заговор?

Конспирологический аспект политэкономики капитализма, истории международных отношений и любых других дисциплин объективно вскрывает такие формы деятельности, которые хозяева современного мира предпочли бы держать в секрете – по «принципу Гэндальфа» («keep it safe and keep it secret»), а следовательно, сама

конспирология – это информационное (научное) поле борьбы, и во многом именно поэтому ей отказывают в праве на существование, стремятся дискредитировать в принципе, в том числе и ложной (или контр-) конспирологией, – на войне как на войне.

Конечно, согласно обычным представлениям заговор не ассоциируется с чем-то очень масштабным и длительным, по крайней мере по сравнению и на фоне истории как стихии широкомасштабных массовых процессов, как поля действия крупных структур. На самом деле это не так – пример Коминтерна (и не он один) тому подтверждение. В этом плане интересен и показателен заочный спор между двумя русскими – Александром Грибоедовым и Владимиром Ульяновым-Лениным.

В начале XIX в. автор «Горя от ума» заметил по поводу будущих декабристов: *«Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России!»*. Грибоедов ясно даёт понять: заговор – не то средство, которое может изменить систему. Простой захват власти – сколько угодно, как это неоднократно происходило повсюду в мире, включая и Россию «эпохи дворцовых переворотов» (1725, 1730, 1740, 1762, 1801 гг.) плюс «генеральная репетиция» – стрелецкий бунт 1682 г. А вот кардинальное изменение хода истории страны или мира (великие революции, войны) – *c'est un peu trop*, это слишком, не получится. Грибоедов оказался прав: у декабристов не получилось.

В начале XX в. Ленин, словно в ответ Грибоедову, произнёс не менее знаменитую русскую фразу: *«Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернём Россию»*. И оказался прав: у него получилось. Разумеется, ситуация начала XX в. в корне отличалась от таковой XIX в. – русское общество было иным, социальные противоречия были намного глубже и острее, шла война, в свержении царского правительства и ликвидации самодержавия были заинтересованы многие силы как в русской, так и в мировой верхушке. Всё так. Но для нас в данном случае важно другое – зафиксировать заговор как регулярный политикоэкономический феномен, как норму, но норму скрытую, которую стремятся всеми силами замолчать, «не заметить» или, на худой конец, представить в качестве некоего отклонения. Из исторического процесса, который есть единство явного и тайного, последнее изгоняется, стирается, и уже сам анализ этого стирания – его причин, механизма, агентов и последствий – может

порой объяснить намного больше, чем исследование явного. Ещё лучше – комбинация первого и второго.

Само по себе количественное измерение заговора (с одной стороны – небольшая, пусть весьма влиятельная и обладающая мощными ресурсами группа, с другой – группа, общество или даже весь мир) на самом деле ничего не говорит и не может служить антиконспирологическим аргументом: мир – понятие не количественное, а качественное, любил говорить Эйнштейн. Разве кучка вооружённых конкистадоров была слабее многотысячной армии ацтеков? А ведь она изменила весь ход истории доколумбовой Америки. Можно привести немало других похожих примеров. Значит, дело не в количестве и массе, а в качестве – читайте Кругмана и многих других, изучайте историю – вообще и крупных организаций в частности, например, христианской церкви (раздолье для конспирологов; сам генезис христианства, христианская революция – это по сути конспирологическая, крипто-историческая и крипто-кратологическая проблема).

II

Неявный, тайный аспект, аспект заговора как системы постоянно присутствует в истории, проявляясь по-разному в различных обществах и в различные эпохи. Например, в «докапиталистических» обществах, особенно в Азии, Африке и доколумбовой Америке, тайна была имманентной характеристикой власти, но эта тайна была на виду, очевидной. Люди знали о тайной власти и о тайне власти, саму власть воспринимали во многом как нечто таинственное. В данных случаях в заговоре как **системе**, как особом феномене в конспирологии, строго говоря, особой нужды не было. Разумеется, это не означает отсутствия заговоров и тайной борьбы в этих обществах.

Совершенно иначе обстоит дело с капитализмом как системой. Поскольку в капиталистическом обществе производственные отношения носят экономический характер, а эксплуатация осуществляется как очевидный обмен рабочей силы на овеществлённый труд, социальный процесс почти прозрачен. Рынок, господство товарно-денежных отношений, институциональное

обособление власти от собственности, экономики – от морали, религии – от политики, политики – от экономики (управление экономикой отделяется от административно-политического процесса – «закон Лэйна»), экономики – от социальной сферы – всё это обнажает социальные и властные отношения буржуазного общества. Рационализация экономических, социальных и политических сфер и отношений максимально открывает процессы, происходящие в этих сферах, делает их принципиально читаемыми и превращает в объект исследования специальных дисциплин – экономики, социологии, политической науки.

Власть в буржуазном обществе лишается сакральности и таинственности; помимо государства существует гражданское общество. Более того, капиталистическая система, точнее, буржуазное общество её ядра – единственная, в которой легализуется политическая оппозиция. Власть – государство и политика – особенно с середины XIX в. если и не просвечивается, то оказывается весьма и весьма на виду, тем более что официально претендует на открытый и рациональный характер. И это естественно создаёт для неё очень серьёзные проблемы, которые по мере усиления с конца XIX в. социальных конфликтов, войн и революций становятся всё более серьёзными и острыми. Нормальное функционирование государственно-политического механизма в буржуазном обществе потребовало искусственного создания тени, завесы – того, в чём не было **такой** потребности до капитализма. Впрочем, это далеко не единственный источник «конспирологизации» политических, финансово-экономических и даже некоторых социальных процессов в буржуазном обществе, есть и другой – не менее, а возможно, и более серьёзный.

III

Капитализм как экономическая система носит **мировой**, наднациональный (надгосударственный) характер, *locus standi* буржуазии – мировой рынок, мир в целом. В то же время формальная политическая организация капиталистической системы носит **национальный**, (меж) государственный характер. Поскольку товарные цепи постоянно нарушают государственные границы, буржуазия

испытывает острую необходимость в организациях наднационального, мирового уровня. Готовых и «естественных» организаций такого уровня у неё нет. Далёко не все, как Ротшильды, или вообще еврейский капитал могут воспользоваться родственными и общинно-еврейскими связями и таким образом решить проблему организации наднационального уровня (отсюда отмеченная многими исследователями, начиная с Маркса и Зомбарта, тесная связь еврейства и «нового», т. е. формационного капитала, синхронность их подъёма с начала XIX в.). Поэтому, естественно, буржуазия прежде всего использовала те организации, которые были в наличии, например масонские. Последние начинали выполнять новые функции, в том числе служа средством борьбы с государством (уже антифеодальным, но ещё не буржуазным, «старопорядковым»), причём не только для буржуазии, но и для других слоев.

Дело в том, что на месте разрушившегося и разрушенного в XIV–XV вв. феодализма в Западной Европе возник так называемый Старый Порядок (*Ancien regime* – словосочетание, запущенное в оборот во Франции в 1789 г., чтобы оттенить новизну революции и припечатать в качестве негатива то, что её вожди стремились уничтожить), просуществовавший около 300 лет. Это уже постфеодальный, но ещё не капиталистический строй. По сути это антифеодальная машина, заинтересованная в мировой торговле, но вовсе не готовая допускать в первые ряды буржуазию. Короли в Старом Порядке превратились в монархов («монархическая революция» XVII в.), а феодалы – в аристократию, главным образом – придворную (этот процесс хорошо описан Н. Элиасом).

Жизнь старопорядковой аристократии была, конечно же, более комфортной, чем жизнь феодальной знати, однако их политико-экономическая «сделочная позиция» по отношению к крепчавшему государству ухудшилась. Кроме того, они утратили феодальную организацию и вынуждены были довольствоваться теми оргформами, которые предлагало/навязывало им государство. Именно этим обусловлено возрождение в XVIII в., второе издание старых и возникновение новых масонских организаций. Веха здесь – именно вторая четверть XVIII в., когда совпало оживление/возрождение масонства и возникновение первой новоевропейской антисистемной «фабрики мысли» – компании энциклопедистов. Последние развернули

систематическое воздействие (пси-атака, серия психоударов) на воздействие целых слоев, подрывая «Старый Порядок» «сверху», «с головы». Следующей вехой в развитии конспироструктур станут 1870-е – 1880-е годы, а третьей – послевоенное тридцатилетие (1945–1975). Сегодня, по-видимому, подходит к концу третья эпоха в развитии «мировой тени».

Масонство на новом витке своего исторического развития стало средством тайной самоорганизации прежде всего той части господствующих групп Старого Порядка, которая утратила свои достаропорядковые, феодальные формы организации и социальные позиции которой ослаблялись прежде всего государством и отчасти подъёмом новых социальных слоев.

К тому же в изменившихся условиях перед аристократией стояли социальные задачи на порядки сложнее, чем перед феодалами, и решать эти сложные задачи открыто, публично было затруднительно. Отсюда – рост и значение тайных организаций, теневых, закулисных структур, которые с самого начала сопровождали Модерн – как старопорядковый, так и буржуазный, причём число этих организаций росло, а роль увеличивалась по мере усложнения социальной реальности (и связанных с этим проблем и задач, которые становились всё более долгосрочными и, поднимаясь над повседневностью, всё более абстрактно-стратегическими) и мировой экспансии Европы, т. е. по мере превращения её в Запад как ядро мировой капсисемы.

Государство и становящаяся всё более публичной политика буржуазного общества во многом не отвечали как интересам самой буржуазии и в то же время старопорядковой аристократии, так и сложности формирующегося мирового рынка, а потому были вынуждены всё время догонять его, меняться. Во многом именно этим объясняются, с одной стороны, быстрая эволюция государства в XVI–XX вв. (княжеское государство, монархическое, территориальное, государство-нация, нация-государство и – уже в наши дни – корпорация-государство), с другой – нарастающее включение в государство всё большей части населения – в нации-государстве государство и нация как весь народ в качестве граждан совпали.

По мере публичного «огосударствления» населения, превращения его в граждан как агентов публичной политики пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причём

не только внегосударственной масонской и иных тайных обществ, но и самого государства. Последнее в условиях разрастания публичной сферы и роста значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей деятельности, реальную власть и её главные механизмы. И чем большая часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем – внешне – демократичнее общества, тем большая часть – особенно в XX в. – реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в качестве заговора.

Иными словами, заговор есть обратная, «тёмная», «теневая» сторона демократии и публичности, по сути – тёмная/теневая сторона Модерна в его североатлантическом ядре. Эпоху Модерна можно рассматривать по-разному, в том числе и как процесс роста этой тени, которая сначала знала своё место, а затем в «длинные двадцатые» (1914–1933 гг.) поменялась местами с хозяином, стала главной, и, что поразительно, это не нашло практически никакого отражения в науке об обществе. А ведь ясно, что «тень» нужно изучать принципиально иначе, чем то, что её отбрасывает, – иными методами и средствами. А уж тень, поменявшуюся местами с хозяином, – тем более. Но вернёмся в эпоху раннего Нового времени, в юность Модерна.

Если экс-феодалная аристократия использовала масонские и иные тайные общества («заговор»), поскольку утратила свою традиционную «явную» организацию, то «третье сословие» (буржуазия и обслуживавшие её адвокаты, журналисты и особенно философы) просто не имело, не успело выработать своих официальных организаций, а те формы, которые предлагались государством, его не устраивали. Отсюда интерес и новых слоев Европы к тайным обществам как средству самоорганизации. Негативный фокус этой самоорганизации – государство Старого Порядка («абсолютистское», «барочное») – становился для представителей старых и новых слоев общим знаменателем, общей площадкой.

Повторю: масонские и иные тайные общества были наднациональными (это объективно противопоставляло их государству, к тому же становившемуся всё более массово ориентированным, открытым и публичным), что весьма соответствовало экономическим и социальным интересам буржуазии. Таким образом, Заговор стал формой самоорганизации старых и новых групп Европы как мир-

системы (а с середины XIX в. – как мировой системы) XVIII–XIX вв. *vis a vis* государство – как на внутринациональном, так и на мировом уровне – в борьбе за власть, ресурсы и информацию в постоянно меняющихся и усложняющихся условиях. При этом роль и значение буржуазного сегмента постоянно усиливались, переплетаясь с аристократическим – внешне при сохранении прежних форм.

IV

Я, естественно, не утверждаю, что именно масоны, закулиса организовали все основные революции эпохи Модерна, но их активную роль в качестве лиц и оргагентов вряд ли кто возьмётся отрицать. Эту роль, отчётливо выявившуюся в «эпоху революций» (Э. Хобсбоум), т. е. в 1789–1849 гг., прекрасно понимали проницательные современники. Так, в 1852 г. немецкий писатель и философ Эккерт писал: *«Никакой государственный деятель не может понимать своего времени, ни правильно оценивать события, каких ему довелось быть свидетелем, не может уяснить себе того, что совершается в сферах администрации, церкви и народного образования, а также политической и общественной жизни, не может даже понять истинного значения некоторых условных терминов и выражений, если он основательно не изучит историю франкмасонского ордена и не постигнет истинного характера и направления его деятельности.*

Без этих знаний он всегда будет ходить в потёмках и будет вынужден рассматривать все события и общественные явления каждое в отдельности, без их внутренней причинной связи, и поэтому оценка этих событий будет всегда односторонней и непонятной»^[6].

В деятельности масонов не было ничего демонического или мистического, только борьба за власть, ресурсы и информацию, но борьба не столько в краткосрочной перспективе и с краткосрочными целями – хотя и это тоже, а с долгосрочными макросоциальными, геополитическими и геоэкономическими целями. Несколько упрощая историческую реальность и вычленяя из неё векторную логику, можно сказать, что почти все крупные революции эпохи Модерна прежде всего устраняли те структуры, которые мешали эффективному функционированию буржуазии и связанных с ней групп как мировой,

наднациональной силе. А мешали, прежде всего, наднациональные же структуры, но не экономического, а политического – имперского типа: Османская, Австро-Венгерская, Германская и Российская империи. В революциях начала XX в., в их мишенях чётко прослеживаются интересы англосаксонского ядра капиталистической системы, «стреляющего» с двух рук, по-македонски, с помощью национализма и интернационализма (социализма), – неотразимая комбинация.

Революции европейского Модерна, помимо прочего, постоянно приспособливали-модифицировали госструктуры к нуждам мирового рынка, а следовательно – к интересам господствующих на нём групп. Не случайно революции и, естественно, войны происходили всякий раз по исчерпанию-завершении определённой эпохи в истории мирового рынка, мировой системы, когда уровни мировой прибыли ядра капсистемы начинали снижаться. Эпохи войн и революций, по сути, означали насильственную перестройку мировой системы (прежде всего системы в целом, а не отдельных государств, хотя события происходили именно на национальном или суммарно-национальном уровне) в определённых интересах и (или) борьбу за тот или иной тип мировой перестройки.

Что особенно показательно, каждый новый этап в развитии капсистемы модифицировал старые или создавал новые конспироструктуры (далее – К-структуры), соответствовавшие усложнявшимся задачам управления мировыми процессами, массами, с определённого этапа – информацией, культурой (психоисторией). И эти структуры должны были быть тайными, закрытыми, поскольку создание публичных структур – процесс, во-первых, долгий, процедурный; во-вторых, долженствующий учитывать широкие интересы.

Подчеркну ещё раз: масштаб, сложность и закрытость, т. е. сфера деятельности К-структур и их «теневое качество», росли и усиливались пропорционально мировой экспансии капитала, Запада, усложнению современного мира, а также развитию публичной политики, нации-государства и формальной демократии – т. е. всего того, что должно сделать процессы управления обществом («социальную кибернетику») прозрачными в их рациональности и рациональными в их прозрачности, – на что, собственно, и претендует буржуазное общество и что оно ставит себе в заслугу, скрывая в тени, во внутренних «серых

зонах», уводя в них всё то, что не должно быть прозрачным для массового взгляда и не может быть представлено как рациональное большинству населения, поскольку не соответствует его интересам или прямо противоречит им. Как заметил М. Перенти, в буржуазном государстве тратятся три доллара из правительственных денежных средств для защиты одного доллара частных инвестиций^[7], но для этого нужно либо задурить людям голову пропагандой, либо повернуть всё дельце втайне.

И дело здесь не только в классовых различиях и несовпадении экономических интересов верхов и основной массы населения. Дело ещё и в другом: конкретно эти противоречие и несовпадение проявляются в противостоянии в эпоху капитализма наднациональной (и стремящейся к созданию своей наднациональной, мирового уровня организации) верхушки и национально организованного населения.

Формально господствующие группы являются частью своих наций и, следовательно, и наций-государств; более того, у значительной их части есть и национальные классовые интересы, т. е. здесь налицо и содержательная принадлежность. Однако интересы значительной части буржуазии объективно носят наднациональный, интернациональный характер (это и есть одно из главных внутренних противоречий буржуазии, её национально-интернациональная нетождественность самой себе). Вообще, нужно сказать, что подлинными интернационалистами вопреки мнению Маркса, Энгельса и других являются не пролетарии, а буржуа; история Интернационалов, особенно Второго, – красноречивое тому свидетельство. «Интернационалы» буржуазии – капинтерн, фининтерн – оказались, в конечном счёте, эффективнее всех антикапиталистических интернационалов (здесь я оставляю в стороне вопрос о связи этих интернационалов-«антагонистов» между собой). Но в данном случае для нас важно другое – оформление в капиталистическую эпоху, уже на рубеже, на водоразделе XVIII–XIX вв. мощной и могущественной международной, интернациональной верхушки.

Вот что писал по этому поводу Г. Кнупфер в работе «Борьба за мировую власть. Революция и контрреволюция»: *«С развитием ростовщичества и создающего деньги (money creating) капитализма набрала силу новая форма власти, протагонисты которой не имели подлинных связей с нациями, над которыми они полностью*

господствовали. Методы и политика этой власти хранились в секрете, её интересы и цели не имели ничего общего с интересами их наций, а в реальности противоречили им. (Таким образом. – А. Ф.) возникла чисто паразитическая власть, интернациональная по форме и по духу – и потому, что её совершенно не интересовала судьба её подданных, и потому, что её деятельность (operation) была естественно интернациональной, а её главные агенты часто и вовсе были иной национальности, чем население, среди которого они действовали. Эта форма власти не имела никаких органических связей или общих интересов с теми, кем она правит. В этом плане она полностью отлична от предыдущих форм власти, какой бы ни была их юридическая основа.

Номинально капитализм сохранил государственное управление старого типа, хотя в реальности те, кто теоретически правил государством, оказались подчинены ростовщикам и теперь являются не более чем фасадом, полностью контролируемым с помощью финансов»^[8].

А далее Кнупфер фиксирует очень важную вещь: поскольку именно капитализм создаёт, порождает социализм и коммунизм (коммунизм как организованное движение и как социально-экономическая система действительно возможен только при капитализме – как «негативный капитализм», как «капитализм со знаком минус» (подр. см.: Фурсов А. И. Колокола Истории. М., 1996, с. 14–74), последние выступают как такая же интернациональная надстройка над нациями-государствами, как и финансовый капитал, и интересы этой «антинадстройки» во многом противоречат интересам наций, их населения, на которое коммунизм, как и капитализм, обрушивается с помощью революций – буржуазных и коммунистических.

К сказанному Кнупфером необходимо добавить следующее. Разумеется, социализм/коммунизм как движение и система возникает как антагонист капитализма. Но оформляется он прежде всего на международном уровне, а не на уровне национально-государственном; поле его деятельности, масштаб, важнейшие характеристики – такие же, как у международного капитала, которому он противостоит, с которым борется (причём сама эта борьба расчищает поле для будущего существования – и будущих битв). Но не только борется, имеет место и сотрудничество – косвенное,

наведённое, а иногда и прямое. «В истории существуют достаточно короткие периоды, когда будущие противники вынуждены работать сообща исключительно ради создания прочных долговременных основ глобального конфликта, который определит мировой баланс. Сейчас именно такой период, и поэтому плодотворное сотрудничество радикального исламиста с не менее радикальным глобалистом вполне объяснимо», – пишет С. Горяинов об эпохе рубежа XX–XXI вв.^[9] На рубеже XIX–XX вв. такими будущими противниками, одновременно боровшимися друг против друга и совместно – с империями XIX в., – были мировой социализм/коммунизм и мировой же фининтерн.

Их связывал принцип единства и борьбы противоположностей. Это единство среднесрочных интересов проявилось и в закулисном механизме русской революции 1905–1907 гг., и в ещё большей степени – обеих революций 1917 г., когда международный капитал действовал рука об руку с социалистами, сначала с умеренными, а потом – с крайне левыми.

Я уже не говорю о контактах 1960–1970-х годов между советским и американским руководством, в которых отражалось стремление не только тайно договориться верхушкам двух стран, но и создать некую наднациональную координационную структуру поверх системных барьеров. Внешним проявлением такого стремления было, в частности, создание Международного института прикладного системного анализа в Вене как некой ширмы, как акции прикрытия основной операции. В конечном счёте, эта операция обернулась против советского руководства, оно попало в западню и проиграло, а сами контакты из поначалу равноправных отношений превратились в отношения международных хозяев и русских приказчиков (*à la* комиссия «Гор – Черномырдин»). Но это отдельная тема.

Здесь нам важно зафиксировать следующее: природа и логика развития капитализма ведут к тому, что, во-первых, возникает международный слой, интересы которого в основном не совпадают с национально-государственными, а потому требуют особого, преимущественно тайного организационного оформления; во-вторых, возникает международное социалистическое/коммунистическое движение, интересы которого в основном тоже не совпадают с национально-государственными, – и потому что цели и задачи движения носят мировой характер, и потому что движение это

противостоит легальной власти, что, в свою очередь, становится двойной причиной превращения как международных, так и страновых оргформ коммунизма в К-структуры; в-третьих, у действующих на одном – наднациональном – поле двух кластеров К-структур, двух заговоров – международно-капиталистического и международно-коммунистического, несмотря на теоретический долгосрочный антагонизм, нередко совпадают среднесрочные интересы – особенно по линии объектов борьбы.

В результате между ними возникает сверхтайное взаимодействие, формы которого могут носить сетевой, косвенный, а иногда и непосредственный характер (финансирование, дипломатическая помощь, информационная война и т. п.). Перед нами сверхзаговор, тайны которого охраняются особо тщательно обеими сторонами, а попытки прояснить ситуацию отменяются представителями обеих сторон как клевета, дешёвая конспирология и т. п. В результате, например, многие до сих пор считают, что «демократический Запад» – страны Антанты – активно помогали белым в их борьбе против большевиков, а саму эту «помощь» квалифицируют как интервенцию и чуть ли не главную причину гражданской войны (так, кстати, изображало этот процесс большевистское руководство Советской России).

Цель интернационал-коммунистов – слом системы, революция, земшарная республика во главе с коммунистической контрэлитой, иными словами – новая система. Цель интернационал-капиталистов, фининтерна – мировая капиталистическая система без империй и с максимально ослабленным нацией-государством, т. е. иная, новая структура капиталистической же системы.

В период социальных кризисов (снижение уровня мировой прибыли *par excellence*) объект борьбы у интернационалистов был один и тот же, но в разной ипостаси: коммунисты боролись против него как против **системы**, а капиталисты – только как против **структуры**, на смену которой они готовили новую структуру той же системы. В этой борьбе коммунисты пытались использовать фининтерн как антисистемный ледокол международного уровня (впрочем, конкретные результаты редко всерьёз выходили за национально-государственные рамки), тогда как интернационал-капиталисты использовали социалистическое движение для структурной перестройки, для

«перезагрузки матрицы» в духе фильма «Матрица-2». Противостоять двуручному – системно-антисистемному – мечу, двойному – финансово-политическому – удару было очень трудно. Крушение империй в два первые десятилетия XX в. свидетельствует об этом со всей очевидностью. Надо ли говорить, что интернациональные верхушки – капиталистическая и коммунистическая – должны были развивать свою совместную или, по крайней мере, параллельную деятельность в качестве сверхтайного заговора – тем более сверхтайного, что в своей пропаганде те и другие призывали, во-первых, к открытой и честной публичной политике, во-вторых, к непримиримой, не на жизнь, а на смерть борьбе друг с другом. Но вернёмся к буржуазному государству-нации и его «публичным и рациональным» институтам, якобы работающим на общенациональное благо.

V

Итак, прозрачно-рациональные условия и институты крайне затрудняют нормальное функционирование капсистемы, мирового рынка буржуазного государства, накопление капитала в целом. Последнее, по крайней мере в определённые периоды, вообще требует подъёма антисистемных сил, которые надо растить и готовить, – естественно, К-структурным образом. Я уже не говорю о том, что национально-государственные институты объективно демондиализируют буржуазию, ослабляют её мировой политический потенциал. Поэтому с самого начала существования капсистемы рядом с её «материей» – публичными формами власти, управления экономикой, обществом и информпотоками – возникла и развивалась «антиматерия» или, если угодно, «тёмная материя» – К-структуры, «закулиса»; рядом с «миром» государства и партий – «антимир» закрытых и тайных обществ (клубов «мировой элиты»), как системных, так и антисистемных, отражавших, причём в скоростном варианте, нарастающую сложность мирового уровня и таким образом на шаг опережавших «открытые» структуры, а потому получавших возможность управлять ими или, по крайней мере, направлять их деятельность. Собственно, говорить нужно не о двух мирах, а об одном,

у которого две стороны – открытая и теневая, причём, несмотря на некоторые характеристики игры с нулевой суммой, вторая постоянно теснит первую (в этом плане у конспирологии – большое будущее; это наука будущего и о будущем – к сожалению).

Теневая сторона уравнивает видимую сторону в интересах интернационального (сегодня – глобального) меньшинства; если она и не превращает демократию, разделение властей, гражданское общество и т. д., и т. п. на Западе полностью в фикцию, то, по крайней мере, серьёзно подрывает и ослабляет их, выхолащивает их содержание до такой степени, что хозяева капсистемы с минимумом помех реализуют свои интересы и свою социальную суть в качестве агентов **мирового** накопления капитала. Демократия становится уделом избранных – плутократии^[10]. Особенно насущной эта задача стала после Второй мировой войны – в условиях массового общества, подъёма среднего класса, триумфа нации-государства в форме *welfare state* и противостояния Западу Советскому Союзу.

Заговор снимает противоречие между мировым и государственным уровнями системного бытия буржуазии в пользу первого. Сегодня, в условиях глобализации это происходит почти автоматически. В этом плане глобализация, снимающая противоречие «мировой – государственный», делающая его иррелевантным, сама может рассматриваться как заговор глобального масштаба – только без мистики, демонизации и дешёвой конспирологии, но это отдельная тема. Здесь я ограничусь только одним – указанием на прямо пропорциональную связь между развитием государства и приобретением им всё более публичных и общенациональных характеристик, с одной стороны, и ростом мощи и значения конспиративного, тайного аспекта функционирования политической системы, смещения реальной власти в «теневую» зону, а следовательно, деполитизации самой политической власти – с другой.

Наиболее развитой, полноценной формой развития государства (*state*) является нация-государство. По сути – это пик в развитии государственности с точки зрения его формальной рационализации и максимума включения населения в государство в качестве граждан.

В то же время именно нация-государство, как считает П. Бурдьё, обладает в наибольшей по сравнению с другими формами государства качествами фиктивного субъекта. Речь, таким образом, идёт о

фиктивности многих продекларированных качеств нации-государства как публично-правового и общенационального института. Реальным субъектом в нации-государстве являются, по мнению французского социолога, не нация и не государство, а группы индивидов, реализующие свои групповые и корпоративные интересы под видом государственных или под покровом государственной тайны.

Как показывает Бурдьё, есть целый ряд профессиональных и социальных групп, которые заинтересованы в продвижении фикции государства как единого коллективного тела, или, как сказал бы Т. Гоббс, «искусственного человека». Я бы сказал, что на самом деле «искусственный человек» – это в значительной степени фиктивный Гулливер, внутри которого снуют и действуют реальные лилипуты, представляющие свои мелкие делишки как свершения Гулливера, как общее, национальное благо.

Во Франции Бурдьё считает такой группой сообщество юристов, их корпорации, чему в немалой степени способствовала централизация судов в этой стране. Ещё одна группа – учёные, прежде всего в области политических, социальных и гуманитарных наук. *«Появление „государственной знати“ во Франции, вероятно, совпало с появлением академических степеней и званий, позволявших их обладателям представлять себя в качестве объективных экспертов, образцов «незаинтересованной преданности общим интересам». В целом, юристы «были заинтересованы в придании универсальной формы выражению их частного интереса», в создании теории государственной службы и общественного порядка, в отделении государственных интересов от интересов династии, от «королевского дома», в изобретении Res publica, а затем и республики как высшей по отношению к агентам инстанции, даже если речь шла о короле, являвшемся временным её воплощением»^[11].*

С точки зрения наших размышлений очень важен вывод Бурдьё о том, что сама формализация-рационализация государства, превращение его в абстрактный принцип, отделённый от персонификаторов, есть не только объективный процесс эволюции государства как целостности, но и результат сознательной деятельности заинтересованных экономических, социально-политических и профессиональных групп, которые, подталкивая этот процесс, используют его «целостные» материальные и идеологические

результаты в своих групповых и корпоративных интересах, как орудие в социальной борьбе. Одновременное возникновение нации-государства и феномена идеологии, т. е. такого светского рационального знания, цель которого – представить частные интересы^[12] в качестве общих, не случайно. Это две стороны одной медали.

Если сформулировать тезисы Бурдые другим языком, то юристы и «академики», по крайней мере, та их часть, что включена в истеблишмент или обслуживает его, выступают в качестве персонификаторов социально-политического заговора. Однако на самом деле этот *conspiratio* вторичен, носит функциональный характер, и Бурдые должен был бы зафиксировать это. Первичный заговор – это те, в чьих руках власть и богатство, кто оплачивает функционирование в своих интересах корпораций юристов, академиков и др. В любом случае перед нами теневой мир, теневая иерархия разных уровней, «обратная сторона» нации-государства, которая и является реальной; фасад лишь оказывается более или менее фикцией – холстом с нарисованным на нём очагом, за которым скрывается потайная дверца. А ключ к ней и должен раздобыть конспиролог, похитив его у карабасов-барабасов капсистемы и обслуживающих их дуремаров, лис-алис и котов-базилио интеллектуально-идеологического труда.

В теневом мире граница между обычным функционированием К-структур и теневым функционированием формальных и открытых структур стирается. Показательно, что именно с возникновением нации-государства, т. е. той формы, с которой государство в максимальной степени превращается в функцию капитала^[13], в «комитет, управляющий общими делами буржуазии» (К. Маркс, Ф. Энгельс)^[14], теневой, внеполитический, надгосударственный аспект функционирования власти обретает свой завершённый вид, что создаёт условия для перемены мест хозяина и тени, т. е. реального выхода на первые роли различных К-структур.

К-структуры XX в. – это, прежде всего (хотя и не только), ответ накопителей капитала на мировом уровне нации-государству, гражданскому обществу и всеобщему избирательному праву на уровне государственном. Чем более прозрачны (внешне) действия государства, чем более оно ограничено в своей открытой деятельности, тем шире закрытая, теневая, серая зона действий государства; чем больше у

последнего тайных функциональных органов, тем последние автономнее – вплоть до создания своей экономики (чаще всего «на паях» с криминалом), до ведения своей внешней политики. Тень, как уже говорилось, начинает подчинять своего хозяина, а глобализация создаёт хорошие условия для этого. Чем больше достижений открытости на национальном уровне, тем больше контрусилий на теневом, причём главным образом мировом уровне – закон сохранения вещества, энергии (и, добавлю я, информации) в социосфере.

Но вот что интересно: современная (*modern*) наука об обществе сконструирована так, что «видит» и изучает только видимую сторону, «материю», «мир», – для этого у неё есть триада «экономика, социология, политическая наука». А для теневой «зоны» и о ней, для К-структур, «тёмной материи», «антимира», т. е. для зоны, где принимаются главные решения, где происходит реальное управление обществом, психоисторией в различных её информпотоках, науки нет. Парадокс: не искажая или почти не искажая реальность сами по себе, дисциплины триады фактом своей монополизации изучения общества автоматически искажают картину мира, исключая из него как минимум половину, уравнивающую своим скрытым удельным весом историческое значение массовых процессов и нередко направляющую их (что не исключает довольно частых поражений конспироструктур, особенно в кратко – и среднесрочной перспективе: интернационал-социалистическая революция в России и то, что за ней последовало; Веймарская республика и то, что за ней последовало).

То, что конспирология не оформилась институционально, а остаётся занятием отдельных лиц, часто любителей (в научной среде конспирология, как правило, – некомильфо), не случайно: современная наука об обществе выстроена под интересы накопителей капитала, которые строго хранят свои секреты, главный механизм функционирования своей системы. *Ergo*: настоящая конспирология по своей сути – не просто одна из социальных дисциплин среди социологии и прочего, она рядо – и равноположенное им эпистемологическое поле, со своим внутренним членением, со своими особыми методами обработки информации и исследования, со своей высшей математикой. Она – поле и средство социальной борьбы в научной сфере, а К-структуры – лишь один из её объектов.

Если говорить о последних, то, как правило, модификация старых или формирование новых К-структур происходили в канун, во время и сразу после крупных войн. Можно сказать, что заговор был конкретной формой подготовки войн – не в том смысле, что собралась кучка поджигателей-плохишей, запалила бикфордов шнур и – *«то-то сейчас грохнет»*. Заговорщики и поджигатели – это нечто более серьёзное. Заговор был системой выявления, артикуляции и представления тайным образом определённых интересов, как правило, наднационального уровня, и лучшим средством реализации этого процесса были различные закрытые или просто тайные структуры и их агенты. Причём многие структуры подобного рода создавались на самом высоком уровне. В качестве примера рассмотрим группу Родса, историю которой великолепно описал американский историк К. Куигли (1910–1977) в работе «Англо-американский истеблишмент» (1981 г.). Об этом историке и его работах следует сказать несколько слов.

К. Куигли начинал с безобидной темы общей и сравнительной эволюции цивилизаций. Однако затем он обратился к современности. В 1966 г. он публикует огромный, на более чем 1300 страниц труд – «Трагедия и мечта. История мира в наше время»^[15]. «Наше время» – отрезок между 1895 и 1950 гг.

В своей книге Куигли, которого Р. Крог, декан Школы иностранных дел Джорджтаунского университета назвал *«одним из последних макроисториков, который проследил развитие цивилизации с приводящей в благоговение тщательностью»*, анализирует мировую политику и экономику, две мировые войны, судьбы великих держав. Седьмая глава «Трагедии и мечты» называется *«Финансы, торговая политика и деловая активность в 1897–1947 гг.»*. В ней помимо экономики была довольно подробно описана тайная деятельность финансового капитала (и его К-структур) по организации кризисов и войн, по тайному управлению миром в своих интересах. *«У сил финансового капитала был далеко идущий (план) – создание не менее чем мировой системы финансового контроля, который находится в частных руках, способных (благодаря этому) господствовать над политической системой каждой страны и мира в целом»*, – писал Куигли. Сквозь его книгу проходит тема заговора, *conspiratio* финансового капитала как одного из главных субъектов (если не главного субъекта) мировой системы XX в.

Когда информация об этой «красной нити» работы Куигли получила широкое распространение, книга как-то подозрительно быстро стала исчезать из магазинов и очень долго – почти 40 лет – не переиздавалась. Только в самом конце XX в. вышло переиздание «Трагедии и мечты» – думаю, в значительной степени из-за хвалебных отзывов на книгу президента Клинтона, преподавателем которого в Джорджтаунском университете был Куигли.

Через пятнадцать лет после «Трагедии и мечты» Куигли публикует своё третье крупное исследование – «Англо-американский истеблишмент». Это добротное, я бы даже сказал, дотошное исследование, в центре которого – тайное (неформальное) общество, созданное Родсом, и выросшая из него и приобретающая автономию группа Милнера – типичные К-структуры. То есть Куигли конкретизировал одну из линий исследования «Трагедия и мечта».

Книга Куигли об англо-американском истеблишменте (главным образом – всё же об английском) – это дотошное исследование карьер членов общества/группы Родса, а затем Милнера, их влияние на политическую жизнь Великобритании и Британской империи. Вместе с шелестом страниц перед нами бегут имена, даты, события, названия учреждений, журналов, газет и опять имена. По сути, работа Куигли – это путеводитель по тайным пружинам и явным рычагам британской политики первой половины XX в. как мировой тайной политики. В отличие от многих К-структур таковые Родса и Милнера не так известны, и потому именно их я выбрал в качестве примера, воспользовавшись исследованием Куигли.

VI

В феврале 1891 г. в Лондоне было создано тайное общество, существование которого К. Куигли считает *«одним из важнейших исторических фактов XX в.»*. Отцами-основателями тайной структуры стали три влиятельнейшие фигуры британской общественно-политической жизни: Сесил Родс, основатель и совладелец алмазодобывающей корпорации *«Де Бирс»* и других горнопромышленных монополий в Южной Африке; Уильям С. Стэд – самый известный и сенсационный журналист того времени (в 1912 г.

погиб во время крушения «Титаника»); и Реджиналд Бэлиол Бретт (впоследствии – лорд Эшер), друг и доверенное лицо королевы Виктории, а позднее – ближайший советник Эдуарда VII и Георга V. В разное время группа называлась по-разному («Тайное общество Сесила Родса», «Детский сад Милнера», «Группа Круглого стола», «Группа The Times», «Группа Чатам-хауса», «Группа Олл-Соулз». Главная цель, однако, оставалась неизменной: укрепление Британской империи в условиях утраты Великобританией гегемонии.

Эта цель была сформулирована уже в первом завещании Родса в 1877 г. (само общество упомянуто в пяти завещаниях из семи): *«Распространение британского правления в мире, совершенствование системы эмиграции из Соединённого Королевства и колонизации британскими подданными всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью... в конечном счёте возврат Соединённых Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может способствовать сплочению разъединённых членов империи, и, наконец, основание такой великой державы, которая сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества»*^[16].

В качестве модели организации и функционирования тайного общества Родс избрал иезуитов. В двух его последних завещаниях общество не упомянуто: будучи уже весьма известным, Родс не хотел привлекать к нему внимание. Члены группы, в которой выделялись два круга – внутренний («Общество избранных») и внешний («Ассоциация помощников»), – были активны в сферах политики, журналистики, науки и образования. Стратегия общества (группы) была проста: во-первых, привлечение на свою сторону людей со способностями и положением и привязывание их к блоку посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы; во-вторых, влияние с помощью привлечённых на государственную политику, главным образом путём занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда по своей сути просто скрыты от неё.

Тайное общество было саморазвивающейся, «ветвящейся» системой. Так, внутри группы Родса со временем выросла группа

Милнера, ставшая после 1916 г. его реальным центром. Главными целями Милнера (он почерпнул их из идей А. Аж. Тойнби – дяди и тезки знаменитого философа истории) были следующие: расширение и интеграция империи и развитие благосостояния общества необходимы, чтобы продолжал существовать британский образ жизни; последний является инструментом, который раскрывает все лучшие и высшие способности человечества^[17].

Значение тайной групповой принадлежности для «явной» британской политики было таково, что, хотя между базовым обществом Родса и группой Милнера не было непримиримых противоречий, раскол консервативной партии после 1923 г. в целом прошёл по границе между «командами» Милнера и покойного Родса.

О том, каково было реальное влияние общества на политическую жизнь Британии, Британской империи и мира, красноречиво свидетельствуют несколько примеров – речь пойдёт о членах «внутреннего круга» общества, как сказал бы Дж. Оруэлл, его «внутренней партии», их карьере и уровне влияния.

Исходно в «Обществе избранных» было шесть человек – Родс, лорд Ротшильд, Джонстон, Стэд, Бретт и Милнер. Ротшильд был в основном равнодушен к деятельности организации и мало участвовал в ней. Сэр Гарри Джонстон был исследователем и администратором Африки, заложившим основы британских претензий на Ньясаленд, Кению и Уганду. После 1894 г. он перестал быть активным членом общества, отказавшись сотрудничать с Родсом в организации нападения на португальцев в Маникаленде. Во время второй Англо-бурской войны (1899–1902) от общества отошёл и Стэд, будучи противником этой войны.

Весьма важной фигурой был Бретт (с 1899 г. виконт Эшер) – один из наименее известных и в то же время, что показательно и символично, один из самых влиятельных людей в британской политике первой половины XX в. В разное время он занимал посты управляющего Виндзорского замка (1901–1930), постоянного члена комитета имперской обороны (1905–1930), главного британского члена Временной смешанной комиссии по разоружению Лиги Наций (1922–1923). Наилучшее представление о значимости этой фигуры дают должности, которые он отказался занять: постоянный заместитель

министра колоний, губернатор Капской колонии, военный министр, директор The Times, вице-король Индии.

Эшер предпочитал оставаться за кулисами, а его тайная деятельность была настолько значимой, что занятие любого государственного поста уменьшило бы его власть, – вот оно, реальное значение К-структур. С 1895 до 1920-х годов Эшер был, вероятно, важнейшим политическим советником трёх британских монархов – Виктории (1837–1901), Эдуарда VII (1901–1910) и Георга V (1910–1936). В 1890-е годы во внутреннее ядро общества Родса были приняты ещё несколько человек, среди них, возможно, тесно сотрудничавшие с Родсом Эйб Бэйли (1864–1940) и Алфред Бейт (1853–1906). Первый был крупнейшим землевладельцем Родезии, крупным собственником рудников в Трансваале и главным спонсором группы Милнера до 1925 г. (после 1925 г. им стал лорд Астор). Бейт был гениальным предпринимателем и вёл все дела Родса.

В 1897 г. Милнер благодаря Родсу, Бретту и Стэду был назначен верховным комиссаром Южной Африки. На этом посту он сформировал группу помощников, известную как «Детский сад Милнера». Её наиболее выдающимися членами стали Роберт Генри Брэнд (позднее лорд Брэнд), Филип Керр (позднее лорд Лотиан), Лайонел Кёртис, Джеффри Доусон и др. Брэнд был секретарём Межколониального совета Трансвааля и Колонии Оранжевой реки, секретарём делегации Трансвааля на Южноафриканском национальном съезде (1908–1909). После 1910 г. Брэнд считался экономистом группы Милнера, стал партнёром и управляющим директором фирмы «Братья Лазары и К°», директором «Ллойдз бэнк» и *The Times* (до 1944 и 1945 гг. соответственно). После Первой мировой войны Брэнд был важной фигурой в международных финансах. Уже на Парижской мирной конференции он был финансовым советником председателя Высшего экономического совета лорда Р. Сесила, а в 1923 г. – членом экспертной комиссии по стабилизации немецкой марки (эта комиссия проложила дорогу плану Дауэса).

Керр (внук 14-го герцога Норфолка) начинал помощником Брэнда в Южной Африке. В 1910-е годы он занимал пост секретаря «группы Круглого стола» в Лондоне, редактора *The Round Table* (1910–1916), секретаря Ллойд Джорджа (1916–1922) и секретаря Фонда Родса (*Rhodes Trust*). В 1930 г. стал 11-м маркизом Лотианом, после чего

занимал ряд постов в правительстве, в частности парламентского заместителя министра по делам Индии (1931–1932) и посла в США (1939–1940).

Кёртиса один из членов группы охарактеризовал как её «первоисточник». Кёртис был одним из главных архитекторов Британского Содружества Наций. Степень его влияния огромна: *«То, что, по мнению Кёртиса, следует сделать с Британской империей, поколением позже происходит»*^[18]. Например, ещё в 1911 г. Кёртис выразил мнение, что название «Британская империя» надо заменить на «Содружество Наций», – в 1948 г. это и было сделано. Около 1911 г. Кёртис высказался за предоставление Индии полного самоуправления, как только позволят обстоятельства; в 1947 г. это было сделано.

Доусон (1874–1944) был ближайшим другом Милнера и его личным секретарём (1901–1905), редактором *The Times* (1912–1919, 1922–1941). В последнем качестве он был одной из самых влиятельных фигур в Великобритании. В частности, он сыграл огромную роль в делах Индии и политике умиротворения.

Значительными фигурами группы Милнера, хотя они не входили в «Детский сад», были Леопольд Эмери (1873–1955), Эдуард Григг (с 1945 г. лорд Олтринчем) (1879–1955), Г. А. Л. Фишер (1865–1940) и Эдуард Вуд (позднее лорд Ирвин и лорд Галифакс) (1881–1959). Все они занимали важные посты в империи и играли значительную роль в интеллектуальной жизни. Особенно следует выделить Фишера – одного из основателей «Детского сада». Он занимал такие посты, как член Королевской комиссии по общественным работам в Индии (1912–1915), председатель совета по образованию (1916–1922) и управляющий Би-би-си (1935–1939); его перу принадлежит трёхтомная *«История Европы»* (1935–1936), *«Международный эксперимент»* (о Лиге Наций, 1921 г.), *«Общее благо»* (о гражданском долге, 1924 г.). Именно Фишер (вместе с лордом Гошеном) обеспечил доступ группы в Колледж всех душ – используя дружбу с его ректором (1881–1914) сэром Уильямом Энсоном.

Главным полигоном «Детского сада» была Южная Африка. Здесь он достиг в миниатюре того, что позднее стремился осуществить в масштабах всей империи. Главной целью Родса и группы Милнера была имперская федерация. «Детский сад» работал над созданием общих для Южной Африки административной, судебной,

образовательной и экономической систем. Шагами к федерации стали Межколониальный совет, объединивший Трансвааль и Колонию Оранжевой реки; создание единой Центральной южноафриканской железной дороги; таможенный союз. Первые два, а также администрацию Трансвааля «Детский сад» контролировал полностью. Золотые и алмазные копи Трансвааля сделали его главной экономической силой в Южной Африке, а контроль над Трансваалем дал «Детскому саду» рычаги, позволившие присоединить к союзу остальные колонии. Значительную роль в популяризации идеи Южно-Африканского Союза сыграла основанная «Детским садом» ежемесячная газета *State* – предшественница лондонского журнала *The Round Table*.

Именно из группы Милнера вышел Я. Х. Смэтс, позднее ставший известной и влиятельной международной фигурой – благодаря именно членству в тайном обществе.

Одним из главных источников кадров для тайного общества стал Оксфорд. Почти все наиболее важные представители группы Милнера были выпускниками одного из трёх колледжей Оксфордского университета – Бейллиола, Нового колледжа или Колледжа всех душ. Все три колледжа находились под определяющим влиянием группы Милнера и, в свою очередь, доминировали в интеллектуальной жизни Оксфорда в сферах права, истории, государственных дел. Они близко подошли к административному контролю над самим университетом. Степень влияния группы Милнера демонстрирует её контроль над изданием Словаря национальных биографий.

Влияние группы Милнера было велико не только в академической, но и в журналистской сфере. С 1912 г. группа контролировала газету *The Times* (унаследованную от блока Сесила – тот контролировал её ещё с 1884 г.). В 1912–1941 гг. (с перерывом в 1919–1922 гг.) главным редактором был Доусон, а в 1922 г. собственником газеты стала семья Асторов – членов группы. Лорд Астор был консервативным членом парламента (1910–1919), парламентским секретарём Ллойд Джорджа в 1918 г., председателем Комитета по продовольствию Лиги Наций (1936–1937) и совета КИМО (с 1935 г.).

В 1920-е годы одним из важнейших инструментов общества в целом и группы Милнера в частности стал созданный и полностью контролируемый ею Королевский институт международных отношений

(КИМО). Подлинным основателем института был Кёрзон, а состоялось основание на совместной конференции британских и американских экспертов в гостинице «Мажестик» в 1919 г. Штат института составили совет с председателем и двумя почётными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был А. Дж. Тойнби, племянник друга Милнера по Бейллиолу, автор знаменитого многотомника *«A Study of History»*.

КИМО организовывал дискуссии и исследовательские группы, спонсировал исследования и публиковал их результаты. Институт опубликовал «Историю мирной конференции» и издавал «Журнал» с отчётами о дискуссиях, а также ежегодный «Обзор международных дел», составляемый его служащими (прежде всего Тойнби) или членами группы Милнера. Ещё одним ежегодником был «Обзор отношений в Британском Содружестве», финансируемый с помощью гранта от нью-йоркской корпорации Карнеги. Институт создал филиалы в доминионах и даже распространил своё влияние на страны вне Содружества – с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Со времени чехословацкого кризиса сентября 1938 г. КИМО стал неофициальным консультантом министерства иностранных дел, а с началом Второй мировой войны официально превратился в его исследовательское отделение.

«Когда выясняется связь влияния, которым пользуется Институт, с влиянием группы Милнера в других сферах – образовании, администрации, газетах и периодических изданиях, – начинает вырисовываться по-настоящему устрашающая картина. Она устрашающая, – рассуждает К. Куигли, – не потому, что власть группы Милнера использовалась в злых целях. Это не так. Напротив, в целом она использовалась с лучшими намерениями – если даже эти намерения были идеалистическими почти до академичности. Картина устрашающая, потому что такая власть, каковы бы ни были цели её применения, слишком велика, чтобы её можно было вверить любой группе... Ни одной стране, ценящей свою безопасность, не следует допускать то, чего достигла в Британии группа Милнера: небольшая группа людей не должна быть в состоянии располагать такой властью в управлении и политике; она не должна получать почти полный контроль над публикацией документов, относящихся к их деятельности; она не должна оказывать столь сильное влияние на

каналы информации, формирующие общественное мнение; она не должна столь полно монополизировать написание и преподавание истории своего периода»^[19].

Велико было влияние группы в средствах массовой информации. Её рупором были газета *Times* и ежеквартальный журнал *The Round Table* (издавался с 1910 г., был задуман как средство влияния на тех, кто влияет на общественное мнение). Кроме того, группа оказывала существенное влияние на журналы *Quarterly review*, *The Economist*, *Spectator*.

В 1915 г., после девятилетнего перерыва, группа Милнера фактически вернулась к власти, пообещав одному из лидеров правящей партии либералов Ллойд Джорджу сделать его премьер-министром, если он расколется свою партию. Ллойд Джордж принял предложение. В 1931 г. группа применит тот же приём в отношении лейбористов, но в отличие от 1916 г. отколет от партии только небольшую часть и нанесёт ей лишь временный ущерб. После смены правительства в 1916 г. Милнер стал в нём второй фигурой после Ллойд Джорджа. В целом группа доминировала над Ллойд Джорджем в 1917–1921 гг. Важнейшие решения принимались Имперским военным кабинетом, два из четырёх членов которого были члены группы Милнера (сам Милнер и Смэтс), а один – блока Сесила (Кёрзон). Однако выборы 1918 г. обозначили предел влияния группы. Ллойд Джордж понимал, что может удержаться у власти только играя на антинемецкой истерии избирателей. Группа Милнера же к этому времени уже смотрела в будущее и мыслила в категориях равновесия сил в континентальной Европе, считая необходимой скорейшую реконструкцию побеждённой Германии, чтобы противопоставить её большевизму и «французскому милитаризму». Поэтому на «выборах цвета хаки» Ллойд Джордж вышел из-под контроля группы.

Эволюция Британской империи в Содружество Наций – это в очень значительной степени результат деятельности группы Милнера. Смирившись с имперским сотрудничеством как альтернативой федерации, группа начала работать в этом направлении. Именно Милнер во время Первой мировой войны создал Имперский военный кабинет, введя в британский военный кабинет представителей доминионов. Именно Милнер в бытность министром колоний инициировал подготовку «диархической» конституции для Мальты,

предоставил независимость Египту, дал Кёртису задание работать по ирландской проблеме и разрешил Канаде открыть дипломатическую миссию в США. Имперские конференции 1921 и 1923 гг. проводились под контролем блока Сесила; последний вместе с группой Милнера был широко представлен и на имевшей историческое значение Имперской конференции 1926 г., результатом которой стала Декларация Бальфура о предоставлении полного самоуправления доминионам. Весьма сильное влияние группа оказала и на работу Имперской конференции 1937 г. В периоды своего наибольшего влияния на государственную политику – 1924–1929 и 1935–1939 гг. – группа серьёзно влияла и на управление Содружеством (в 1919–1940 гг. её представитель занимал пост министра колоний 12 лет, в 1925–1939 гг. пост министра по делам доминионов – 8 лет). Три неофициальные конференции по отношениям внутри Содружества (1933, 1938 и 1945 гг.) были инициированы группой и проведены под её контролем.

В межвоенный период политическая власть группы Милнера неуклонно увеличивалась. В 1919–1924 гг. её представители занимали около 1/5 постов в кабинете, а в 1924–1929 и 1935–1940 гг. – около 1/3. Тем не менее, даже в 1929 г. группа Милнера располагала меньшим влиянием, чем блок Сесила, а в 1922 г. уступала по влиянию Ллойд Джорджу. Когда их мнения расходились, группа не могла навязать им свою волю, так как и блок Сесила, и Ллойд Джордж были уязвимы для давления избирателей и держав-союзников (группа Милнера, не завися от электората, могла позволить себе игнорировать их мнение). Вот почему уже с 1919 г. группа Милнера взяла курс на пересмотр мирного договора с Германией, Лиги Наций (притом, что была едва ли не главным её архитектором) и всего послевоенного устройства мира.

Группа Милнера методично работала над ликвидацией системы коллективной безопасности в Европе.

Будучи главным архитектором Лиги Наций, группа вовсе не собиралась делать её инструментом коллективной безопасности и не выступала за механизм санкций. По её замыслу Лига Наций должна была служить центром международного сотрудничества в решении неполитических вопросов и центром консультаций по политическим вопросам. Однако при написании Устава Лиги в него по настоянию других британских политических групп, Франции и Вильсона были вставлены фразы, позволявшие толковать Лигу как инструмент

коллективной безопасности, некоторый ограничитель государственного суверенитета и орган, налагающий санкции. С этого момента энтузиазм группы Милнера относительно Лиги начал улетучиваться, а отказ США вступить в Лигу превратил этот энтузиазм в ненависть^[20]. Мечтой Родса, Милнера и других членов группы было постоянное сотрудничество Великобритании с США. Когда последние вернулись к довоенному изоляционизму, у группы не осталось причин поддерживать Лигу.

Однако, несмотря на это, группа Милнера продолжала оставаться влиятельной силой в британских делегациях Лиги и её секретариате. Во многом она использовала это влияние, чтобы не дать Франции превратить Лигу в инструмент собственного усиления. Французы тоже были недовольны функционированием Лиги на практике, но по противоположной причине: они хотели создать «Лигу с зубами», т. е. с собственными полицейскими силами для обуздания агрессоров. Все подобные попытки группа Милнера заблокировала – как и стремление Франции не дать Германии возродиться как державе. Во многом благодаря позиции именно группы Милнера стали возможны провал попытки Франции оккупировать Рур в 1923 г. и ремилитаризация Гитлером Рейнланда в 1936 г. Последняя стала возможной, когда группа Милнера устами министра иностранных дел сэра Джона Саймона официально заверила Гитлера, что Великобритания готова предоставить Германии равенство по вооружениям.

Важной вехой в политике умиротворения был визит лорда Галифакса к Гитлеру в ноябре 1937 г. Из длительной беседы Гитлер вынес убеждение, что Великобритания считает Германию главным оплотом против коммунизма в Европе, готова заключить соглашение четырёх держав (с Францией, Германией и Италией) и готова позволить Германии захватить Австрию, Чехословакию и Польшу, если это будет сделано без провоцирования британцев на войну. Гитлер ошибся лишь в последнем пункте: в Берлине не поняли, что если общественность Великобритании будет достаточно взбудоражена, её правительству придётся объявить войну Германии, чтобы остаться у власти. Правда, британское правительство в крайнем случае было готово **объявить** войну, но не **вести** её – отсюда «странная война» с сентября 1939 г. по апрель 1940 г.^[21]

Таким образом, можно сказать, что неформальная группа – один из элементов созданной в 1890-е годы К-структуры, в 1930-е годы сыграла огромную роль в натравливании Гитлера на СССР (ради спасения Британской империи), а следовательно – в развязывании мировой войны 1939–1945 гг.^[22]

Правда, политику умиротворения Германии группа Милнера проводила параллельно с другой политической группировкой – Невилла Чемберлена, к которой принадлежали и несколько членов внешнего круга группы Милнера. В марте 1939 г. стал очевиден распад группы Милнера, вызванный необходимостью занять чёткую позицию в отношении Германии, которая становилась всё агрессивнее. Тогда часть группы (Хор, Саймон и др.) открыто перешла к Чемберлену.

Ликвидация Чехословакии была спланирована Чемберленом в сотрудничестве с группой Милнера. В частности, *The Times* и *The Round Table* подготавливали общественное мнение для уступок Германии. Лорд Галифакс сыграл важную роль в искусственном создании паники 15–28 сентября 1938 г. в Лондоне, когда правительство распространяло весьма преувеличенные сведения о мощи германских вооружённых сил, организовало раздачу населению противогазов и рытьё окопов в столичных парках (совершенно бесполезных с военной точки зрения). Всё это делалось сознательно, чтобы напугать британцев, заставить их одобрить новые уступки нацистам^[23]. Итог – Мюнхенское соглашение, открывшее путь к войне.

Приездом в Мюнхен Чемберлен сорвал антигитлеровский заговор в немецкой армии. Через лорда Галифакса заговорщики просили британское правительство не уступать в вопросе о Судетах, чтобы немецкая общественность поняла: курс Гитлера ввергнет Германию в войну. Это облегчило бы осуществление заговора. Однако Чемберлен поехал в Мюнхен. Интересно, что, по-видимому, одним из лидеров заговора был член группы Милнера граф Хельмут фон Мольтке (сын командующего 1914 г.).

Поворот в отношении группы Милнера (но не Чемберлена) к Германии начался после оккупации ею Богемии и Моравии в марте 1939 г. Это отразила статья в июньском номере *Round Table* под названием «От умиротворения к Большому союзу». Группа выступила за объединение всех государств Европы (включая даже Советскую Россию) как единственное средство удержать Гитлера от агрессии.

Группа наивно полагала, что возможно сохранение мира между тремя политическими блоками в Европе: Океаническим на западе, Континентальным (с доминированием Германии) и СССР на востоке. Группа Чемберлена не была так наивна, но по-прежнему надеялась, что война в Европе будет только войной между Германией и СССР (группа Чемберлена опасалась СССР гораздо больше, чем группа Милнера). Британская общественность после марта 1939 г. была настроена на сопротивление Германии, часть консерваторов – по-прежнему на её умиротворение. Позиции групп Милнера и Чемберлена располагались между этими двумя полюсами (группа Милнера была ближе к первому, группа Чемберлена – ко второму), а сама группа Милнера стала распадаться.

С началом войны в сентябре 1939 г. группа Милнера была полна решимости воевать с Германией, но группа Чемберлена предпочитала сочетать объявленную, но не ведущуюся войну против Германии с подготовкой к войне против СССР в Финляндии. В мае 1940 г. правительство Чемберлена пало, и к власти пришёл Черчилль, а министром по делам Индии стал Эмери. Правительство и группа Милнера вновь придерживались одного мнения по главным вопросам. Главным было нанести поражение Германии.

Группа Милнера сыграла важную роль во Второй мировой войне. Не распыляя силы, она сосредоточила свою деятельность в четырёх основных сферах: 1) департамент исследований и разведки МИД; 2) британское посольство в США; 3) министерство информации; 4) организации, связанные с экономической мобилизацией и реконструкцией.

Послом в Вашингтоне сразу с началом войны стал лорд Лотиан. Этот пост в Великобритании считали настолько важным, что после его неожиданной смерти в декабре 1940 г. послом назначили Галифакса (1940–1946).

С созданием в 1939 г. министерства информации члены группы заняли в нём важные посты. Григг (лорд Олтринчем) до мая 1940 г. был парламентским секретарём министерства. Среди других членов группы в министерстве информации были его генеральный директор С. Дж. Рэдклифф, директор имперского отделения Г. В. Ходсон, два сотрудника нью-йоркского офиса Дж. У. Уиллер-Беннетт и И. Берлин.

Кроме того, группа Милнера оказывала значительное влияние и на органы, занимавшиеся экономическим регулированием военного времени (Совет по торговле, министерства производства и экономической войны), хотя высшие посты здесь занимали члены блока Сесила. Вообще, группа Милнера имела значительные интересы в экономике: сам Милнер одно время входил в правление «Рио Тинто», С. Хор – в правление «Бирмингемской алюминиевой литейной компании» и т. д.

После поражения консерваторов на выборах 1945 г. группа Милнера лишилась власти: её влияние в лейбористских кругах всегда было незначительным. После этого группа Милнера пришла в упадок; большая часть её членов отходит от активной деятельности; в имперских делах политика группы в конечном счёте оказалась провальной – полностью или частично ушли Ирландия, Индия, Бирма, Южная Африка. *«"The Times" утратила своё влияние; „The Round Table“ кажется безжизненным. Много хуже того – те части Оксфорда, где влияние Группы было наибольшим, пережили катастрофический упадок... Похоже, великая идеалистическая авантюра, начавшаяся с Тойнби и Милнера в 1875 г., медленно пришла к финишу, где царят горечь и пепел»*^[24], – так подытоживает финал деятельности К-структур Родса и Милнера К. Куигли.

Здесь, однако, необходимо кое-что уточнить. Несмотря на финал (а всё когда-то кончается – *Fortuna dat nihil mancipio*, – причём нередко кончается поражением), полстолетия активного интеллектуально-политического контроля над значительной частью жизни империи и мира – очень серьёзный результат. Это – во-первых. Во-вторых, упадок К-структуры Родса – Милнера совпал с упадком Британской империи, последовавшим в результате ударов, полученных ею от Германии, Японии, СССР и США. К-структура Родса – Милнера уходила вместе со старой эпохой. С новой эпохой приходили (оживлялись, обретая новую жизнь или «второе дыхание», или возникали заново) новые К-структуры.

Я совершенно сознательно привёл в качестве примера относительно малоизвестную старую К-структуру, возникшую в конце XIX в. и пришедшую в упадок к середине XX в. Можно было бы привести более яркие (по крайней мере, внешне) примеры, но это уже сделано другими – например, Э. Саттоном. Однако, на мой взгляд,

пример именно английской К-структуры в своей рутинности весьма показателен и хорошо иллюстрирует то, как делается мировая политика. Познакомимся с ней поближе.

VII

К-структура Родса – Милнера возникла и активно действовала в эпоху империализма, которую называют ещё «эпохой соперничества» – *rivalry*, 1875–1945 гг., когда гегемония Великобритании уже уходила, а новая гегемония ещё не установилась. С установлением этой гегемонии на арену активно вышли новые игроки – финансовый капитал, устроивший кризис 1929 г. и сыгравший огромную роль в развязывании последней мировой войны; государственно-монополистический капитал (прежде всего в виде военно-промышленного комплекса); транснациональные корпорации; набравшие всё большую силу и автономию благодаря «холодной войне» спецслужбы. Все эти агенты действовали в значительной степени тайно, а потому создавали новые К-структуры (или придавали новые функции старым).

Развитие финансового капитала, формирование государственно-монополистического капитализма (ГМК) в 1920–1930-е годы и транснациональных корпораций в 1950–1960-е – всё это привело к появлению новых К-структур, которые сыграли огромную роль в подготовке Второй мировой войны и Холодной войны. Это и Совет по международным отношениям (1924 г.), и Бильдербергский клуб (1954 г.), и Трёхсторонняя комиссия (1973 г.), «боевым крещением» которой, как утверждает Л. Гонсалес-Мата (бывший сотрудник Главного управления безопасности Испании, сотрудничавший с ЦРУ), была ликвидация в 1974 г. премьер-министра франкистского правительства и «твердолобого недемократа Карреро Бланко»; его место занял либерал Фрага Ирибарне, ставленник Трёхсторонней комиссии^[25]. Думаю, однако, что эти структуры с богатой конспиродейтельностью в значительной степени представляют собой фасад, а то и просто «акции» (структуры) прикрытия, – о настоящих конспироструктурах мы просто не знаем, они хорошо упрятаны там, где умный человек прячет камешки, – среди камешков на морском берегу;

вычисление и научно обоснованный поиск таких структур-невидимок – одна из задач конспирологии.

Если до Второй мировой войны императивом развития мировой конспиросферы были расширение и усложнение капсистемы, то после её окончания главным фактором этого развития стало противостояние двух систем – капиталистической и антикапиталистической, породившее принципиально новую форму войны. Мы по привычке пользуемся для её определения метафорой Холодная война. В качестве метафоры этот термин вполне годится, но он не вскрывает сути явления, принципиально новой – психоисторической – войны против СССР, которая развивалась главным образом в виде заговора и которую наряду с западными правительствами вели различные наднациональные К-структуры. Несмотря на то что СССР, русские потерпели поражение в психоисторической войне, мы до сих пор не проанализировали социальную природу, механику и логику этой войны как принципиально нового феномена в мировой истории, нового не только по своей сути – проектной, но и по генезису, т. е. как феномена, в значительной степени созданного К-структурами, заговором. Мы до сих пор не поняли ни того, что Холодная война – это вовсе не нечто менее опасное по своим последствиям, чем война «горячая», что это не мирное противостояние, а самая настоящая война, но объект уничтожения, убийства в ней – не отдельный человек, не физический индивид, а индивид социальный, система. Да, эта война главным образом бескровная, но от того не менее страшная.

Именно изобретение глобальной и тотальной психоисторической войны и задачи её ведения, а не только экономическая интеграция Запада в условиях гегемонии США (эти факторы были менее важны) оформили заговор как единый мировой феномен с единым центром-спрутом. Новый феномен (психоисторическая война) и новая функция (её ведение) потребовали полной перестройки К-структур в единую иерархическую систему. Впервые в истории публичные структуры (правительства) Запада (включая США) в важнейшем аспекте своего функционирования – противостояния иной системе – оказались во многом зависимы от комплекса (сети, паутины) К-структур и возникло нечто похожее на мировую иерархию последних. По-настоящему вести широкомасштабную тотальную психоисторическую войну способны только К-структуры; правительства могут вести главным образом

обычные, «горячие» войны. В психоисторической войне они в лучшем случае подручные К-структур, выражающих интересы только хозяев капсистемы, не примешивая к ним даже фиктивно, на уровне риторики и пропаганды «интересы общества», т. е. основной массы населения. К-структуры – это истинная власть в буржуазном обществе второй половины XX в., очищенная от представительства иных интересов, чем таковые верхушки буржуазии, и потому абсолютно циничная (т. е. реалистическая без моральных принципов) и тайная. Психоисторическая война и кризис Запада, прежде всего Америки 1973–1987 гг. как эпизод этой войны, позволили сформироваться Заговору как мировому (глобальному) Институту, сумевшему привлечь на свою сторону важные сегменты советской верхушки и её интеллектуальной obsługi.

Можно даже сказать, что именно Холодная война – первая в истории глобальная война и стала средой («первичным бульоном») и средством создания глобального «*conspiracy*», заговора. Более того, именно она создала условия для того, чтобы его структуры – К-структуры – в значительной степени заняли верхние ступени в глобальной иерархии, главное место в ней. В борьбе с СССР К-структуры во многом подчинили себе прежде всего структуры явные, легальные. Это было тем легче сделать, что оперативное пространство «закрытых» структур К-типа, их *locus standi* качественно отличался от такового «открытых», – оно было не государственным, а глобальным, что давало капсистеме, точнее, её «властелинам колец» огромное преимущество; по сути, сам этот уровень, масштаб становился мощным социальным оружием, эдаким глобальным властно-технологическим гиперболоидом. В то же время в ходе Холодной войны произошло ещё одно изменение: ряд государственных структур – главных агентов этой войны (спецслужбы, разведуправление – например, ЦРУ) по своей сути всё больше превращались в К-структуры и благодаря этой мутации – в невидимые правительства^[26].

Именно в своей К-структурной ипостаси уже с 1950-х, а ещё более активно с 1960-х годов спецслужбы, разведуправления и т. п., деятельности которых Холодная война придала глобальный масштаб, стали тесно переплетать свою деятельность с таковой транснациональных компаний (ТНК), нередко (и чем дальше, тем больше) выступая в качестве органов не столько государства, сколько

ТНК, создававших свою мировую паутину – как явную, так и тайную, свой мир – рядом, над и под – (с) миром государств. Об этом прямо сказал ещё в 1981 г. С. Хантингтон (тот самый): в то время как представители государств, заметил он, «заняты бесконечными спорами на конференциях и советах ООН... агенты транснациональных организаций на всех континентах заняты плетением паутины, крепко связывающей мир»^[27], но связывающей не государственным образом и в интересах не государства, а некоего социально-экономического и властного паука, игнорирующего границы между государствами.

Иными словами, мало того что в послевоенную эпоху в США возникла неформальная структура военных служб и служб разведки с ядром в виде ЦРУ (М. Паренти называет эту структуру «государством национальной безопасности»), которая со временем установила неформальные связи с аналогичными службами других стран, создав нечто вроде транснациональной корпорации спецслужб, эти структуры начали тесно взаимодействовать с ТНК как более удобным и значимым партнёром, чем государство. Ясно, что это ещё более усиливает внеэкономический, организационный потенциал ТНК, который во многих отношениях и без этого превосходит государственный.

Ещё четверть века назад Хантингтон и другие специалисты по ТНК обращали внимание на то, что методы, с помощью которых последние осуществляют планирование и оперативные функции, намного опережают таковые нации-государства^[28], благодаря такому оргоружию ТНК оставляют позади нации-государства и их международную систему. Именно на ТНК начали переключать свою деятельность К-структуры. В 1990-е годы это приведёт к тому, что в мире, наряду с внешней политикой государств, появятся «внешние политики» ТНК, спецслужб и различных агентств. Ну а внешняя политика самих государств становится всё более тайной, К-структурной, что ещё более ослабляет государство, денационализует его.

Вот что пишет по этому поводу главный редактор *Radio France International* Р. Лабевьер: «Мы уже лет десять являемся свидетелями возникновения американской тайной внешней политики. За коммюнике Государственного департамента вырисовываются внешнеполитические действия, которые определённым образом

противоречат позициям, официально объявленным правительством первой державы в мире. Налицо тайные „внешние политики“ – именно так, во множественном числе, поскольку интересы разных агентств и частных субподрядчиков не всегда подчиняются одной линии поведения»^[29]. Вернёмся, однако, в начало послевоенной эпохи.

СССР как антикапиталистическая система не смог создать социальное оружие, адекватное новой эпохе. Коминтерн как оргформа (оружие) и К-структура был адекватен уходящей эпохе войн и революций и не пережил её, так как оказался, как ни парадоксально это покажется на первый взгляд, мало приспособлен для эпохи глобального противостояния систем. Его роспуск Сталиным в 1943 г. только внешне кажется конъюнктурным решением; на самом деле Коминтерн к тому времени уже выполнил свою историческую роль, причём выполнил её главным образом в 1920-е годы. Не случайно в 1919–1928 гг. прошло шесть конгрессов Коминтерна, а в 1929–1943 гг. – только один (последний, VII – в 1935 г.).

Вопрос о том, почему системный антикапитализм не смог институционализировать и развить в новых условиях протоголобальное организационное оружие, почему антикапиталистическая протоголобальная К-структура так и не стала глобальной, – отдельная тема. Скорее всего, по тем же причинам, по которым не победил в глобальном масштабе антикапитализм; в этом плане судьба Коминтерна может читаться и как «знак на стене» коммунистической системе в целом.

Интересно другое. Как раз именно тогда, когда СССР в противостоянии капсистеме по сути отказался от «коминтерновской» тактики, всё более интегрируясь в межгосударственную систему и ведя себя на международной арене пусть как особое, но всё же государство (идея «мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем», озвученная впервые в 1953 г. Г. В. Маленковым), США приняли на вооружение «коминтерновскую» тактику. В 1953 г. сенатский комитет по международным делам пришёл к выводу о невозможности мирного сосуществования с СССР и, как следствие, о необходимости активизировать противостояние на мировом (глобальном) уровне в виде подрывной деятельности, прежде всего – в психоисторической сфере.

Эта деятельность, естественно, потребовала адекватных своей природе К-структур глобального уровня, которые благодаря ей и оказались «властелинами колец» Запада. Холодная война таким образом – ещё раз обратим на это внимание – стала средством перехода реальной власти на самом Западе, в ядре капсистемы «в руки» К-структур глобального масштаба, перемещения этой власти на глобальный уровень. И произошло это именно тогда, когда системный антикапитализм этот уровень как особое качество в какой-то степени освободил, ушёл с него, – глобальным игроком оказалось «государство», вовсе для этого уровня не приспособленное и не предназначенное.

Именно глобальный заговор и его «пятая колонна» в СССР, а также формирующийся глобальный «финансово-экономический Франкентейн» (М. Уокер) обрушили оказавшийся в структурном кризисе Советский Союз и превратили его структурный кризис – в системный, перестройку – в катастрофу. Заговор оказался эффективной структурой управления (в кибернетическом смысле) миром, прежде всего управления психоисторического, объектом которого оказались советская верхушка и часть интеллигенции, недаром в своей последней книге Зб. Бжезинский характеризует Буша-старшего как лучшего президента США конца XX – начала XXI в. именно за умелое управление распадом СССР. Финал, действительно – крушение СССР, которое стало первым широкомасштабным геополитическим событием-катастрофой глобальной эпохи, в значительной степени устранившим многие барьеры на пути глобализации по-американски.

Глобализация – это, безусловно, рай, а точнее, поле Большой Охоты для К-структур, причём не только крупных, но и совсем небольших. У глобализации есть обратная сторона – локализация. Собственно, Р. Робертсон, который в 1983 г. «запустил» термин «глобализация» как научный, вскоре предложил заменить его на «глокализация», подчёркивая тем самым вторую сторону явления, однако термин «глобализация» уже успел устояться. А ведь «глокализация» более точный термин для возникающего на наших глазах мира – не только потому, что люди в нём делятся на «глобалов» и «локалов» (термины З. Баумана), составляющих соответственно 20 и 80 % мирового населения; не только потому, что неудачно

называемое «постиндустриальным» производство устраняет оппозицию «глобальный – локальный», так как многие локусы становятся либо проходом в глобальный мир, либо его изоморфой. Дело в другом.

Глобальное пространство по своей социальной конструкции неоднородно. Глобальный мир – это вовсе не вся планета в целом. Глобальный мир – это мир богатых зон на Севере, т. е. в ядре капсисистемы, и их точек-анклавов в «остальном» мире. Глобализация – это и есть связь-сеть этих зон и точек, «где чисто и светло», включение их в единую систему с **одновременным и обязательным** исключением из неё всего остального. Глобализация по сути есть исключение из мира богатых точек (пуантилистского) мира, выталкивание в неоварваризацию, в неоархаизацию, в серые зоны 80 % мирового населения^[30]. Именно К-структуры наилучшим образом приспособлены для реализации процесса исключения.

Ясно, что процесс этот не может быть ни мирным, ни безболезненным. Этот процесс – война. Глобализация по сути и есть социальная война, а точнее, такая форма геоисторических действий, в которой грань между войной и миром стёрта, в которой военных целей добиваются мирными средствами и наоборот. Внешне это выглядит как мировой хаос, мировой беспорядок, где сильные и слабые воюют друг с другом и между собой, где Саддам рискует напасть на Кувейт, по сути бросая вызов США^[31], где режут друг друга хуту и тутси, где американцы бомбят Югославию и Афганистан. Впрочем, хаос этот во многом создаётся, управляется и направляется, но это отдельная тема.

Перед нами принципиально новый тип войны – всемирно-пуантилистский. Мировые войны в капиталистической системе были выяснением отношений между претендентами на гегемонию – Великобританией и Францией, США и Германией. При этом один претендент был державой континентальной, а другой – морской, он-то и становился победителем. Правда, победа эта, как правило, была обусловлена союзом морской державы с такой континентальной державой, как Россия-СССР, – я подробно описал этот механизм в «Колоколах Истории».

Если в мировых войнах решался вопрос о том, кто будет гегемоном капсисистемы, то в глобальной «холодной» войне решается вопрос о том,

кто будет хозяином планеты в целом и какая социальная система будет на ней единственной.

Всемирная война – это война, которая может идти повсеместно в мире, во многих точках, между многими агентами, но не охватывая мир в целом, не затрагивая как систему, вопрос общемировой гегемонии в ней, идти не между двумя агентами (или блоками).

Такая – всемирная, точечная, «пуантилистская» война уже идёт. Это не война-целостность, а война-совокупность локальных конфликтов, точнее, мятежей неких зон, районов против центральной власти. Так называемый «международный терроризм» в тех случаях, когда он не ширма и не маска спецслужб, – это одна из форм всемирной пуантилистской войны, не имеющая никакого или почти никакого отношения к эпохе, в начале которой – итальянские карбонарии, а в конце – итальянские же «Красные бригады». Всемирная война, помимо прочего, направлена на то, чтобы либо отобрать у центральной власти право распоряжаться местными ресурсами, либо насильственным, чаще всего террористическим путём заставить эту центральную власть согласиться с тем, что локальный хищник будет в той или иной форме эксплуатировать подконтрольные ей ресурсы и население. Это, на мой взгляд, и есть **всемирная война XXI в.**, война эпохи позднего капитализма (и, как знать, возможно, и посткапитализма, со всей очевидностью возникающего на наших глазах в качестве намного более жестокого, «эксплуататорского» и негалитарного общества, чем буржуазное).

Субъектами всемирной точечной войны выступают не только и даже не столько государства, сколько ТНК, криминальные сообщества, кланы, террористические группы, ну и, естественно, государства, причём одновременно в их официальной и неофициальной, К-структурной ипостаси; при этом ипостаси могут вступать в острейшее противоречие друг с другом, и, условно говоря, разные «этажи» одного и того же учреждения могут оказаться на двух, а то и на трёх или более различных сторонах. Иногда они воюют между собой, иногда – с государством. Для этого в современном мире есть все условия. С одной стороны, высокоразвитые военные технологии (ядерное, бактериологическое, информационное, организационное и т. п. оружие) перестали быть монополией государств. С другой стороны, пуантилистский характер глобального мира, представленного

ограниченным пространством зон ядра и их анклавов на Юге (как правило, это крупные города), делает этот мир весьма уязвимой целью^[32].

Как заметил известный американский журналист Дж. Рестон, *«мы находимся... в начале (эпохи. – А. Ф.) тирании воинствующих меньшинств. Чем больше людей скапливается в городах по всему миру, тем уязвимее эти города перед лицом безответственных политических организаций»*. В такой ситуации иницированное небольшой группой событие, точечное действие может всерьёз изменить ход глобальной истории – бредбериевский «эффект бабочки» становится практическим геоисторическим кошмаром.

В наши дни совершенно по-новому оживает столь популярная в 1920-е годы тема одиночек, стремящихся захватить власть над миром, – беляевские «Властелин мира» и «Продавец воздуха», «Гиперболоид инженера Гарина» и многое другое. Глобализация подводит реальный финансово-экономический и политический базис под структуры типа «Спектра» и персонажи типа «Доктора Но» из бондианы – структуры и персонажи, над которыми в 1960–1970-е годы можно было понимающе улыбаться: мол, мы-то знаем, что в реальности такого не бывает. В глобальной реальности такое в принципе возможно. Индивидуализированные К-структуры вполне соответствуют глобальному пуантилистскому миру, в котором под ковром (изрядно траченным молью) наций-государств с их полуфиктивными конфликтами идёт жестокая борьба выступающих под разными масками организованных меньшинств и групп за контроль над миром или значительными его частями.

У К-структур глобальной (энтээровской, компьютерной и т. д.) эпохи появилось оружие такого качества и такого масштаба, о котором К-структуры предшествующей эпохи – империализма и ГМК (1870–1970-е годы) и мечтать не могли. Речь идёт об информационно-организационном оружии. Информоргоружие позволяет не просто в значительной степени контролировать мир, как это имело место на поздних стадиях массового общества (полный контроль над реальным миром по сути невозможен), а создавать виртуальный мир, подменять им с помощью электронных СМИ мир реальный и вот этот созданный контролируемый виртуальный мир выдавать за реальный.

Если раньше «создавался» текст, который пытались вписать в реальный мир, то теперь творится проект-контекст, им подменяется реальный мир, и в этот виртуальный контекст вписывается любая реальность как текст, которая при этом и в результате этого утрачивает качества реальности и неконтролируемости. С этой точки зрения в эпоху глобализации по-американски, главным действующим лицом которой является то, что называют «новой американской империей» (ясно, однако, что речь идёт о принципиально новом образовании, которое кладёт конец не только американской республике, но и американскому нации-государству и для которого нет подходящего термина-кластера^[33] ТНК, военных, специальных служб и других государственных служб, причём главным образом в их неформальном, не-всегда-государственном формате), научная конспирология оказывается, помимо прочего, информоргооружием. И, как знать, может быть, именно тем оружием, которое поспособствует скорейшему окончанию этой эпохи, – «*Ступай, отравленная сталь, по назначенью*» (Б. Пастернак) или просто: «*Blowback*» («*Отдача*»), как назвал свою книгу Чалмерс Джонсон (подзаголовок: «Цена и последствия американской империи»).

VIII

У войны К-структур всегда был психоисторический аспект. В Холодной войне психоисторическая война приобрела межсистемный, тотальный, глобальный (за несколько десятилетий до глобализации) характер. Собственно глобализация, стартовавшая на рубеже 1970–1980-х годов, была побочным продуктом Холодной войны, а после её фактического окончания в 1989 г. заняла её место в качестве новой формы социально-экономической и психоисторической войны Запада – теперь уже не против другой системы, а против всего на планете, что не вписывается в глобальную сетевую империю, что является лишним в ней как в плане биомассы, так и в социальном плане. Таким образом, Холодная война и крушение СССР – раздолье для конспирологических штудий, отработки их методологии. Здесь мы подходим к очень важному аспекту конспирологии – методологическому, связанному с философией общества как целого и философией настоящего как

особого вида времени, особой «хроноsubстанции». Этот аспект позволяет лучше понять основы функционирования заговора и сам заговор как феномен.

История – это не только эволюция и преемственность, но также революция и разрыв; это не только необходимость, но и случайность; не только системы, но и субъект, т. е. субъектное действие, меняющее систему.

Системы не рождаются путем превращения одной в другую, путем филиации одной из другой. Их разъединяет и соединяет исторический субъект, точнее – периоды, эпохи взрывов субъектной активности, сметающей остатки одной системы и закладывающей фундамент другой. Это эпохи социальных революций. Великие социальные революции, будь то антично-полисная, христианская или великая капиталистическая 1517–1648 гг., всегда суть хроноклазмы, взрывы времен, «вывихи века». Шекспир устами Гамлета сформулировал так: «*The time is out of joint*». Этот-то вывих и есть историческое поле деятельности субъекта, творящего новую систему. Результат истинно великих социальных революций – не обязательно приход к власти неких новых социальных сил. И не становление (т. е. ранняя стадия) новой системы. Это – генезис новой системы. И, самое главное, в ходе великой социальной революции выковывается тот новый исторический субъект, который способен создать, установить и упрочить новую социальную систему. Потому революции всегда и начинаются в мозгу – то монаха, то философа, то сквайра, то помощника присяжного поверенного.

Именно в кризисные – революционные и военные – периоды резко увеличиваются возможности деятельности К-структур, успеха их проектов (заговора). Часто это объясняют таким образом, что во время кризисов и революций увеличивается роль субъективных и внешних факторов по отношению к факторам объективным и внутренним, случайности – по отношению к необходимости, личности – по отношению к классам и массам, мелочей – по отношению к серьёзным вещам. **Внешне** так оно действительно и выглядит, но суть совершенно в ином.

В кризисные эпохи не меняются друг с другом местами перечисленные выше факторы, повторю: это так только внешне, с точки зрения конвенциональной науки, изучающей равновесные,

стационарные состояния и адекватной им методологически и понятийно, но неадекватной эпохам социальных флуктуаций, бифуркаций и кризисов. В кризисные эпохи возникает более сложная, чем простая перемена мест факторов, – нелинейная ситуация: привычная реальность меняется, исчезает; грань между «закономерным» и «случайным», «объективным» и «субъективным», «личностью» и «массой», «внешним» и «внутренним» стирается. Это ситуация, когда случай перестает быть случаем, а личность (или несколько личностей, вступивших в сговор и организацию) приобретает вес, равный или почти равный массе системы.

Подобные ситуации невозможны и необъяснимы с точки зрения конвенциональной социальной науки. И в этом плане неправы представители последней, отбрасывающие в качестве «случая» или «заговора» то, что по своему содержанию не является случаем и заговором в примитивно-обыденном или, если угодно, конвенционально-научном смысле. Здесь нужна экспликация понятий. Особенно когда речь идёт о макросоциальных кризисах, связанных с упадком, финалом старой системы и генезисом новой.

Системы умирают не от обострения внутренних противоречий – напротив, пока системообразующее противоречие работает мощно, система живёт и развивается. А вот когда главное противоречие системы выработано и затухает, когда в результате слабеет-атрофируется и устраняется системообразующая ось, тогда приходит кризис. Вопреки Марксу, отождествившему внутриформационные сдвиги с межформационными и судившему о вторых по первым, система старится и умирает тогда, когда реализует свою социогенетическую программу, когда решает свое центральное, системообразующее противоречие, когда приходит к социальному пату. Или цугцвангу. При этом пат возникает не только потому, что противоречие снято, решено, но и потому, что имеющиеся средства и способы решения соответствуют только данной системе и не могут вывести общество за ее рамки.

В этом смысле решение, снятие своего системообразующего противоречия любой системой всегда является негативно-диалектичным. К тому же на это решение у системы уходят все ее потенции, после чего она оказывается по сути обездвижена, хотя событийно ее развитие внешне может выглядеть очень бурно, на самом

деле представляя собой «жизни мышью беготню» (А. С. Пушкин) данной системы, её «сонной мысли колыханье» – по Заболоцкому:

*Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.
Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье.*

Достаточно вспомнить бессмысленную активность представителей господствующих групп финальных фаз развития систем; в нашей истории это Николай II и К^о, Керенский и К^о, Горбачёв и К^о. Бестолковость и бессмысленность этих персонажей не столько личностный феномен, сколько личностное проявление исчерпанности потенциала системы, её жизненных сюжетов, постепенное энтропийное превращение из системы в объединение, а то и во множество (в смутные времена).

Суть системного кризиса заключается, прежде всего, в том, что из-за притуплённости базового системного противоречия нет системных средств и возможностей решать даже небольшие проблемы, которые возникают при её функционировании. А потому даже небольшие проблемы, с которыми нельзя управиться системными средствами, заставляют систему максимально напрягаться, а то и пытаться прибегать к внесистемным средствам, к непропорциональной затрате усилий, что еще более подрывает ее, помимо прочего усиливая разрушительный эффект этих внесистемных средств и факторов, с одной стороны, и социальный иммунодефицит системы – с другой. Из-за атрофии, выработанности главного противоречия система уже не может решать «имманентными» средствами никакие другие противоречия и связанные с ними проблемы. Она вообще покидает то поле, где решаются, могут в принципе быть разрешены противоречия, и

вступает в «зону неразрешимости», в зону, где любая малость оказывается миной, где система превращается в сапера-смертника.

Получается, что малые проблемы ведут к большим и разрушительным последствиям? Да нет же, дело обстоит иначе. В эпохи системных кризисов и упадка меняется прежний масштаб и ломается привычная масштабная линейка. Самая серьезная проблема здесь даже не в том, что ранее бывшее малым становится большим и наоборот, а в том, что становится трудно, часто невозможно определить масштаб и значение события: ломается прежняя оценочная шкала, прежняя системная связь причин и следствий, и за мелкой (ранее) причиной вдруг возникает не привычное или ожидаемое следствие, а кошмарная конфигурация. Как в игре в сквош – не знаешь, куда отскочит мяч. Вступление в системный кризис – это переход от «социального тенниса» к «социальному сквошу». Тогда-то и возникает соблазн заключить: если бы не то или иное событие, то история пошла бы иначе, могла бы пойти.

Не могла. В том-то и дело, что катастрофические последствия «мелочей» и есть нормальный, «регулярный» (в смысле – закономерный, правильный) способ функционирования механизма системного кризиса, нормальная жизнь революционных эпох, в которые уценяется и уравнивается то, что раньше было разноценным и равновесным. Мелочи остаются мелочами на ранней и особенно зрелой стадиях. На социальном финише различие масштаба событий и явлений во многом исчезает: любая мелочь может стать фактором огромного значения – ей ничто не противостоит, не способно противостоять; миг превращается в вечность и т. д. Отсюда – последствия.

Внешне получается, что ошибка Керенского оборачивается гибелью России. Конечно же, дело не в ошибке Керенского и не в Распутине. Системный кризис – это кризис социального иммунитета, это возможность летального исхода от легкой «социальной простуды», это невозможность и неспособность выхода из сложившейся ситуации путем структурного изменения, социосистемная импотенция, устранить которую можно только созданием новой системы. А для этого нужны энергия, субъектный взрыв, социальная революция; в ходе последней «субъективный фактор» превращается в субъектный. Субъект, даже отдельная личность в момент кризиса начинает «весить» столько же,

сколько исчезающая структура, а то – порой – даже перевешивать ее, вступая в союз с Историей.

Или в схватку с ней – в точке бифуркации возможно и то, и другие с непредвиденным (вероятностным) исходом. Но чаще всего этот субъект – не отдельная личность, а К-структура, заговор. Именно у них и наилучшие шансы оседлать законы истории и направить деятельность масс в «проектном направлении». И не надо думать, что неудача К-структуры и её проекта автоматически опровергает конспирологию. Отнюдь нет. Во-первых, как правило, действуют не одна К-структура, а несколько борющихся между собой; во-вторых, успех этих структур вовсе не запрограммирован, что не отрицает ни их роли, ни их значения. К тому же успех может быть иным, чем задумывался, реализовываться в иной форме и значительно позже.

IX

Кризисные эпохи – время социальных революций, когда, как заметил А. Белинков, уничтожается историческое право и его место занимает естественное право, время хроноклазмов, общественного разброда и шатания, ослабления и упадка различных социальных слоёв и структур – всегда раздолье для К-структур. А если учесть, что в последние почти полтора века, с 1870-х годов на относительно бескризисное время приходится лишь послевоенный отрезок (1945–1968/73 гг.), и то заполненный «холодной войной», становится ясно, что период именно конца XIX–XX вв. должен был стать пиком в развитии К-структур, их мощи, подарить им массу возможностей, многие из которых им удалось реализовать. О том, как на развитие К-структур в этот период повлияло системное, регулярное развитие капитализма, потребовавшее подъёма «теневого мира», политико-экономических К-структур, уже сказано выше, здесь добавлю только одно. В течение XX в., и чем ближе к концу, тем интенсивнее, в политике становилось всё больше выходцев из спецслужб. Это так не только для периферийных обществ, но и для ядра и его анклавов; пример – США и Израиль. Но у подъёма К-структур был ещё один источник – не системный, а кризисный, чисто исторический.

Впрочем, строго говоря, не только последние 120–150 лет были кризисными, военно-революционными. Капитализм как система – это перманентная революция, война, перманентный кризис и его преодоление. Здесь необходимо отметить одну особенность капитализма, мимо которой проходят исследователи, перенося на капитализм общую логику функционирования других социальных систем. То, что было внешними элементами оппозиции в иных системах, капитализм превратил в свои внутренние противоречия и сделал мотором внутреннего развития, обеспечив таким образом неслыханную динамику. Так, были сняты, точнее – интериоризированы противоречия между производством и обменом (производственные отношения при капитализме – это обмен живого труда на овеществлённый); между логикой и историей в социальном развитии; между экономической и политической гегемонией; между формационностью и цивилизованностью; между – и это самое важное для нас в данном контексте – эволюцией и революцией^[34].

Для динамики капитализма дихотомия «эволюция – революция», по сути, почти иррелевантна. Капитализм как процесс – это непрекращающиеся революции в различных сферах, революция как системное качество. Это создавало настолько сложные задачи управления социальным пространством и социальным временем, что одна лишь публичная сфера и её институты объективно не могли их решить и по мере развития капсистемы справлялись с этим всё хуже. Если к этому добавить острую социальную борьбу внутри отдельных государств между классами и между государствами за гегемонию на мировом рынке, то становится ясно: капитализм – это по определению время К-структур; только единство этих структур и публичных (и борьба между ними), двойная масса «света и тени» могли обеспечить нормальное развитие капсистемы. Тот факт, что в XX в. тень перестала знать своё место и перешла в наступление, которое тем более результативно, что по объективным причинам в прошлое уходят нация-государство, гражданское общество, формальная демократия, политика, публичный человек, свидетельствует о следующем: капсистема близится к своему финалу, а эти фазы – всегда праздник истории К-структур, их сатурналии.

Итак, военно-революционные эпохи суть эпохи многочисленных возможностей, «котлы возможностей», когда связи между причинами и

следствиями носят нелинейный, «искривленный» или пунктирный характер. И когда субъектное действие или просто событие может, по сути, изменить или деформировать историю. В таких условиях необходимость как бы дает свободе воли передышку и время порезвиться (что в целом не отменяет ни социальных циклов, ни логики социального развития), быстро меняются ориентации личностей и фракций, быстро возникают и столь же быстро распадаются политические группы, оппоненты быстро перехватывают друг у друга аргументацию и программы (как говаривал Ленин, надо уметь и украсть, когда нужно), надевают несвойственные себе идейные наряды. Вот в такой-то кутерьме рождаются новые эпохи, которые приходят (сначала) в виде Истины Слова, открываясь не многим и не сразу и отсекая, подобно социальной бритве Оккама, все исторически лишнее, а затем опять вводят человека в мир более жестких, социально-аскетичных причинно-следственных связей.

А акушерами с бритвой, скрывающимися за массами, как правило, выступают К-структуры, играя роль матриц новой системы. Новые системы как бы наращиваются на нового субъекта, он разрастается ими. Причём сначала этот новый субъект может быть даже индивидом. *«В период между 200 и 400 гг. н. э., – пишет Р. Браун, автор одной из интереснейших книг о конце Античности, – люди Средиземноморья пришли к принятию (с энтузиазмом) того, что божественная сила не столько является простым смертным прямо или посредством давно установленных институтов, сколько представлена на земле ограниченным числом исключительных человеческих существ (human agents). Эти существа уполномочены нести ее (божественную силу. – А. Ф.), распространяя среди последователей с помощью разума или того сверхъестественного, которое было их личным качеством... Отсюда важность этого периода, подъема христианской церкви. Христианская церковь выступала как импресарио более крупных изменений... **Радикально новые и устойчивые институты выросли вокруг людей, в которых, считалось, божественное величие существовало как необратимое»**^[35](подч. мной. – А. Ф.).*

Можно привести пример из более близкой, причём русской истории. В. И. Ленин был системообразующим субъектом, вокруг которого сложилась сначала К-структура, она же – политическая партия особого типа, эдакий двуликий Янус (показательно, что Ленин

постоянно подчёркивал: только сочетание легальной и нелегальной деятельности приносит успех). Вокруг Ленина сформировалась новая система – «партия нового типа», из мутаций и трансформаций которой впоследствии вырос коммунистический порядок. Во время революции Ленин и Партия были равновесны – и почти тождественны.

*Партия и Ленин —
близнецы-братья —
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем
партия,
Мы говорим
партия,
подразумеваем – Ленин.*

В этих строках четко зафиксировано не просто и не только тождество, но и относительное равновесие «исторических гирек» под названием «Ленин» и «Партия». То же можно сказать о Петре I (с его гвардией) и «остальной России». Ситуация субъектно-системного равновесия вообще характерна для эпох революций и смут.

Если говорить о нашей истории в XX в., то Сталин, движимый логикой русской системности и русской власти, помимо прочего, должен был покончить с фазой субъектного взрыва русской истории. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что он был последним субъектом этой фазы, уничтожавшим, отменявшим ее и тем самым упрочивавшим новую систему. Сталин закрыл Крышкой Истории котел исторических возможностей, и персонификатору этого котла – ленинской партии – пришла «крышка», *kaput*. Но последним, по иронии истории, под крышку угодил сам Иосиф Первый (и последний). Устранение его «хрущёвцами» (название условно) означало окончательный финал субъектной фазы. Теперь были возможны лишь отголоски субъектности в фарсовом виде «волюнтаризма», впрочем, тоже вскоре заглушенные в эпоху (и эпохой) безбрежного реализма брежневского «реального социализма», в позднезрелой и поздней стадиях коммунистического порядка. Но мы отвлеклись.

Качественные изменения общества, которые, прежде всего, выражаются в появлении нового исторического субъекта, не сводятся только к рекомбинации элементов старого. Для этого процесса необходим субъект; «кусочки» могут быть старыми, а вот субъект – только новым, будь то христианский проповедник, сеньор, капиталист или чекист в кожаной куртке со *«спешищим ему на смену молодым человеком»* (В. Розанов). К-структуры – это классические напёрсточники времени, которые разбираются в нём, а точнее, чувствуют его намного лучше многих специалистов по общественным наукам, подобно слепым котяткам тыкающихся в своих штудиях в неглавное.

Нынешнее социальное знание оперирует главным образом одним временем и отражает только его, при этом часто пренебрегая фактором времени как социально значимым. На самом деле времен и соответствующих ему реальностей несколько: линейное эволюционное, линейное революционное, линейное регрессивное, циклическое. Каждому из них должен соответствовать свой тип знания. Можно ли будет создать из нескольких типов один, найти общий знаменатель в виде какого-то одного времени и в какой-то одной реальности – на этот вопрос у меня пока нет ответа, его даст только практика конструирования новых типов знания: *«Чтобы понять вещь, нужно ее сделать»* (Софокл). В любом случае межсистемность, социальная революция – это нечто особое, не укладывающееся полностью ни в логику предшествующей системы, ни в логику будущей.

«Переходные», а точнее – промежуточные периоды можно сравнивать только друг с другом, а потому рядом с «социальной эсхатологией» необходима сфера знания, изучающая революции, социальные разрывы, – революциология, клазмология (от греч. «клазмос» – разрыв). Возникает, правда, вопрос, в какой степени это наука, а в какой – описание, точнее: в какой степени описательная сторона может быть в данном случае концептуализована? Ведь социальная наука системоцентрична, а мы попадаем в субъектоцентричную ситуацию, которая, как правило, возникает на грани эпох и систем.

Здесь мы подходим к ещё одной причине, которая позволяет понять, почему эпохи революций и войн кардинально меняют условия определения социальных весов и масс, стирают грани между традиционными оппозициями и даже меняют местами причины и следствия, расчищая площадку для К-структур и, следовательно, для их изучения. В сложных исторических событиях и ситуациях, писал А. А. Зиновьев, *«представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга, другие сходятся, третьи расходятся, четвёртые затухают, пятые зарождаются и т. д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объёме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения самих понятий „причина“ и „следствие“ и методов выявления причинности»*^[36]. Простые, линейные методы поиска причинных связей и объяснений к таким ситуациям, перенасыщенным эмпирической социальной комбинаторикой, неприменимы. В периоды кризисов время резко ускоряется и сжимается, концентрируется и обретает качество настоящего, которое в свою очередь как бы расширяется за счёт прошлого и будущего.

Конкретно я имею в виду следующее. Разумеется, прошлое определяет настоящее. Однако настоящее не является всего лишь простым продлённым прошлым. Если бы это было так, то настоящее, а следовательно, и будущее было бы нетрудно предсказывать. В реальности дело обстоит иначе. Во-первых, в настоящем сталкиваются – причём в различных и далеко не всегда просчитываемых комбинациях – множество тенденций прошлого развития, и то, как они «сложатся», зависит и от действий различных субъектов, «столкновения воле» в данный момент. Во-вторых, поведение человека носит не рациональный, а интенциональный характер – столкновение различных рациональностей; аналогичным образом случайный результат может быть следствием столкновения или просто взаимоналожения нескольких необходимостей. Таким образом каждый дискретный момент настоящего парадоксальным образом оказывается сложнее

дискретного момента прошлого, дление которого мы фиксируем как окончившееся.

В кризисные эпохи время ускоряется и сжимается до настоящего, обретает характеристики последнего, что уравнивает шансы малых групп и целых классов, – выигрывает тот, кто адекватнее выражает характер, целостность времени и эффективнее управляет им, а здесь у малых групп, тем более К-структур немало преимуществ.

В этом смысле борьба лиц и групп в кризисные эпохи – это борьба различных концентраций (и концентратов) времени. Причем борьба эта происходит в иной, чем в восходящие и зрелые («нормальные») периоды развития, сетке причинно-следственных связей, в рамках иного типа этих связей.

Тривиальная констатация, но, тем не менее: причинно-следственные связи в общественных процессах – вещь непростая. Даже если свести общество, как в ортодоксальном марксизме, к трем сферам – экономической, социально-политической и духовной – или даже к двум – базису и надстройке, то и в такой схеме есть нюансы, которые вносят существенные изменения в жесткий детерминизм и определяемое им поле возможностей.

Размышлявший над этим вопросом В. В. Крылов рисовал такую схему:

T ¹	T ²	T ³	T ⁴	T ⁵
H ¹	H ²	H ³	H ⁴	H ⁵
C ¹	C ²	C ³	C ⁴	C ⁵
Э ¹	Э ²	Э ³	Э ⁴	Э ⁵

Э – экономика;
С – социальный строй;
Н – надстройка;
Т – время.

«Поскольку причина действует раньше, чем проявляется следствие, при прочих равных условиях состояние Э¹ есть причина не С¹, а С², а это состояние, в свою очередь, – причина Н³, так как на реализацию процесса нужно время (Т¹, Т², Т³). В свою очередь обратное воздействие надстройки на социально-политическую сферу и экономику предполагает состояние С⁴ и С⁵. Таким образом, даже в марксистской схеме, будь то классическая или ортодоксальная, определяющая роль одного элемента системы (экономика) по отношению к другим элементам системы (социальному строю и надстройке) проявляется не в КАЖДЫЙ ДАННЫЙ МОМЕНТ, НО В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ ОДНОГО МОМЕНТА ДРУГИМ, Т.Е. НА ПРОТЯЖЕНИИ ВРЕМЕНИ»^[37].

Кто-то скажет: опять «базис», «надстройка» и прочая марксистская муть. Не надо торопиться, господа. Во-первых, муть бывает и немарксистской – последние 10–15 лет можно наблюдать этот поток с близкого расстояния. Удивительно, но факт: поток этот тем мутнее, чем громче кричат о прощании с Марксом и марксизмом. Может быть, потому, что активнее всех прощаются бывшие неистовые ревнители марксизма? Вся эта шпана из журналов «Коммунист», «Партийная жизнь» и т. п., Высшей партийкомы и подобного рода структур, делавшая карьеру на критике буржуазных теорий и катавшая за границу благодаря этой критике («противизму»), а затем, когда сменились хозяева, начавшая дудеть в новую – либеральную – хлебную дуду. Во-вторых, разделение общества на «экономику», «политику» и «культуру» характерно для всей социальной науки, а не только марксистской. Будучи в какой-то степени условным, такое членение в целом верно отражает реальность зрелого капиталистического общества в его ядре, реальность субстанционального капитализма. Другое дело, что в ортодоксальных марксистских интерпретациях экономика определяет все остальное. И опять же, это в значительной степени так для ядра капиталистической системы в его зрелом состоянии.

Однако помимо капитализма есть и иные типы общества. Да и в самом капитализме в различных его «зональных вариантах» и, самое главное, в различные периоды его истории степень обособленности друг от друга и соотношения друг с другом различных сфер была разной. Следовательно, не только возможны, но и должны

существовать иные типы причинно-следственных связей, даже если исходить из марксистской или либеральной схем; только при этом нужно брать их на излом, на «болевой прием». Об этих нелинейных вариантах и написал В. Крылов, противопоставив их им же зафиксированному линейному порядку.

Из приведенной схемы В. В. Крылова вытекает возможность двух различных типов причинно-следственной связи: «протяженного» (линейного) и «моментального» (нелинейного). В нормальном эволюционном течении общества, на который ориентирована нынешняя социальная наука и которому она понятийно-методологически соответствует, доминирует «протяженный», линейный тип, при котором все происходит чинно: у $\mathcal{E}^1$, $\mathcal{C}^2$, $\mathcal{H}^3$ – свои времена T^1 , T^2 , T^3 , и они чинно следуют друг за другом. В такой ситуации ясно – что есть причина, что есть следствие, что после чего. Но всё это так, если мы берем диахронный срез (T^1 , T^2 ...). Взятые синхронно, одновременно, т. е. либо в T^1 , либо в T^2 и т. д. экономика, социальный строй и надстройка (духовная сфера) не могут быть причиной развития друг друга (для этого необходимо $T^1 + T^2 + T^3$ и т. д.). Поэтому при синхронном срезе детерминирующим фактором является совокупный общественный процесс, иными словами, общество в целом, господствующее как система над каждым своим элементом.

Короче говоря, по В. В. Крылову, в каждый отдельный (отдельно взятый) момент господствует целостный, моментальный тип причинно-следственных связей. При нормальном, без серьезных потрясений эволюционном течении такая синхронизация может носить главным образом абстрактно-теоретический характер, рассматриваться в качестве теоретически возможного варианта. Ситуация резко меняется в периоды упадка, системного слома, когда общество стремительно – все быстрее – катится под гору, в эпохи социальных революций, когда синхрон, краткосрочная перспектива становятся доминирующими.

Если взглянуть с точки зрения различных типов причинно-следственной связи на социальную борьбу в разные периоды, то вырисовывается такая картина. Доминируют и побеждают обычно те силы, которые в наибольшей степени воплощают целостные аспекты развития общества. В «диахронии» это чаще всего блоки,

союзы различных групп, контролирующие свои сферы и свои «отрезки» времени. Они адекватны совокупности, цепи событий. В «протяженной» временной ситуации едва ли можно найти одну-единственную силу, которая контролирует все. Подобное возможно лишь в «моментальных» ситуациях, когда время сжато, когда оно несётся, но одновременно как бы застыло в «синхроне», когда краткосрочная перспектива вместила в себя все остальные и какое-то время удерживает их в себе. В такой ситуации целостный аспект общественного развития может быть выражен, с одной стороны, и небольшой группой людей или даже одним лицом, окрашивающим развитие в свои личностные тона, а с другой – не цепью событий, а одним-единственным событием, которое оказывается бифуркацией.

То, что в кризисно-революционные времена законы развития целостности или даже совокупности всех сфер общества сжатых в T^1 , подавляют воздействие векторов отдельных сфер или оказывают параллельное влияние, резко усиливает значение и роль «случайных», точнее – событийных факторов. В таких социальных ситуациях случай превращается в Событие. Точнее, событие обретает такое качество и такой масштаб, в котором снимается противоречие между случайностью и закономерностью; и то, и другое растворяется в событийности. В контексте революционных эпох мысль Ф. Броделя «событие – это пыль» ошибочна, и мы в таком контексте вправе сказать: «Фернан, ты неправ».

Иными словами, в эпохи великих социальных революций – и чем более великих, тем в большей степени, – событийность, словно вдруг взбесившись, делает прыжок и выскакивает по ту сторону необходимости и случайности, в такую социальную вселенную, где различие между ними практически irrelevantно. Событие, таким образом, превращается в бытие. Событие есть бытие революционных эпох. По крайней мере, единственно значимое бытие. Событие и человек, отдельный человек с его поступками – вот что значимо в революциях. Революции сингулярны, они суть социальные сингулярные точки, все в них сведено в одну точку: общество, пространство, время.

Когда у всех сфер – одно время T , одно на всех, уплотненное, сжатое и ускоренное, тогда решение политического лидера или один законодательный акт или одно лицо и его «ндрав» может перевесить

значение «объективных» экономических факторов, которые на самом деле утрачивают объективность, – в кризисные эпохи все субъективно и объективно одновременно; упадки и особенно революции находятся по ту сторону объективного и субъективного. Раздерганная, ослабленная, распадающаяся система – не более, а скорее менее объективна, чем индивидуальный субъект или малая группа, вокруг которых как вокруг центра притяжения возникает новый социум. Внешне кажется, что свобода воли ломает необходимость, а исторический субъект торжествует над социальной системой, то есть – праздник Истории. Или наоборот: тризна, поминки. В любом случае в ситуациях системного кризиса, в состоянии «социосистемной невесомости» уравниваются веса «властных» личностей и «властных» подсистем. Непонимание этого ведет к тому, что даже очень умные люди начинают наивно рассуждать, например, о падении коммунизма и распаде СССР исключительно в терминах «предательства Горбачева», «заговора трех обкомовцев». По-видимому, действительно бывают ситуации, когда можно «предать» систему. Они возникают тогда, когда на самом деле предавать уже почти нечего. А следовательно, термин этот годится только в плане личностной характеристики, в оценочном плане, тогда как в системной плоскости вопрос должен ставиться иначе.

Еще один немаловажный вариант причинно-следственных связей в обществе – горизонтальное воздействие одних подсистем друг на друга в различные отрезки времени, не $\mathcal{E}^1 \rightarrow \mathcal{C}^2 \rightarrow \mathcal{H}^3$, а $\mathcal{E}^1 \rightarrow \mathcal{E}^2$ и т. д.; $\mathcal{C}^1 \rightarrow \mathcal{C}^2$ и т. д.; $\mathcal{H}^1 \rightarrow \mathcal{H}^2$ и т. д. [38]. Ясно, что каждая отдельная подсистема внутри данного общества будет выступать как автономная и саморазвивающаяся в тем большей степени, чем менее интегрированный характер имеет система. Последнее особенно типично именно для периодов системных кризисов, так называемых «переходных» эпох. Они характеризуются не только тем, что повышается роль нелинейных форм причинно-следственных связей, но и тем, что возникает система «многоукладности», сосуществования всех этих типов, сочетания причины и следствия: вертикальных и горизонтальных, одновременных и разновременных, целостных и частных, моментальных и протяженных.

Все это запутывает социальный процесс, повышает роль событийности, делает развитие малопредсказуемым. Время как бы сжимается в сингулярную точку момент-эпохи, и это сжатие ломает и

крушит хребет нормальных, диахронных причинно-следственных связей, плодя на свет иные – необычные и даже уродливые формы этих связей. Формы-уродцы словно мстят человеку и истории за свое уродство, создавая безумный мир революционной эпохи, в котором почти невозможно ориентироваться. Мир, в котором побеждают рациональные безумцы с железной волей. К-структуры как раз и возникают на изломах времени. Они суть мера и воплощение (одна из мер и одно из воплощений) временной нелинейности и многоукладности. К-структуры – мастера по вывихам времени и одновременно их порождения.

Быстрый темп изменений в период системного кризиса, общественных трансформаций диктует, казалось бы, быструю реализацию в социальной сфере тех сдвигов, которые произошли в экономике ($\Theta^1 - C^2$). Однако период, о котором идет речь, характеризуется расстыковкой различных сфер, усилением их автономии, поэтому результат может проявиться не в социальной сфере, а сразу – в политико-идеологической и уже «оттуда» оказать влияние на социальную (инверсия сфер и типов воздействия). Горизонтальный тип причинно-следственных связей ломает обычный, вертикальный.

Другой пример: воздействие целостных факторов на социальную сферу и через неё – на экономику (инверсия вертикальных связей). Привычные причины и следствия как бы меняются местами, и следствие может оказаться причиной того, что само принято считать причиной! Наконец, дисфункция общественных подсистем в периоды упадка и кризиса может привести и к тому, что воздействие не выходит за рамки отдельной сферы, и причина становится собственным саморазрушительным следствием. Тогда в силу вступают уже законы социального регресса, распада, деградации, инволюции. Становится трудно разобраться: прогресс ли выступает в форме реакции или реакция в форме прогресса. В подобной ситуации то, что для одного общества в один период его развития (например, в его нормальном функционировании) принято считать «путем вверх», конструктивной формой, в другом обществе и в период упадка может стать формой распада, «путем вниз», деструкцией.

Как уже говорилось, указанные хронометаморфозы, когда время словно выламывается из «линейки», – благоприятное условие

деятельности К-структур. Более того, в своих интересах они способствуют такой трансформации времени – на несистемный, субъектный лад.

Напомню: и сама эта трансформация, и изменённое состояние, о котором идёт речь, плохо фиксируются конвенциональной социальной наукой, ориентированной на один определённый хронотип, с которым она к тому же не всегда в ладах. Получается, что с точки зрения временной организации и ориентации современной науки К-структуры действуют в некой «чёрной дыре», недоступной для внешнего конвенционального наблюдателя. Дело обстоит не просто так, что у нынешней науки нет средств анализа К-структур самих по себе, т. е. в статике; у неё нет средств анализа хронотипа, в котором действуют и который создают К-структуры, т. е. в динамике. Конспирология, следовательно, требует иной философии времени, чем социология, политология и экономика как по отдельности, так и вместе взятые, и иной философии истории, ориентированной не столько на систему, сколько на субъекта, не столько на социально-эволюционный, сколько на проектно-исторический тип развития. Таким образом, конспирология выявляет, во-первых, скрытые системные закономерности; во-вторых, субъектную (проектно-творческую) составляющую исторического процесса. В известном смысле как в плане теории, так и в плане изучения конкретики последних 150 лет и прогнозирования ближайших 20–25 конспирология для нас, перефразируя классика, является важнейшим из искусств (научных).

В истории, однако, есть такие структуры, которые в силу своих субъектных характеристик ведут себя в своём нормальном состоянии во многом как К-структуры, не будучи ими, обладают серьёзными конспирологическими аспектами, а потому их изучение в конспирологическом плане способно пролить не просто дополнительный, но весьма существенный свет на их историю. Я имею в виду такой субъект, как русская власть и его (её) структуры, будь то самодержавные, революционные или коммунистические, и русскую историю – штучку весьма и весьма конспирологическую, о причинах чего мы и порассуждаем.

У русской власти несколько особенностей, придающих ей уникальный характер и противопоставляющих её власти как на Западе, так и на Востоке. Эта власть автосубъектна, надзаконна и слабоинституциализирована, т. е. действует не столько с помощью институтов, сколько с помощью чрезвычайных органов различного типа; более того, русская власть появилась на свет, во-первых, благодаря чрезвычайным обстоятельствам; во-вторых, с помощью чрезвычайного органа – опричнины. Но обо всём по порядку.

Русская власть в том виде, в каком она возникла в середине XVI в. и дожила до наших дней, – власть надзаконная, экстралегальная. Даже нынешняя, постсоветская ослабленная как внутренними, так и внешними факторами власть, сохраняет родовые черты. В каком органе фактически концентрируется власть в РФ? Правильно – в Администрации Президента, причём полнота и масштаб её власти таковы, что её нередко сравнивают с ЦК КПСС, кстати, и здание она занимает то же. Говорится ли что-нибудь в Конституции РФ об этом органе? Нет, не говорится. В результате мы имеем ситуацию, когда технический, не прописанный в Конституции, а следовательно, вне – и надконституционный орган является главной властной структурой страны.

Что говорилось в Конституции СССР о КПСС и её ЦК? О ЦК – вообще ничего. О ВКП(б) в Конституции СССР 1936 г. (в ст. 126, гл. X «Основные права и обязанности граждан») говорилось лишь, что это передовой отряд трудящихся, в который они добровольно объединяются, и что компартия – *«ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»*. Совершенно ясно, что здесь никакими юридическими формулировками не пахнет. В Конституции СССР 1977 г. (в ст. 6 гл. I «Политическая система» I раздела «Основы общественного строя и политики СССР») был сделан шаг вперёд. КПСС названа *«руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций»*. Формально роль и место КПСС здесь подняты по сравнению с Конституцией 1936 г.: из гл. X КПСС «переехала» в гл. I, ей придан политический характер. Однако по сути те, кто готовил «брежневскую» Конституцию, загнали себя и КПСС в логическую ловушку – «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Попытка политизировать КПСС (в Конституции 1936 г. об этом речи не шло), представив его ядром (т. е. элементом) некоей политической системы, проваливается, поскольку никакой внепартийной политической системы в СССР не было и быть не могло. А то, что КПСС – ядро всех государственных и общественных организаций, так эта формулировка из уставов КПСС, в которых, в отличие от Конституции, она дана в развёрнутом и детализированном виде. Но дело не только в этом. Статья 6 – это всего лишь общая декларация, но никак не юридическая формулировка, фиксирующая статус юридического лица. КПСС вообще не была юридическим лицом, то была внезаконная, незаконная организация.

По советскому гражданскому праву та или иная организация имела право на существование, была юридическим лицом, если её разрешало государство. Советское государство разрешило все существующие в нём организации, кроме одной – КПСС (она же: РКП(б), она же: ВКП(б)). КПСС была над законом. Это очень хорошо понимали советские руководители («Мы над законом или закон над нами?» – знаменитая фраза Хрущёва, грозно брошенная им тем, кто говорил, что спекулянтов и фарцовщиков Файбишенко и Рокотова нельзя приговорить к высшей мере, поскольку нет таких законов). Это было зафиксировано в советских учебниках права, где чёрным по белому говорилось: решения КПСС определяют право, законы и законотворчество в СССР. Сюда обязательно нужно добавить Устав КПСС.

А Устав, в свою очередь, опирался на практику и на теорию, сформулированную Лениным: *«Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия всё исправляет, назначает и строит по одному принципу»*^[39]. *«Партией руководит... ЦК из 19 человек, причём текущую работу в Москве приходится вести ещё узким коллективом... Оргбюро и Политбюро... Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия»... Ни один важный политический вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии! Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассматриваемый «сверху» с точки зрения практики осуществления диктатуры... Вырос этот механизм из маленьких, незаконных, подпольных кружков в*

течение 25 лет»^[40]. Всё понятно? Даже после победы революции большевики сохранили подпольно-внезаконный характер своей деятельности.

Именно экстралегальность, надзаконность придавала КПСС статус «высшей формы общественной организации». Высшей – означало и выше закона. Помимо прочего, надзаконность выполняла для КПСС ту же функцию, которую для самодержавия выполнял сакральный характер власти. Но это отдельный разговор.

Повторю: советские руководители прекрасно это понимали, причём не только во времена Хрущёва и раньше, но и во времена Горбачёва – ситуация не изменилась. Достаточно прочесть секретную записку В. И. Ивашко (документ под названием «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии» за № 15703 от 23 августа 1990 г.), адресованную его непосредственному начальнику М. С. Горбачёву. В ней говорится о необходимости принятия неотложных мер по защите партийного имущества в условиях перехода к рынку, поскольку оно не защищено юридически.

В. И. Ивашко прав: имущество КПСС не было собственностью, ибо собственность – это не кража, а юридическое отношение. КПСС юридическим лицом как раз и не была, вот пришлось выкручиваться. Например, В. И. Ивашко предложил *«планмерно создавать структуры „невидимой“ партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг лиц»* (не эти ли лица полетели из окон осенью 1991 г.?). В качестве новых «промежуточных» хозяйственных форм «невидимой» экономики назывались фонды (мне почему-то сразу приходит на ум: «горбачёвский фонд»), ассоциаций (например, ассоциация Шеварднадзе – была такая, а сколько мы не знаем!). Налицо предложение осуществить переход к рынку, по сути означавшее превращение значительного сегмента номенклатуры из статусной группы в собственническую, в класс, в виде заговора. Тут вспоминается не только коммунистическая фаза русской истории – раздолье для конспирологии, но и самодержавная с её бесчисленными «секретными комитетами», «тайными канцеляриями» и т. п.

Необходимо подчеркнуть: суть коммунистической власти не изменилась от Ленина до Горбачёва; форма постоянно смягчалась, суть же – надзаконная суть – оставалась такой, какой сформулировал её

Ленин почти сразу после революции: власть партии – это «никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённая, непосредственно на насилие опирающаяся власть»^[41]. Или: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем»^[42].

Итак, с большевиками, властью КПСС, которая – парадокс – была незаконной (поскольку находилась над законом) по советскому же гражданскому праву, всё ясно. Ну а что же самодержавие, свергнутое народной стихией, которую впоследствии оседлали большевики, – и оно было над законом? Да. Более того, оно родилось как надзаконная власть. Принимая 5 января 1565 г. в Александровой слободе членов освящённого Собора, думных и приказных людей, просивших его сменить гнев на милость и вернуться в Москву на покинутый им 3 декабря 1564 г. престол, Иван IV выдвинул жёсткое условие возвращения: воля государя становится единственным источником власти и закона. Царь становился над законом, а великокняжеско-боярский режим менялся на царский. Возникло нечто неизвестное ни на Западе, ни на Востоке – самодержавие. Орудием установления самодержавия становился тоже невиданный и необычный институт, собственно, даже не институт, а чрезвычайная комиссия – опричнина, которая была не чем иным, как эмбриональным самодержавием. Пройдя через Смуту и послесмутное восстановление, к середине XVII в. самодержавие установилось полностью, закрепостив общество службой (1649 г., Соборное уложение).

Самодержавие нередко трактуют то как восточный деспотизм, то как западный абсолютизм. Это неверно. В определённом смысле указанные формы имеют больше общего друг с другом, чем с самодержавием. В Индии, Китае, Японии власть раджей и султанов, хуанди, тэнно и сегунов была жёстко ограничена традицией и ритуалом (вплоть до того, сколько минут хуанди может провести с наложницей). Если же взять Европу, например Францию эпохи Людовика XIV, которая считается моделью абсолютизма (в данном случае я не стану спорить о правомерности данного термина – это хорошо сделал Н. Хеншел), то там монарх был ограничен не только законом, но и различными административными структурами, правами целых групп и т. п. Например, последние два года своей жизни Людовик XIV провёл в слезах, поскольку по закону регентом при наследнике

«короля-солнца» должен был стать герцог Филипп Орлеанский, которого Людовик ненавидел. И король, которому приписывают фразу «L'etat c'est moi» («Государство – это я»), ничего не мог сделать – его ограничивал закон.

Первое законодательное ограничение самодержавия было осуществлено самодержцем Павлом I. Речь идёт об Указе о престолонаследии от 5 апреля 1797 г., установившем порядок престолонаследия. Это было первое отступление от логики самодержавия, согласно которой никакого порядка престолонаследия быть не может и не должно – на всё воля самодержца. Второе ограничение пришло в октябре 1905 г. (октябрьский манифест), а третье, ставшее окончательным решением самодержавного вопроса в России, в феврале 1917 г. – *«с третьего щелка вышибло ум у старика»* (А. С. Пушкин).

Из того, что власть в России должна быть неограниченной, т. е. стоять над законом, над любыми другими формами, исходили не только самодержцы, но и борцы с самодержавием. Я уже цитировал Ленина с его диктатурой, не ограниченной ни чем. Однако за сотню лет до Ленина Павел Пестель в своей «Русской правде» нарисовал такую схему, в которой над законодательной, исполнительной и судебной властями (разделение властей *à la* Америка) возвышалась контролирующая их блюстительная (слово-то какое!) власть – Верховный собор, – осуществлявшаяся 120 «боярами», которые избирались пожизненно. По сути, перед нами пусть коллективное, олигархическое, но всё то же самодержавие – надзаконная власть.

Итак, с Ивана IV и до наших дней русская власть носит принципиально надзаконно-внезаконный характер: она сама – источник закона. Более того, с Ивана IV – по сути, а с Петра I и по форме – русская власть встаёт над религиозной, в значительной степени принимает на себя её функции. И власть религиозная, церковная очень хорошо это понимает и ведёт себя соответственно; два исключения – митрополит Филипп и патриарх Никон; но, во-первых, оба они жили в эпоху юности, становления, а то и генезиса русской власти; во-вторых, исключения лишь подтверждают правило.

Надзаконный характер русской власти – не выверт истории, не случайность – в истории столь крупных и (по-своему) сложных целостностей, как русская реальность, случайностей не бывает. Точнее,

бывает в том случае, если они необходимы. Надзаконный характер русской власти был единственно возможной формой реализации в христианском обществе такого её имманентного качества, как автосубъектность, – так, чтобы общество оставалось христианским (т. е. полисубъектным), а власть – автосубъектной. О чём речь?

XII

Людвиг Витгенштейн однажды заметил, что некоторые факты и проблемы едва упоминаются из-за их общеизвестности, что создаёт иллюзию понятности, изученности и лучше всякого маскхалата скрывает от исследователя реальную проблему.

Несколько иначе, но по сути о том же, сказал А. А. Зиновьев: *«Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности»*. Тезисы Витгенштейна и Зиновьева распространяются и на феномен русской власти, который мы до сих пор не можем адекватно концептуализировать, интерпретируя его как государство (*state*) или политический феномен. При этом в своём повседневном поведении в отношениях с властью и её представителями мы чаще всего ведём себя совершенно адекватно, прогнозируя поведение власти и совершая в соответствии с этим определённые поступки. Однако как только дело доходит до теоретической интерпретации, мы начинаем напяливать на русскую власть чужеземные «одежды», которые либо не лезут на неё и трещат по швам, либо болтаются на ней и довольно быстро спадают. То есть мы как тот пёс, что всё понимает, но сказать не может, – не способны адекватно, в соответствующих природе объекта терминах зафиксировать его суть. А ведь если вдуматься, русская власть – не такой уж и сложный для понимания феномен. Надо только смотреть на него теоретически непредвзятым глазом и верить этому глазу, а не теориям западного происхождения, либеральным ли, марксистским, разработанным для описания и объяснения совершенно иных, чем русская власть, феноменов и реальности. И всего-то дел: взглянуть на русскую власть в соответствии с принципами системности и историзма.

В домонгольской Руси существовал властный треугольник «князь – бояре – вече», относительная сила «углов» которого варьировалась от княжества к княжеству. Ни у одного из русских князей не было «массы

насилия» достаточной, чтобы пригнуть бояр и население, а потому попытки такого рода (Андрей Боголюбский) были смертельно опасными.

В монгольской, ордынской Руси всё изменилось. Во-первых, за исключением северных народоправств, т. е. боярско-вечевых олигархий (Новгород, Псков, Вятка), доминирующим «углом» стал княжеский. В ситуации, когда Орда в любой момент могла обеспечить князю необходимую массу насилия, вече уже не могло играть прежней роли (с начала XIV в. слово «вечник» становится синонимом слова «бунтовщик»), а бояре предпочитают держаться князя, а не конфликтовать с ним. Кроме того, в условиях конкуренции за привилегии под «ордынским зонтиком» побеждали наиболее сплочённые княжества – те, где население и, главное, боярство поддерживали своего князя («княжеско-боярский комбайн»); это, естественно, не исключало конфликтов, но ограничивало их и направляло в русло социальной борьбы, существенно отличной и от Западной Европы, и от азиатских обществ. Таким образом, ордынизация Руси привела к значительному усилению княжеской власти, а московский князь – главный улусник и порученец Орды просто превращался в православного минихана.

Во-вторых, что ещё важнее, в этих условиях невиданные метаморфозы претерпела не только власть сама по себе, но власть как субъектность: возник такой субъект власти, которого до этого не было и не могло быть как на Руси, так и, естественно, в самой Орде^[43].

Сами монгольские и ордынские ханы, как и любые верховные властители в азиатских обществах, не выступали в качестве субъекта. В азиатских обществах субъектность растворена в системности, в системно предписанной социальной роли (не случайно в различных философских системах Востока по сути нет оппозиции «субъект – объект», субъект-объектная проблематика практически отсутствует). В этом плане необходимо подчеркнуть, что послеордынская русская власть, возникшая как ордынско-московская, ни в коем случае не является простым заимствованием «азиатчины», переносом последней на русскую почву. Она – результат субъектизации несубъектной формы, её субъектного преодоления, за что, однако, пришлось заплатить свою цену – и цену не малую.

Итак, русский (московский) князь ордынской эпохи – порученец хана – выступал, как и в доордынскую эпоху, в качестве субъекта, но теперь уже субъекта особого: мало того, что он воплощал по сути единственно значимую власть, во-первых, источником его властной субъектности было некое не (и даже вне-) субъектное начало, а не иной субъект; во-вторых, источник этот находился за пределами русского христианского социума. В результате в самом этом социуме власть как субъект оказывалась *causa sui*, субъектом самим по себе – автосубъектом, а не из взаимодействия с другими субъектами. Или, иначе, не это взаимодействие определяло его как таковой, его природу.

Так единственная по ордынской **басурманской** логике и милости власть приобрела тенденцию к функционированию в качестве единственного субъекта власти, а поскольку данная власть внутри этого общества была по сути единственной, то и единственным субъектом, причём единственность эта, стремление к ней были обусловлены тем, что власть была субъектом сама по себе, автосубъектом. Хотя князь являлся субъектом, поскольку он – агент христианского общества, «существующего» по воле Абсолюта, субъектного Бога, властью-автосубъектом он был по воле вполне земной над – (и вне-) субъектной силы – Орды, её хана и этим своим качествам обязан ей и только ей, а потому автосубъектность оказывалась важнее субъектности.

В рамках ордынского орднунга властная автосубъектность московских князей была функцией Орды, хана. Он был её **законным** основанием, вынесенным за рамки русского общества (странное на первый взгляд поведение Дмитрия Донского, который, нанеся в 1380 г. поражение Мамаю, в 1382 г. бежал из Москвы от Тохтамыша, летопись объясняет очень просто: ибо убоился законного царя, т. е. чингисида; Мамай чингисидом не был, он узурпировал власть).

С уходом Орды этот источник законности автосубъектной власти исчез. В христианском обществе автосубъектная власть вообще не могла быть законной (подзаконной) хотя бы в силу существования такого субъекта, как церковь. Иными словами: либо законность, либо автосубъектность. Эта дилемма в московском «православном ханстве» (Г. Федотов имел в виду отрезок между 1480 и 1565 гг.) становилась всё более острой и запутанной, пока Иван IV не разрубил её одним ударом – введением опричнины, которая поставила царскую власть над законом и церковью и таким образом решила сразу несколько проблем.

Во-первых, была зафиксирована и признана (условие возвращения Ивана на трон) автосубъектность без какого-либо внешнего источника, а сама из себя, *causa sui*; во-вторых, царь оказывался по сути единственным реальным и значимым властным субъектом (тенденция к моносубъектности); в-третьих, автосубъект приобретал ярко выраженную индивидуальную (царскую), а не коллективную (княжебоярскую, т. е. квазиолигархическую) форму, последняя, точнее, её потенциальные носители были подавлены мерами физического, экономического и морального террора – опричниной. Решение дилеммы, о которой идёт речь (я называю её «дилеммой Властихриста»), стало самодержавие, а средством – опричнина. По сути это означало революцию внутри господствующих групп, революцию гиперсубъектную, поскольку такого торжества, триумфа субъекта, его самости христианский мир ещё не знал.

В то же время, поскольку власть не была ограничена ничем (кроме удавки, как перефразировал Пушкин мадам де Сталь), включая, по сути, и закон, то как её отношения с населением, так и отношения внутри неё, прежде всего по поводу реального соотношения индивидуальной и коллективной (олигархической) форм, представляли собой постоянную социальную борьбу, а то и войну, что было **нормально** (в статистически-аристотелевском смысле) для власти-автосубъекта, функционирующего в христианском обществе, причём этот способ функционирования не может быть не чем иным, как трансформацией данного общества в интересах этой особой власти. Иным и не могло быть функционирование над – и внезаконной власти, стремящейся либо не допустить иной, чем её собственная, властной субъектности, либо выступать если не в качестве единственного субъекта, то уж по крайней мере в качестве сверхсубъекта.

Борьба, о которой идёт речь и которая представляет собой нормальный для данной власти способ функционирования, в значительной степени носит скрытый, тайный характер. История русской власти, как особого субъекта, а следовательно, и русская история последних четырёх с половиной столетий принципиально конспирологична – как в целом, в своей системности, так и в отдельных аспектах, измерениях и элементах, причём конспирологична в такой степени, какая едва ли встречается в истории других обществ. Возможно, лишь двухтысячелетняя история политико-экономической

корпорации «христианская церковь» на Западе может сравниться с русской властью в этом плане. Однако если конспирология христианской церкви обусловлена в большей степени некой исторической ситуацией, то конспирология русской власти и её история обусловлены уникальными природой и характером этой власти, для которой «конспирологическое» развитие – нечто естественное, норма. Причин здесь несколько.

Во-первых, принципиально надзаконный характер власти, усилившийся такими факторами, как огромное пространство, низкая продуктивность хозяйства, низкий уровень развития овеществлённого труда (т. е. материализованного времени), заставлял её активно действовать по тайным и чрезвычайным каналам. Вся история русской власти, как уже говорилось, – это сплошные тайные канцелярии, секретные комитеты и тайные комиссии. При этом власть скрывала секреты и тайны одних своих сторон и структур от других сторон и структур, что, естественно, не прибавляло ей эффективности, но позволяло воспроизводиться как автосубъекту. И это естественно, поскольку открытые формы, тем более юридизированные, затрудняют функционирование автосубъектной надзаконной власти, могут быть использованы против неё, ставят под угрозу автосубъектность как таковую.

Во-вторых, автосубъектная, замкнутая на себя власть, власть, которая сама для себя и закон, и традиция, и институт, не может создавать полноценные институты, это – слабоинституционализованная, квазиинституционализованная власть, власть недеятельных, недееспособных, а то и просто «нарисованных на холсте» институтов. По этой же причине автосубъектная русская власть не может создать полноценную социальную систему, поскольку автосубъект сам выступает как система, и более широкая системность почти автоматически означает оформление иных субъектов; несубъектная системность *à la* Восток в русских условиях невозможна. Результат – гиперсубъектность как подавление системности.

По логике вещей, теоретически системное развитие в русской истории должно быть связано с ослаблением **субъектности** власти. Однако ослабление **власти** означает дезорганизацию, хаос, а не системность. Наиболее системные фазы в русской истории суть те, когда власть уже утратила значительную часть автосубъектности, но

ещё достаточно сильна (как правило, это выражается в ранних формах её олигархизации), и её разложение, а следовательно, дезорганизация общества слабы. Это фазы так называемого застоя (брежневский период, первая треть XIX в., «смазанная» войной 1812 г.) – лучшие в русской истории, наиболее спокойные, сытые и упорядоченные. Вслед за ними приходят, как правило, глупые реформы, смуты, и наступает крах.

Институциональная слабость власти компенсируется тем, что она постоянно создаёт *ad hoc* («к случаю») различные чрезвычайные комиссии. Столетний «ужас чрезвычайек» – так охарактеризовал этот аспект русской истории Максимилиан Волошин. Ясно, что чрезвычайщина, перемешанная с квазиинституциональностью, – благоприятная среда для развития закрытых структур, заговора и прочих конспирологических «прелестей».

В-третьих, поскольку генезис самодержавия вообще и его индивидуально-царской формы в частности носил революционно-силовой характер и это революционно-силовое качество в силу своей надзаконности не было зафиксировано особым образом, соотношение индивидуальной и коллективной форм самодержавия принципиально не было закреплено, а потому носило подвижный характер, меняясь от правления к правлению (среднесрочная перспектива) и приобретая более коллективный (олигархический) характер в начале почти каждого правления (краткосрочная перспектива) и по мере приближения той или иной структуры русской власти к её концу – конец самодержавия, конец советского периода (долгосрочная перспектива). Таким образом, в русскую власть встроены противоречие и борьба между индивидуальной и коллективной формой, и борьба эта носит подковёрный, незаконный и тайный характер – опять конспирология.

XIII

Русская конспирология, которую вполне можно характеризовать и как криптократологию, и как криптоисторию русской власти, имеет, однако, ещё один источник помимо природы русской власти и логики её развёртывания, её отношений с населением. Этот источник – революция, а ещё точнее – революционность, причём двойная. Она

характеризует саму власть как особую субстанцию и в то же время возникает как порождаемое самой властью противодействие ей.

Автосубъектная русская власть является имманентно революционной. И одновременно реакционной – действие равно противодействию. Сейчас, однако, нас интересует революционность. Последняя встроена в русскую власть генетически. Во-первых, русская власть как особый субъект формировалась под воздействием отношений с Ордой и одновременно в процессе освобождения от Орды, пассивного сопротивления ей, «немой борьбы» с ней. Во-вторых, как конкретная – индивидуально-самодержавная форма русская власть возникла в результате эмансипации, освобождения/высвобождения царя от/из княжебоярского кокона. И произошло это посредством революционного акта, революции внутри господствующих групп – в виде опричнины. Устанавливая контроль над господствующими группами и страной и наполняя царскую форму адекватным ей содержанием, русская власть вполне по логике автосубъектности освобождалась от любого контроля над ней, ибо адекватное её природе состояние – над – и бесконтрольность – абсолютная воля, т. е. произвол. Революционная историческая природа русской власти проявлялась и в её надзаконности (последняя в известном смысле есть перманентная, застывшая революционность), и в её тайном характере.

Свою окончательную форму русская власть приобрела с Петром I и при нём – внешне европейскую, возникшую в результате ещё одной революции сверху, окончательно закрепостившей крестьян и подтвердившей (впрочем, ненадолго – до 1762 г.) закрепощение службой дворян. Петровское самодержавие (я называю такие формы/стадии русской власти «демонархиями»: «демоническая архэ», т. е. власть; «де» – т. е. якобы монархия; «монархия демоса») стало пиком в развитии русской власти как автосубъекта, апофеозом её воли-произвола. Казалось бы, теперь ей «нет преград на суше и на море» – она победила в почти трёхсотлетней борьбе, перемогла татар, княжат, бояр.

Но – парадокс – именно в момент триумфа и аккурат со смертью Петра I рядом с новой властью выросла её тень. А поскольку эта тень претендовала на власть – тайную или явную, а чаще на обе сразу – в комплексе – она с необходимостью обретала революционные характеристики. Сначала в дворцовом, внутрисистемном плане, а затем

в антисистемном. В результате **вся** история Петербургского самодержавия – это тайная и явная борьба тяготеющей к тайным формам, к «конспирологии» самодержавной власти и противостоящей ей тайной, а затем явной революционной власти, антивласти. И чем менее революционным и более системным (с позднего Александра I и Николая I) становилось самодержавие, тем более революционной и антисистемной становилась тень, антивласть, тем большую часть общества она охватывала, вылившись с конца 1870-х годов в прямое противостояние, которое завершилось убийствами двух царей (1881, 1918 гг.), а в промежутке между ними – тремя революциями (1905–1907 гг.; февраль 1917 г.; октябрь 1917 г.).

Петербургская эпоха в русской истории начинается между 1712 (перенос столицы в Петербург) и 1725 гг. (смерть Петра I) и заканчивается между 1918 (переезд столицы в Москву) и 1925 гг. – фактический уход с русской властной сцены Троцкого – второго и последнего архиреволюционера, выпестованного по негативу, в качестве своего могильщика Петербургским самодержавием; нелишне напомнить, что в 1924 г. ушёл со сцены жизни первый «антипетербургский» архиреволюционер Ленин: эпоха умирала в своих ниспровергателях-отрицателях и с ними.

Таким образом, по сути, вся история Петербургского самодержавия (приплюсуем к нему для ровного счёта восемь лет его «реликтового излучения» – 1917–1925 гг. – до победы доктрины «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране») – это история тайной борьбы, главным образом, естественно, тайной. И если в первое столетие – 1725–1825 гг. – эта борьба велась внутри самой власти (гвардейские перевороты), то во второе столетие – 1825–1925 гг. – это уже была борьба революционеров (от дворянских, пестелевских до ленинских, профессиональных) против власти, т. е. внешняя для власти тайная, а затем и явная борьба. Петербургская эпоха началась петровской гвардией и окончилась ленинской «гвардией», которую пустил под нож Сталин – новый персонификатор русской власти, против которого эта гвардия пыталась вести свою тайную борьбу – и проиграла.

Таким образом, два петербургских столетия – это сплошная конспирология. Нетрудно заметить, что переломный момент в этом революционно-конспирологическом столетии – рубеж 1870–1880-х

годов, а вековое событие, во многом изменившее вектор развития страны, – убийство Александра II. С этого момента революционная борьба против самодержавия начинает развиваться по экспоненте, а вместе с ней и рост К-структур.

Как мы помним, и в развитии ядра капиталистической системы рубеж 1870–1880-х годов стал временем подъёма К-структур, резкого усиления их проектной геоисторической роли, хотя и по другим причинам, чем в России, – в большей степени по экономическим, в соответствии с логикой развития капитала как системообразующего элемента системы (в России же К-структуры поднимались по логике системообразующего элемента русского миростроя – власти). В то же время, поскольку во второй половине XIX в. (Крымская война, реформы и т. д.) произошёл качественный сдвиг в интеграции России в мировую экономику и политику, произошло взаимоналожение, суммация двух линий – европейской и русской – в развитии К-структур (в данном случае мы говорим о России). Россия и Запад вступили в эпоху «системной конспирологии», не случайно совпавшей с эпохой империализма, одновременно. Это лишний раз свидетельствует о параллелизме развития капиталистической системы и «русской системы», постепенном сближении, стягивании векторов их развития. Если декабристов можно привязать к революционному движению и развитию К-структур в Европе (главным образом средиземноморской) с определённой натяжкой, то уже «Народную волю» и тем паче более поздних революционеров нельзя рассматривать в отрыве от революционного движения и К-структур Запада. Перед нами если и не единый поток, то тесно и неоднократно, весьма замысловатым образом переплетающиеся линии, клубок. А исходной точкой переплетения во многих отношениях является убийство Александра II, которому посвятил своё исследование В. А. Брюханов. Этим исследованием мы и открываем программу-направление «Конспирология».

Коллективизация [44]

Коллективизация – именно её изобразил на очередной типовой картине-пазле И. Глазунов – одна из трагедий русской истории, последний акт Большой Смуты 1860–1920-х годов и, что ещё важнее, гражданской войны. Обычно пишут о том, что режим таким образом решал зашедшую в тупик проблему товарообмена между городом и деревней, который он не смог организовать экономическими методами, о задаче ликвидации властью массового слоя частных собственников общества, построенном на отрицании частной собственности, о неприязни режима к крестьянству как отсталой и серой массе, о том, что в коллективизацию жестоко ломали деревню, часто вырывая из неё лучших работников, не желавших, задрав штаны, бегать в одном строю с деревенскими лоботрясами и пьяницами. Всё это так, но это лишь самый поверхностный уровень. Это одна правда, причём самый видимый её слой. Но есть и другая – правда не краткосрочной конъюнктуры, а долгосрочной истории, правда не отдельного слоя (класса), а социального, государственного целого. Собственно трагедии в истории и происходят, когда сталкиваются, сшибаются стороны, у каждой из которых – своя правда. Ещё более трагично то, что историческую, целостную правду нередко персонифицируют мерзавцы – это отдельный вопрос, который здесь не место разбирать.

У коллективизации как одной из русских трагедий несколько источников и составных частей. Она была резким, почти одномоментным (5–7 лет), жестоким решением сразу нескольких проблем различной исторической длительности и различного масштаба (аграрная сфера, система в целом, страна, мировой уровень), проблем, без решения которых прекратил бы своё существование не только СССР, но русский цивилизационный комплекс.

Проблемами значительной исторической длительности были аграрная и крестьянская. Чтобы в Центральной России жить с земли, нужно иметь 4 десятины на человека. В 1913 г. было 0,4 десятины – то был финал относительного аграрного перенаселения, стартовавший ещё в начале XIX в. Выход из зашедшего в тупик мелкого землевладения один – крупное землевладение. Крупное

индивидуальное землевладение – столыпинский вариант – русский мужик отверг, реформа провалилась: даже под нажимом властей только 25 % крестьян вышли из общины, а к 1920 г. крестьяне силовым путём вернули в общинную собственность 99 % земли. В таких условиях оставался только вариант крупного коллективного хозяйства, который в целом соответствовал традициям русского крестьянина и был реализован посредством коллективизации – при поддержке основной массы крестьян, но вопреки воле значительной (до 25 %) и вовсе нехудшей части самого крестьянства.

Ещё одна долгосрочная проблема – социальный контроль над крестьянством, утраченный властью после 1861 г. Тогда на место внеэкономических производственных отношений пришли экономические. Дело, однако, в том, что внеэкономические производственные отношения выполняли ещё и важнейшую внепроизводственную функцию – социального контроля, которая после 1861 г. провисела: у позднего самодержавия не было институтов, способных обеспечить эффективный социальный контроль над огромной массой крестьянства. «Положение о земских участковых начальниках» (1889 г.) не решило проблему, которая в XX в. начала обостряться, достигнув кульминации в начале XX в.

Крестьянская проблема была решена большевистским режимом путём раскрестьянивания. Но так решался крестьянский вопрос в XIX–XX вв. во всём мире. Особенность раскрестьянивания в СССР не в его жестокости – здесь все рекорды бьют англосаксы, а в его сжатых сроках (5–7 лет) и в его проведении на антикапиталистической основе, т. е. в ориентации на интересы не кучки сельских и городских богачей, а основной массы сельского населения.

Да, у сопротивлявшихся коллективизации крестьян была своя правда – правда маленького мирка, которому плевать на большой мир национального целого, на мировые проблемы. Но именно эти проблемы в лице Гитлера и зондеркоманд достали бы русского крестьянина, не встретить он войну в качестве советского человека, трансформированного коллективизацией. В войне победил не русский крестьянин, а русский советский человек, советская – сталинская – система, создавшая государственное целое с помощью коллективизации. И здесь мы подходим к самому главному.

Коллективизация стала радикальным прорывом из интернационал-большевистской клетки, в которой Россия отбыла десятилетний срок между 7 ноября 1917 г. и 7 ноября 1927 г. (попытка троцкистского путча) к национальному государству, которое строит социализм в своих пределах, а не несёт мировую революцию вовне, расшатывая мир в интересах фининтерна. Коллективизация стала логическим следствием перехода от интернационал-большевизма к национал-большевистской стратегии, ориентированной на создание современного промышленного общества, в которое сельское население интегрировано в качестве элемента целого.

Начало коллективизации не случайно совпало по времени с разгромом бухаринской команды, высылкой Троцкого из СССР, резкой активизации британцев в продвижении Гитлера к власти и началом мирового экономического кризиса. Надежды банкиров Нью-Йорка и Лондона, о которых Троцкий говорил, что они-то и есть главные революционеры, на переустройство мира посредством мировой революции рухнули – Россия вышла из «проекта». Теперь расчёт был на мировую войну, началом подготовки к которой и стал 1929 г., войну которая, помимо прочего, должна была стереть русский народ с лица земли. В таких условиях коллективизация должна была быть резко ускорена, причём главным образом не в экономических целях (хотя и в них тоже – в условиях мирового кризиса упали цены на промышленное оборудование, которое, ловя момент, следовало закупать), а в социальных, социосистемных, в целях сохранения и развития национального целого. Только дом, не разделившийся в самом себе и к тому же современный по конструкции, мог рассчитывать на победу в войне с англосаксонско-германскими хищниками.

Коллективизация вытаскивала страну из ловушки 1920-х годов, из комплекса проблем, возникших в XIX в., была единственным способом – очень жестоким – спасти СССР и русскую цивилизацию – по трагической диалектике истории ценой раскрестьянивания русского крестьянства, ценой нескольких миллионов жизней.

Была ли коллективизация жестокой? Без сомнения. Как и многое в России, да и не только в ней. Во-первых, все переломы в истории вообще и раскрестьянивания в частности – штука жестокая и, например, до жестокостей английского раскрестьянивания России она как далеко. Но почему-то англосаксам счёт не предъявляется. Во-

вторых, у массовых процессов – своя логика, и логика жестокая, и центральная власть сделала немало, чтобы эту жестокость умерить. В-третьих, чем дольше откладываются социальные/управленческие решения, чем больше копится проблем, тем больше социальное напряжение, социальная ненависть, социальный гнев, которые и рванули во время коллективизации. О социальном динамите, который вырабатывался непосредственно НЭПом, я уже не говорю.

Во время коллективизации одна часть народа экспроприировала другую, при этом как всегда бывает в таких ситуациях, в первых рядах экспроприаторов было много биологических подонков человечества – революции так и совершаются (мораль: не надо доводить до ситуаций, когда революция оказывается единственным способом решения проблем). Результатами коллективизации, которые были уже вполне очевидны к концу 1930-х годов, пользовалось практически всё население страны, включая коллективизированных. Какой контраст с экспроприацией 1990-х годов, когда кучка социопатов экспроприировала народ в целом, реализовав на криминально-капиталистический манер троцкистский интернационал-большевистский проект превращения России в сырьевой придаток Запада; в хворост, но только не для мировой революции, а для мировой неолиберальной контрреволюции. Последняя в условиях конца XX в. решала иным способом те задачи, которые не решились для верхушки мирового капиталистического класса (портреты его представителей так любит писать И. Глазунов) интернационал-большевизм и национал-социализм.

Остаётся ждать от И. Глазунова картины с названием типа «Постсоветская расколлективизация» или «Герои мутного времени». Впрочем, возможных «героев» такой картины уже изобразили Босх и Брейгель Старший.

Россия, мир, будущее ^[45]

Наш собеседник – известный русский историк, общественвед и публицист, директор Центра системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), автор 400 публикаций (включая 11 монографий), член Союза писателей России.

– Андрей Ильич, начнем издаleка. Ваши первые большие работы датированы рубежом 90-х – нулевых. Если вспомнить, то в это же время появляется книжка А. Паршева «Почему Россия не Америка?», сегодня она выглядит во многом простой и даже наивной, в 2001 году первое издание «Манипуляции сознанием» С. Кара-Мурзы, которая сейчас читается, как учебник для средней школы, тогда же выходят газета «Дуэль» и еще две-три знаковые книжки... Когда для Вас, человека, обладающего таким колоссальным объемом информации, начало приходить понимание того, что же произошло в 1991 году, хотя мы теперь прекрасно знаем, что все начиналось гораздо раньше?..

– Начну с того, что мои первые крупные работы появились не на рубеже 90-х и нулевых, а в середине 1980-х годов; в начале 1990-х я написал две большие работы – «Кратократия» и английскую версию «Колоколов Истории». Рубеж 90-х – нулевых – это действительно некий всплеск, но не первый. Что касается понимания произошедшего в 1991 г., то тогда у меня ещё не было того, что Вы назвали колоссальным объёмом информации – это пришло позже, поэтому и понимание пришло позже. В конце 1980-х годов было лишь ощущение какой-то неправильности происходящего. Тогда я занимался проблемой социальной природы советского общества и его господствующей группы – номенклатуры. Результатом стала работа «Кратократия», опубликованная в двух десятках номеров журнала «Социум» в 1991–1993 гг. и ставшая с тех пор библиографической редкостью. В конце 1980-х меня интересовал генезис и нормальное функционирование номенклатуры, её базовые противоречия. Осмысление того, как эти

противоречия, породившие структурный кризис 1970-х – начала 1980-х годов (горбачёвщина как фасад и орудие классового союза заинтересованных групп в СССР и на Западе превратила его в конце 1988–1989 гг. в системный) пришло позже. Значительную роль в осмыслении сыграло то, что в 1993–1994 гг. я работал в США и во Франции и, с одной стороны, смотрел на ситуацию в РФ извне, во-вторых, наблюдал за реакцией Запада (СМИ, политики, профессура) на происходящее в России. Ведь если твой геополитический противник тебя хвалит, если аплодирует расстрелу «Белого дома» в Москве, то это высвечивает ситуацию предельно ясно.

Кроме того, очень важно следующее: взгляд со стороны позволил увязать события в СССР и в РФ на рубеже 1980–1990-х годов с тем, что происходило на Западе, в ядре капиталистической системы. Разрушение СССР – не изолированное событие, это центральный элемент в историческом переломе, верхняя точка хронологического водораздела, суть которого в том, что это уже не XX век, но ещё не XXI. Результатом анализа советского социума не только самого по себе, но и в качестве элемента мировой системы, в качестве системного антикапитализма стала краткая версия работы «Колокола Истории: капитализм и коммунизм в XX веке», написанная весной 1994 г. по-английски и отчасти по-французски. В 1996 г. я начал делать русскую версию и лишний раз убедился в справедливости мысли автора «Крёстного отца» Марио Пьюзо: «Rewriting is a whole secret to writing». То есть, грубо говоря, переписывание – это написание совершенно новой вещи по отношению к первоначальному тексту. В результате из 160 страниц англо-французского текста получилась 460-страничная книга, совершенно новая.

В «Колоколах...» я писал о том, что разрушение системного антикапитализма, которым был СССР, – это очевидное начало конца капитализма, показатель его быстрого приближения к историческому финалу, предвестник тяжелейшего системного, терминального кризиса. В 1996 г. такой прогноз вызывал, мягко говоря, удивление, однако в 2008 г. ситуация изменилась.

В том же 1996 г. я (в соавторстве) написал работу «Русская система». Методологически эта работа в основном – побочный продукт «Кратократии» и «Колоколов...». Уже в конце 2001 г. я переосмыслил целый ряд положений «Русской системы», доведя её до XX в. –

хронологическим рубежом работы, изданной в 1996 г., несмотря на все «пробросы» в XVII–XX вв., было начало XVI в. В переосмыслении, написанном осенью первого года XXI в. большое место занял анализ феноменов опричнины и сталинской системы.

– Скажите, существовала ли за всю историю социализма альтернатива сталинскому проекту?

– Я бы добавил к Вашему вопросу ещё один: существовала ли в России 1920–1930-х годов альтернатива сталинскому проекту как реальной форме воплощения системного антикапитализма?

Социалистический мир в XX в. на планете Земля возник как расширение и продолжение сталинского проекта. Никакой другой социалистический проект самостоятельно не реализовался. Другое дело, что вплоть до 1948 г., когда США начали реализацию плана Маршалла, т. е. экономического оргоружия, прямо направленного на закабаление Европы и косвенно – против СССР, Сталин был противником социализации Восточной Европы, не говоря уже о Западной (Франция, Италия); тактически его больше устраивали умеренно левые буржуазно-националистические режимы, дружественные по отношению к СССР. Однако 1948 г. всё изменил; затем в 1949–1950 гг. ЦРУ провело спланированную Алленом Даллесом операцию «Split», подтолкнув советские спецслужбы к уничтожению умеренных коммунистов в восточноевропейских странах; в СССР суть провокации поняли слишком поздно.

Что касается нашей ситуации 1920–1930-х годов, то вопрос стоял очень просто: **либо** СССР, подобно позднесамодержавной России, остаётся сырьевым придатком Запада с отчётливыми перспективами установления над ним внешнего контроля, распада страны и – в конечном счёте – физического и метафизического исчезновения русского народа и других коренных народов России; **либо** СССР стремительно, в течение 10 лет, превращается в военно-промышленного гиганта, в один из центров мирового индустриального развития, что и было сделано к концу 1930-х годов. Средства жестокие: коллективизация и индустриализация, проходившие внутри страны на фоне холодной гражданской войны и острой, смертельной борьбы внутри правящего слоя, вне её – на фоне обострения межимпериалистических противоречий и стремления западных

хищников, прежде всего британских (а также немецких), решить свои проблемы за счёт России. Но иначе и нельзя было в жестоком окружавшем СССР мире; речь шла о выживании русского народа во враждебном капиталистическом окружении. Сталинская система была средством этого выживания. Альтернативы – бухаринский ублюдочный капитализм и перманентная мировая революция Троцкого – вели СССР к гибели. Кроме того, сталинскому режиму пришлось в сжатые сроки хирургически решать те задачи, которые самодержавие не могло/не хотело решать терапевтически за предыдущую сотню лет.

– А цена выживания?

– У выживания одна цена – само выживание, это всегда дорого стоит. Но не настолько дорого, как в этом старались и стараются нас убедить лживые антисоветчики-вруны типа Конквеста или Солженицына и их бездарные последователи со своими фальшивыми якобы квазиисторическими «хрониками».

Да, более 4,5 миллионов человек, прошедшие через лагеря в период с 1922 по 1953 г., – это немало, но это не десятки миллионов, о которых нам врут. Кроме того, не всё просто и с 4,5 миллионами: далеко не все из них сидели по политическим статьям, хватало обычных уголовников; расстреляно и умерло в лагерях чуть более миллиона. Количество «жертв режима» антисоветчики постоянно преувеличивают, лгут по поводу числа репрессированных в армии в канун Великой Отечественной, по поводу штрафников, по поводу побывавших в плену. Нас, в частности, пытаются убедить, что всех побывавших в плену после проверки злодеи-энкаведешники ставили к стенке или – в лучшем случае – отправляли в лагерь. Цифры говорят о совершенно ином: 91,7 % благополучно прошли проверку, 3,2 % направлены в штрафбаты, арестованы 4,4 %, умерли – 0,7 %. Элементарный непредвзятый анализ ломает антисоветское враньё на раз.

– Вы пишете о базовых противоречиях коммунизма как системы. Они касаются только шкурных вопросов, в них совершенно нет идеологии? Это доказывает то, что правящий класс, а он всегда опирается на интеллигенцию, мечтает только о

шкурном интересе? Можно ли из этого сделать вывод, что исторический коммунизм был обречён?

– Во-первых, никакой господствующий класс или слой никогда не опирается на интеллигенцию; последняя является либо его функцией, что бы она о себе ни думала, либо существует в порах социума. Во-вторых, идеология это и есть идейно закамуфлированный под общий интерес шкурный интерес господствующего слоя. В-третьих, не стоит вслед за интеллигенцией и вообще интеллектуалами преувеличивать значение идеологии в жизни общества, особенно низов и верхов. Как заметил Дж. Оруэлл, если для интеллектуала социализм – это вопрос теории, то для работяги – это лишняя бутылка молока для его ребёнка. А для представителя верхов, добавлю я, это вопрос власти, которую интеллектуальная обслуга должна обосновать. В-четвёртых, обречены – в том смысле, что раз возникнув, когда-то умрут – все социальные системы; вечных систем нет.

Советский коммунизм, возникший как двойное отрицание-преодоление – самодержавия и капитализма – просуществовал 70 лет (что само по себе очень немало по масштабам и скоростям XX в.), а его гибель не была естественной смертью от системной старости. Структурный кризис 1970-х – начала 1980-х годов горбачёвская «команда», за которой скрывались советские и западные кукловоды, превратили в системный. При этом даже в 1988 – начале 1989 г. точка возврата формально (по крайней мере, с экономической точки зрения) не была пройдена. Приглашённый горбачёвской шайкой именно в это время нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев не оправдал надежд «приглашающей стороны»: он заявил, что у экономики СССР есть ряд серьёзных **структурных** проблем, но нет ни одной **системной**, требующей изменения самой системы в целом. А ведь именно системная трансформация была целью кластера интересов, представленного частью номенклатуры, госбезопасности, теневиков. Мало кто из них стремился разрушить СССР (разве что прямая западная агентура глубокого, со времён Коминтерна, залегания и их «питомцы», вышедшие на сцену в 1950–1960-е годы); речь шла о смене строя с обязательным оттеснением КПСС от власти, однако это было невозможно без помощи со стороны определённых кругов Запада, которые играли свою игру – ставили на разрушение не только строя, но и советской державы как формы исторической России.

В 1989 г. западные подельники перехватили процесс управляемого хаоса у советских контрагентов, слепили новую (ельцинскую) команду (взамен горбачёвской), целью которой было разрушение СССР – недаром Мадлен Олбрайт главное достижение Буша-старшего обозначила как управление разрушением Советского Союза. Добавлю: разрушением-ограблением России занялась уже другая бригада, выступившая контрагентом новой – клинтоновской – команды, победившей в 1992 г. на выборах в США. Надо также отметить, что сам структурный кризис и военно-техническое ослабление СССР как необходимые условия победы Запада были следствием целого ряда внешне непродуманных и случайных (но на самом деле являющихся продуманными, «проектными случайностями») решений советского руководства в области военно-технического и технико-экономического развития СССР между 1965 и 1975 гг. Эти решения по сути спасли Запад и прежде всего США тогда, когда СССР мог если не раз и навсегда, то надолго уйти в отрыв и обеспечить себе военно-техническое господство на планете на много десятилетий.

– Вы подчеркиваете, что корпоративные интересы властной верхушки в СССР начали складываться еще в начале 60-х годов. В частности, вопрос сверхвыгодной торговли советской нефтью за валюту...

– Торговля нефтью стала лишь точкой роста, с которой стартовало формирование определённого кластера интересов, определённой группы советской номенклатуры, превратившейся, по крайней мере функционально, в советский сегмент (прото)глобальной корпоратократии. Но было и другое: вывоз и размещение на Западе советской верхушкой активов, которые невозможно было хранить в СССР, – драгметаллы, предметы искусства, рублёвая масса, валюта и т. п. Ясно, что ценой были некие компромиссы, и эта линия взаимодействия (в том числе и через сеть совзагранбанков) определённых сегментов советской и западной верхушек была по-своему не менее важна, чем сырьевая.

– А корпоратократия – это что за «птица»?

– Корпоратократия – это молодая и хищная фракция мирового капиталистического класса, которая стала быстро формироваться после

окончания Второй мировой войны. Речь идёт о той части буржуазии, бюрократии и спецслужб, которые тесно связаны с транснациональными корпорациями и интересы этих последних выражают в большей степени, чем интересы государства. Государственно-монополистическая буржуазия, завязанная на государство, а, следовательно, в определённой степени ограниченная – при всём мировом характере капитализма – государственными рамками, была готова к относительно длительному сосуществованию с социалистическим миром, стремясь в конечном счёте к его уничтожению. В отличие от этого корпоратократия исходно возникла как агент глобального, а не просто международного масштаба, эдакие глобалисты до глобализации. В планах их «прекрасного нового мира» места системному антикапитализму, СССР, мировой системе социализма не было. Корпоратократия была заточена на глобальную экспансию, причём не столько по линии государственной (государству отводилась, прежде всего, роль военного кулака), сколько надгосударственной, транснациональной – корпорационной, рассекавшей на сегменты целые страны, классы, слои.

Корпоратократия вступила в политико-экономическую борьбу за власть с госмонополистической буржуазией, первым главным театром «военных действий» стали США. В результате ползучего переворота, начавшегося убийством Джона Кеннеди (1963 г.) и завершившегося импичментом Ричарда Никсона (1974 г.), корпоратократия пришла к власти, посадив в 1976 г. в Белый дом своего человека – незадачливого Джимми Картера. Разумеется, эта победа, перелом середины 1970-х годов во внутрикапиталистической борьбе была победой не нокаутом, а по очкам, т. е. достигнута на основе компромисса, как это обычно бывает в столкновениях на самом верху; плоды компромисса можно увидеть в последовавших за Картером президентствах.

Однако ещё раньше, чем был свергнут Никсон – последний президент США как в большей степени государства, чем в большей степени кластера транснациональных корпораций, корпоратократия начала осваивать советскую зону.

С конца 1950-х годов СССР сначала по политическим («удар по реакционным арабским режимам»), а затем всё больше по экономическим причинам резко активизировал торговлю сырьём – нефтью, а затем газом. Так началась интеграция небольшого, но

приобретавшего всё большее влияние сегмента номенклатуры в мировой рынок, на котором всё большую роль играли ТНК и корпоратократы. Так начиналось формирование советского сегмента корпоратократии (часть номенклатуры, госбезопасности), и неважно, что она была невелика по численности – «мир – понятие не количественное, а качественное» (А. Эйнштейн), к тому же нужно учитывать сверхцентрализованный характер власти в СССР и возможности тех, кто наверху; недаром позднее один из «прорабов перестройки» А. Н. Яковлев скажет, что их планом было разрушение коммунизма с помощью «дисциплины тоталитарной партии». Нужно было лишь оказаться у рычагов этой дисциплины или внушать определённые идеи тем, кто эти рычаги крутил, например Л. И. Брежневу, его ближайшему окружению, его клану.

В середине 1970-х годов в СССР пришли незапланированные огромные деньги (что-то около 170–180 млрд долл., т. е. около 1 трлн. по нынешней стоимости доллара) – результат хорошо организованного корпоратократией, причём не только западной (думаю, без её советских контрагентов дело не обошлось), нефтяного кризиса 1973 г. Эти деньги стали фундаментом дальнейшего развития-подъёма советского сегмента корпоратократии и одновременно её орудием в борьбе за власть в КПСС и против КПСС. Именно в середине 1970-х годов в СССР (тоже своеобразный перелом, практически синхронный – едва ли случайность – тому, что произошёл на Западе, в США) началось формирование той бригады, которая спустя десятилетие вплотную приступит к демонтажу советской системы. В этом плане очень интересно и поучительно внимательное, пристальное чтение мемуаров перестроечной шайки поделщиков и особенно советников Горбачёва. Они, по-видимому, уже ничего не боятся и начали, подобно отловленным Дуремаром насосавшимся крови пиявкам, «много болтать». Тогда же, в середине 1970-х, началось постепенное раскачивание Средней Азии спецслужбами США и некоторых ближневосточных государств: это тоже был курс на разрушение СССР, только извне, с юга, с использованием исламского фактора. Поворотным моментом здесь стало втягивание СССР в афганскую авантюру заинтересованными группами в самом СССР и за рубежом.

В плане будущего разрушения СССР формирование советского сегмента корпоратократии было важно тем, что подводило политико-

экономическую базу под действия тех лиц, а точнее групп, которые давно, ещё со сталинского поворота в сторону «красной империи» работали против советского, сталинского проекта, опираясь на Запад, будь то на «левых глобалистов» коминтерновского типа или на различные структуры верхушки мирового капиталистического класса. До формирования совкорпоратократии эта публика, невычищенная до конца в 1930-е годы и подготовившая себе смену – второе поколение антисистемщиков в высших эшелонах власти, политико-экономическую базу имела только за пределами СССР; в 1970-е годы эта база формировалась уже внутри СССР, став *locus standi* и *field of employment* для тех, кто десятилетиями имел свою паутину наверху советской властной пирамиды.

Разумеется, главным образом это были лица не первого уровня, хотя здесь возможны и исключения. Речь должна идти об уровне реальной оперативной власти – среднем, причём таком, который давал выход одновременно на экономику («хозструктуры» ЦК КПСС и соответствующие управления КГБ, последние в данном случае не могли не столкнуться с МВД), на внешний мир (международный отдел ЦК КПСС и опять же определённые управления КГБ, которые в данном случае не могли не столкнуться с ГРУ) и на криминальную среду, в которую необходимо было заслать свою агентуру, одновременно противодействуя тому же МВД.

– Перенесёмся из 1980-х в 1930-е годы. Скажите, Андрей Ильич, когда вы рассматриваете эту эпоху, то в отличие от многих историков смело употребляете слова «террор» и «репрессии». Для большинства же из них речь идёт исключительно о борьбе с врагами народа. Для Вас в этом нет противоречия?

– Нет, противоречия не вижу. Подавление врага, тем более «пятой колонны» всегда предполагает репрессии большего или меньшего масштаба, большей или меньшей степени жёсткости. Важно, кто объект этих действий, кто субъект и какова цель. Уинстон Черчилль специально подчеркнул, что одна из причин победы СССР в Великой Отечественной войне заключается в том, что в самый канун войны была разгромлена «пятая колонна». Впрочем, добавлю я, как показала послевоенная история, не до конца.

Разумеется, сводить так называемые «сталинские репрессии» к борьбе с «пятой колонной» было бы ошибочно.

– **Почему «так называемые»?**

– Потому что послевоенная номенклатура, в том числе и та её часть, у которой, как у Хрущёва, руки были по локоть, а то и по плечи в крови, решила свалить всё на одного человека (такого в реальности не бывает), а всю сложность властных и социальных процессов свести к репрессиям, обозвав их сталинскими. Ну а шестидесятники и диссиденты эту интерпретацию радостно подхватили под аплодисменты противников СССР на Западе. В реальности 1922–1939 гг. – это время холодной гражданской войны, пришедшей на смену «горячей» и ставшей её продолжением. У этого продолжения несколько аспектов. Аспект № 1 – подавление тех групп, которые реально противостояли строительству социализма. Аспект № 2 – борьба за место под властным солнцем среди самих победителей. Два эти процесса, переплетаясь, били со страшной силой и по невиновным. Аспект № 3 – конкретная властная и социальная ситуации второй половины 1930-х годов. Сталин, стремясь расширить и укрепить социальную базу режима, попытался ввести в будущую конституцию положение об альтернативных выборах. И потерпел поражение от собственного же Политбюро – это хорошо показал в своих работах историк Юрий Жуков. Проблема, однако, не ограничивалась Политбюро. «Региональные бароны» типа Эйхе, Хрущёва, Постышева и других, понимая, чем может им грозить подобное расширение социальной базы («народ может выбрать детей помещиков, попов и капиталистов»), не просто оказали сопротивление Сталину, но развернули наступление, потребовав репрессий против «антисоветских элементов». Наступавших – «детей XVII съезда ВКП(б)» – было большинство, и если бы Сталин не отступил, то запросто сам мог бы оказаться на Лубянке. Однако вождь нашёл асимметричный ответ: в запущенную партверхушкой мясорубку репрессий он втянул саму эту верхушку; средство – ежовщина; а когда задача была решена, место Н. И. Ежова занял Л. П. Берия и началась «бериевская оттепель».

Таким образом, речь должна идти не о неких «сталинских репрессиях», а об очень сложном, многослойном, противоречивом и разноскоростном процессе социальной борьбы. Причём массовыми

были репрессии, развёрнутые «ретоными баронами», такими «стахановцами террора» как Эйхе, Хрущёв и др.; репрессии против верхушки носили ограниченно-селективный характер (по сравнению с первым пластом). Кроме социальной борьбы имела место и экономическая. Я имею в виду борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. По свидетельствам очевидцев, Сталин, присутствуя на допросах представителей партверхушки, всегда задавал им один и тот же вопрос: «Гдэ дэньги?».

– **Когда анализируешь дискуссии вокруг террора, складывается впечатление, что у потерпевших и особенно у их родственников к Сталину есть исключительно личные счёты, но никак не исторические и не общественные. И чисто по-человечески их можно понять. Но с другой стороны, стоит лишь для себя произнести одно слово с вопросительным знаком – «почему?» и картина предстаёт под совершенно другим углом зрения. Разумеется, если мы сразу отбросим в сторону глупости по поводу паранойи Сталина и т. д.**

– У разных людей разные счёты. Сейчас я много общаюсь с молодежью и могу утверждать, что в последние 5–6 лет пришло новое поколение, которое, столкнувшись в постсоветской реальности с социальной несправедливостью, незащищённостью, совершенно по-другому относится к сталинской эпохе. И в этом я вижу наглядное проявление именно общественного интереса. Не случайно в телепроекте «Имя Россия» всем было понятно, кто победил. И то, что Сталина «отодвинули», это как пел Галич: «Это рыжий все на публику». И чтобы не допустить второго прокола, телена начальники подстраховались, и в проекте о военачальниках решили ограничиться полководцами. Если бы этой оговорки не было, опять бы победил товарищ Сталин, потому что он был верховным главнокомандующим в самой главной войне нашей истории.

– **В связи с этим очень интересный вопрос. Не раз слышал от людей вашего поколения, которые открыто признавались, что их отцы, отстоявшие Победу, часто люто ненавидели Сталина...**

– Есть такое дело. За примером далеко ходить не надо. Мой отец, закончивший войну заместителем командира дивизии (дальняя

авиация) по технической части и расписавшийся на Рейхстаге, не любил Сталина. Ненависти не было, была стойкая нелюбовь, причём возникла она задолго до 1956 г., где-то в конце 1930-х (отец 1912 г. рождения), и не исчезла после Победы. Причём в этой нелюбви отец не был одинок. Другое дело, что нелюбовь эта, в отличие от истерик шестидесятников и злобного шипения диссидентов, была сдержанной и нешумной, это была нелюбовь победителей к победителю. Причём причина была не столько в репрессиях, сколько в другом. Поколение победителей хотело перемен, тем более, что послевоенная эпоха отчётливо выявила кризис сталинской структуры советской системы, её место должна была занять другая структура, и сам Сталин это понимал, хотя, скорее всего, не до конца, что вполне объяснимо: обострение отношений с Западом и осознание того факта, что, несмотря на Победу, впереди – длительная борьба с возглавляемым США коллективным Западом; приход новой эпохи, которую Сталин, будучи продуктом другого времени, понимал не до конца, возраст, перенапряжение военных лет, ухудшение здоровья – всё это делало решения вождя не всегда адекватными. Не всегда он – «верховный» правильно оценивал ситуацию – поздняя «осень патриарха». И тем не менее именно Сталин в 1951–1952 гг. заложил фундамент того, что назовут «оттепелью» и припишут Хрущёву. Однако изменения шли слишком медленно, а молодые победители спешили жить – и вступали в конфликт с системой, которая опасалась их и как молодых, и как военных, и как победителей. А кто виноват в системе со сверхперсонализированной властью? Ясно кто – персонификатор, т. е. Сталин. Так по разные стороны оказались две потенциальные силы в борьбе с партноменклатурой. Это была одна из причин, позволившая партаппарату во главе с Хрущёвым не только сохранить позиции, на которые покушался Сталин, но, во-первых, убрать конкурентов – спецслужбы, исполнительную власть, армию; во-вторых, не допустить реальной демократизации советского общества, подменив её номенклатурной либерализацией, произошедшей после XX съезда КПСС, этих «сатурналий номенклатуры».

– Что Вы конкретно имеете в виду, говоря об устранении конкурентов?

– Во главе с Хрущёвым партаппарат последовательно устранил всех системных конкурентов. Внешне это выглядело как личная борьба Хрущёва за власть, и отчасти это действительно было так. Однако главным образом это была форма, которую приняла борьба различных властных структур в СССР и – по всей вероятности – неких зарубежных структур, как государственных, так и надгосударственных, использовавших в своих интересах внутрисоветскую борьбу за власть.

В июне 1953 г. был убит Л. П. Берия; это означало, что госбезопасность в качестве конкурента партаппарата отодвинута. Падение Г. М. Маленкова в 1954 г. означало отеснение от власти такой структуры, как Совет Министров. Наконец, в 1957 г. отстраняют от должности Г. К. Жукова, и во властном офсайде оказывается армия. Всё, полная победа партаппарата, но вскоре Хрущёв понимает: теперь у него нет возможности играть на тех противоречиях, которые существовали в сталинском параллелограмме сил. И он решает провести реформу партии, поделив её на две части – «промышленно-городскую» и «сельскохозяйственно-деревенскую». Именно это стало последней каплей, и в октябре 1964 г. Хрущёв был снят в результате партзаговора. Показательно, что собравшийся в ноябре 1964 г. пленум ЦК КПСС первым делом отменил реформу партии; другое хрущёвское детище – совнархозы – как менее опасное для партаппарата было ликвидировано позже, в 1965 г.

Однако всё это 1960-е, а вот между 1956 и 1961 г. именно в правление Хрущёва произошли важные изменения, направившие вектор развития СССР в ту сторону, финалом которой стала горбачёвщина.

– О чём речь?

– Речь о решениях XX и XXII съездов КПСС. На XX съезде был провозглашён курс на мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем. По сути, в перспективе это означало постепенную интеграцию части номенклатуры в мировой рынок, в западную экономику (сырьё – прежде всего нефть, совзагранбанки, игры с драгметаллами и т. п.). На XXII съезде КПСС в новой программе партии наряду с традиционными пассажирами о строительстве коммунизма как главной задаче КПСС появился новый тезис: одна из главных задач партии – максимальное удовлетворение

растущих материальных потребностей советских граждан. Т. е. стремящаяся в западоподобный потребленческий «рай» номенклатура оформила себе социальное алиби в качестве одной из целей системы. Так в антикапиталистическую систему стали внедряться рыночные по своей сути критерии, работавшие на превращение советского человека в потребителя. И это при том, что массовый потребленческий спрос система удовлетворить не могла. В этом одна из главных причин роста теневой экономики, тесно связанной с определёнными сегментами партноменклатуры, а также КГБ, и ещё более разлагавшей общество, причём не только социальную ткань, т. е. «физику», но также мораль, целеполагание, смыслы, т. е. метафизику. Уже спустя десятилетие результаты были налицо: сформировался слой советских «лавочников», живущих главным образом на теневой стороне советского общества. Со временем тень перестанет знать своё место и станет питательной средой, почвой, навозом для будущих постсоветских олигархов, т. е. воря в особо крупных размерах. Но складывалось всё в 1970-е. Так, Леонид Филатов вспоминает, что к середине 1970-х годов публика Театра на Таганке наполовину состояла из «лавочников» – театр их высмеивал, а в зрительном зале высмеиваемый тип задавал тон.

– А те, кто их высмеивал, на следующий день шли к ним же в лавку...

– Разумеется. Шли за импортом – от сервелата, джинсов и прочего шмотья до румынской мебели и автомобилей. Кстати, «Таганка», формально высмеивая мещанство, на самом деле была по советской системе. Надо помнить из чего выросла «Таганка», кто её курировал, кто сидел в худсовете. Поддержка антисоветчины шла с самого верха, от либерально-глобалистского крыла госбезопасности и номенклатуры. Поэтому когда сегодня Юрия Любимова пытаются записать в «борцы с тоталитаризмом», ничего кроме смеха это вызвать не может. Ничего себе борец с тоталитаризмом, который сразу после попытки закрыть спектакль звонит Андропову, и спектакль разрешают. Б. Захава наотрез отказывается выпускать «Доброго человека из Сезуана», охарактеризовав его антисоветским, но спектакль выходит. Разгромная статья в «Правде» (!) по поводу спектакля «Мастер и Маргарита» – спектакль идёт. История «Таганки» как одного из составных элементов

антисоветского проекта части верхов ждёт своего исследователя – там будет немало «открытий чудных».

– **Сегодня, внимательно следя за тем, что говорят здравствующие мастера советского искусства, среди которых есть действительно выдающиеся художники, что называется, «на раз» их легко ловишь на противоречиях. Говоря о препятствиях и зажимах, буквально через запятую они сетуют на то, что не видят ничего и близко похожего из созданного в их сферах творчества за последние 25 лет...**

– Данное явление называется когнитивным диссонансом. По сути это социальная шизофрения. По тому, как те или иные мастера культуры оценивают советское прошлое, при котором большинство из них процветало, легко определить, кто есть кто, а кто был «ху», так и остался «ху». Кстати, когнитивный диссонанс – родовая черта так называемых либеральных («так называемых», поскольку к реальному либерализму, почившему в бозе в 1910-е годы, всё это не имеет отношения) СМИ, а точнее – СМРАД, т. е. средства массовой рекламы, агитации и дезинформации. Достаточно послушать, например, ненавидящих всё русское двух особ с «Эха Москвы», претендующих на рассуждения о культуре и искусстве на ТВ, или двух малообразованных, плохо воспитанных и тоже русофобствующих дам, злословивших на ТВ. Все они говорят о былом (советского времени!) творческом порыве, о духовности, существовавшей до 1991 г., сетуют по поводу нынешнего упадка культуры (привет Швыдкому и К^о) и в то же время поливают грязью советское прошлое. Так и хочется спросить: болезные, как же это получается, что в советском прошлом – духовность и культура, а в ваших замечательных (свобода!) 90-х и нулевых – бескультурие? Где логика? Ненависть мутит разум?

– **Ненависть к советскому прошлому?**

– Да. И надо понимать, что за ненавистью к советской системе скрывается ненависть к России, к русской истории, к русскости.

– **Это то, что называют «национал-предательством либералов», комплексом «пятой колонны», «неозападничеством»?**

– В целом да, но нужно уточнить термины и некоторые моменты. Далеко не всякий либерал – национал-предатель. Русские либералы XIX в. Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин предателями России не были. Западник – это не всегда либерал; примеры – В. Г. Белинский, интернационал-социалисты ленинско-троцкистского типа. Правильнее в данном контексте говорить об автофобии – будь то русофобия или советофобия; впрочем, за последней, как правило, скрывается первая. Едва ли можно увидеть корни национал-предательства и автофобии в русском западничестве середины XIX в.: от П. Я. Чаадаева до смердяковщины весьма длинная дистанция. Кроме того, те, кого сегодня в РФ именуют либералами, никакого отношения к либерализму не имеют. В своём классическом виде последний умер во втором десятилетии XX в. Так называемый неолиберализм так же похож на либерализм как Граучо Маркс на Карла Маркса. Поэтому правильнее либо брать нынешних российских либералов в кавычки, либо называть их «либерастами», поскольку их «либерализм» – это вывеска, скрывающая или оправдывающая социал-дарвинистское разграбление и разрушение страны и сокращение её населения в интересах западного капитала.

– Каковы источники нынешней автофобии?

– У автофобии, которая в конце XX – начале XXI в. приняла форму либерастического национал-предательства, несколько источников. На поверхности лежит смердяковское желание того, чтобы «умная нация» (французы, немцы и т. д.) покорила глупую (русских) в силу своего (якобы) культурно-исторического превосходства. На первый взгляд кажется, что речь идёт о цивилизационном превосходстве; на самом деле в виду имеется бытовой комфорт («сто сортов сыра и колбасы»), т. е. жизнь в соответствии с системой потребностей верхней части Запада капиталистической эпохи. При этом забывается, что в основе этого высокого уровня комфорта, часть которого в XX в. под давлением СССР стала перепадать западным «мидлам» и даже верхушке «пролов» (за что это западное быдло так никогда и не почувствовало благодарности к СССР), лежали благоприятный климат (Гольфстрим), жестокая эксплуатация своих низов и ограбление колоний и полуколоний. Поскольку в России и у России ничего этого не было, то оформившееся во второй половине XVIII в. стремление части

российских верхов жить по западной системе потребностей требовало отчуждения у низов не только прибавочного, но и необходимого продукта. Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение к народу как к «азиатам», «дикарям» и т. п. В то же время поскольку, во-первых, в России господствующие группы, в отличие от Запада, были функциональными органами власти и зависели от неё; во-вторых, эта центральная власть контролировала их и с конца XVIII в. (с Павла I) ограничивала эксплуатацию низов верхами (в своих, разумеется, интересах), а со времён Александра II ограничивала (как могла) капитал – местный и проникновение чужого, то объектом автофобии части верхов становился не только народ, но и государство, центрально-верховная власть. В таком отношении данная часть верхов совпадала с определёнными сегментами российского капитала и, конечно же, западного – с обслуживавшими его государствами Запада и хозяевами как этих государств, так и капитала – закрытыми наднациональными структурами мирового согласования и управления.

Таков вкратце и несколько спрямлённо генезис автофобии в России. Он лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер. По сути же это классовое явление, связанное с интеграцией части верхов Большой системы «Россия» в Большую систему «Капитализм» – классовые интересы требуют национально-культурной перекодировки, предатель (как в широком, так и в узком смысле) должен оправдывать предательство и себя ненавистью к объекту предательства. В случае этно-национальной инаковости ненависть может усиливаться многократно. И всё же главное – классовое. Достоевского и русские народные сказки Чубайсы ненавидят не столько по национально-культурным причинам (хотя и по ним, по-видимому, тоже), сколько по классовым.

– **Можно ли дать определение авто– (русо-, совето-) фобии?**

– Автофобия это идейно-поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом-Капиталом, но за пределами для русской системы работ; всё, что стоит на пути такой эксплуатации – государство, традиционные русские ценности, определённая численность населения – вызывает у западоидных групп ненависть и,

по их мнению, должно быть уничтожено как «отсталое», «второсортное», «мешающее прогрессу», «неоптимальное» и т. п.

Русская революция начала XX в., а затем системный антикапитализм в виде СССР, казалось, должен был покончить с этим, но удалось – в 1930–1950-е годы, т. е. в сталинский период – лишь приглушить, подавить, как оказалось – временно. Со второй половины 1950-х годов в соответствии с логикой развития системного же антикапитализма (его производственная база была такой же, как у капитализма, – индустриальной) и его системообразующего элемента – номенклатуры, с одной стороны, и постепенной интеграцией СССР в мировой рынок, с другой, началась эрозия системного антикапитализма как «системного» и как «анти-». В номенклатуре к рубежу 1960–1970-х годов сформировался небольшой, но весьма влиятельный, ориентированный на Запад слой, которому само наличие СССР, советской власти мешало превратиться в класс собственников; одно дело тайком размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки Хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу с опаской, что возьмут за задницу, и совсем другое – легализоваться в прямом и переносном смысле, демонтировав строй, который основан на отрицании частной собственности и эксплуатации. Отсюда – второе, уже антисоветское (в снятом виде оно содержит и русофобию) пришествие автофобии, тщательно камуфлируемое до поры до времени под пролетарский интернационализм, под нетерпимость к национализму (особенно русскому), ко всему «почвенному». Показательно, что будущий «прораб перестройки» А. Н. Яковлев впервые засветился статьёй-доносом, направленной против писателей-почвенников.

Так же, как вокруг автофобов эпохи позднего самодержавия сформировался целый слой обслуги (интеллигенция), у автофобов позднего реального социализма, стремившихся превратиться в собственников, сформировалась своя обслуга – так называемые «либералы»; имя им легион – аксёновы, Любимовы, Окуджавы и прочие. В виде якобы демократической фронды, «социализма с человеческим лицом» («уберите Ленина с денег») все они сознательно или полусознательно работали на слом системы – на будущих собственников и на своё превращение из квазиинтеллигенции в культур-буржуазию. Социальной базой властно-интеллигентских автофобов в

позднем СССР стал активно формировавшийся с 1970-х годов слой советских мещан, лавочников – продукт реформы Косыгина-Либермана, торговли нефтью, развития системы распределения дефицита, «теневой экономики». Подчёркиваю тесную связь советского мещанина-лавочника 1970–1980-х годов с антисоветчиками-либерастами во власти. Пунктиром эта связь наметилась уже в конце XIX в. В «Заметках о мещанстве» Горький чётко её зафиксировал: «Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов». В позднесоветское время – и во многом именно поэтому оно стало **поздним**, т. е. закатным советским – мещанство, лавочничество, социальное лабазничество стало строем души определённой части партноменклатуры и КГБ, членов их семей, особенно третьего советского поколения – (условно) внуков советской верхушки, циничных, шмоточноориентированных, ненавидящих народ и ту власть, которая пусть всё меньше, но выражала интересы простонародья. Как прав оказался Н. Бердяев, заметивший: «Самая зловещая фигура в России (советской. – А. Ф.) – это не фигура старого революционера, а фигура молодого человека, внука тех, кто делал революцию».

1991 год стал триумфом советских лавочников всех уровней и внуков тех, к кому «просто мздой, не наказаньем пришёл к ним год тридцать седьмой» (Н. Коржавин) – тех, чьи дедушки до чисток 1937–1938 гг. руководили НКВД и ГУЛАГом, и кто после 1991 г. очень хотел превратить Россию в либерально-фашистский ГУЛАГ. Тот год и последовавшая за ним ельцинщина стали триумфом тёмной стороны советского общества, тени, которая перестала знать своё место.

– **Какова, по Вашему, цель нынешних автофобов?**

– В сегодняшнем властно-экономическом раскладе постсоветские автофобы ведут дело к ликвидации России как геополитической, культурно-исторической и демографической целостности. Во-первых, в ситуации нынешнего противостояния путинского режима с Западом они рассчитывают, что с помощью Запада устранят последний, пусть слабый, но реально существующий в виде суверенитета политический и правовой барьер на пути полного и бесконтрольного расхищения-эксплуатации русских ресурсов и полного подавления русского народа как культурно-исторического типа. Во-вторых, сокрушение России

позволит этой публике спрятать в воду концы своих преступлений, за которые в случае сохранения РФ и тем более восстановления её мощи им придётся так или иначе отвечать.

Эти факторы лепят из автофобов почти абсолютных национал-предателей, ненавидящих в лице путинского режима российскую государственность, а в лице народа («ватники» и т. п.) – всё русское. Опять же по сталинской формуле – национальное по форме, классовое по содержанию.

Эта публика готова стать приказчиками-плохишами «международного сообщества», т. е. мировых ростовщиков и транснациональных корпораций, не чувствуя, что новые хозяева вышвырнут их за борт, как только осуществят пиратский захват флагмана «Россия». Впрочем, и в случае, если захвата не произойдёт, их всё равно вышвырнут – это сделает команда флагмана.

В завершение отмечу: национал-предательство постсоветской эпохи есть доведённая до логического завершения классовая и национально-культурная ненависть определённого сегмента, причем не просто чужого, а чужеродного – как по функции, так и по сути – российского общества к самому этому обществу; это ненависть раковой клетки к организму, который она использует. Вопрос лишь в средстве лечения – терапевтически или хирургически.

– Но ведь после Крыма и в ходе украинского кризиса ситуация, кажется, изменилась: с одной стороны, мы видим подъём патриотизма, державных чувств в широких слоях населения, с другой – государство взялось за тех, кто по разным направлениям ведёт против него подрывную деятельность. Достаточно вспомнить закон об «иностранных агентах», вытеснение ряда НПО, спонсировавших якобы научную, а по сути пропагандистско-идеологическую деятельность антигосударственного, антироссийского характера (если брать сферу истории, то это очернение нашего прошлого, фальсификация советского периода и т. п.).

– Да, ситуация, безусловно, изменилась. Украинский кризис выявил не только внешних, но и внутренних врагов России, а власть поняла их опасность для себя и зафиксировала свою позицию. Даже не будучи последовательной, эта позиция сильно напугала прозападную

шушеру, трущуюся вокруг определённых фондов, образовательных и медийных структур и долгое время безнаказанно и радостно поливавших грязью Россию. Однако рано или поздно испуг пройдёт, к тому же хозяева потребуют активизации. По мере развёртывания противостояния «Запад – Россия» наш геополитический противник и его союзники, а точнее поделщики в российском олигархате и истеблишменте попытаются изменить ситуацию на идейно-пропагандистском фронте, попытаются вернуть её во времена ельцинщины. Разумеется, для этого нужны новые оргструктуры, кадры.

– Но ведь если посмотреть на так называемый «либеральный клан», то с новыми кадрами там бедновато. Крутятся одни и те же люди, сказать которым нечего.

– Да, бедновато. Скорее всего, попытаются слепить нечто новое из не очень засвеченного третьего-четвёртого ряда и такого же по качеству сорта; сварганят из этого мусора – «детей грантов» западных фондов, из этих троечников зондер-команды для нового тура фальсификации нашего прошлого и настоящего. И делаться это будет под вывеской борьбы против фальсификации, против «централизации» исторического знания, за якобы «многообразие подходов», за «мультиперспективность». Только ведь все лживые очернительские схемы уже использованы, вышли в тираж, опровергнуты. Здесь у болезных получится по Мандельштаму – «давай ещё раз поговорим ни о чём». То есть о якобы «десятках миллионов жертв ГУЛага», «о кровожадном Сталине» о «палаче Берия», о «тоталитаризме от Грозного до Сталина», об «агрессивной русской имперскости». Вот всё, на что способна эта публика, импотенты они и есть импотенты. На месте их хозяев я бы им гроша ломаного не дал, но, по-видимому, других «писателей» у них нет. Вот и приходится довольствоваться «балетом безногих», как сказал бы А. А. Зиновьев.

– Ну так может никакой попытки «исправить стиль» не будет?

– Обязательно будет. Только теперь спонсором будут выступать не столько западный капитал, его структуры, включая спецслужбы, сколько приказчики западного капитала в РФ – их структуры, фонды, клубы. Коллективный Запад готовится к войне с Россией, к окончательному решению русского вопроса – как сказал Бжезинский,

Запад в XXI в. будет решать свои проблемы за счёт России и в ущерб России. Другое дело, если мы будем сильны, то агрессивные планы так и останутся на бумаге. Однако подготовка агрессии идёт и имеет не только военно-политический и экономический аспекты, но и аспект психоисторической (информационной/концептуальной/смысловой) войны. Психоисторическая война, как правило, предшествует «горячей» и всегда ведётся с помощью «пятой колонны». Поэтому Запад и прозападные силы в РФ постараются развернуть свои действия на психоисторическом фронте.

Когда-то Сталин заметил, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться, горбачёвщина доказала верность этого тезиса. Сегодня можно сказать, что по мере развития противостояния «Запад – Россия» социальная борьба у нас во всех её видах и прежде всего в идейном, концептуальном будет обостряться. Не случайно либерасты намекают на необходимость слить Новороссию и замирились с Западом на его условиях, вспоминают конвергенцию и, конечно же, перестройку. Не случайно в информполе вбрасывается идея необходимости «перестройки-2». Предатели-автофобы 1980-х годов сливаются в экстазе со своими наследниками и вместе варганят лживый манифест, приуроченный к 30-летию перестройки.

Агентура и холуи Запада опять будут пытаться убедить нас, что разрушение СССР и глобализация – «объективные процессы, а государственный суверенитет – устаревающая, если уже не устаревшая реальность; что Запад – это идеал, а Россия – отсталая страна, поскольку, например, на Западе место пидоров не у параша, а в кресле мэров крупных городов, а престарелая лесбиянка вообще претендует на президентское кресло. Нам опять будут врать про тяжёлое положение СССР в 1970–1980-е годы, объясняя это пороками социализма, а не тем, что горбачёвщина – классовый союз части советской партийной и гэбэшной номенклатуры и западного капитала – сознательно загнала страну в тупик системного кризиса. На самом деле в 1960–1970-е и даже в первой половине 1980-х годов ситуация в СССР, с одной стороны, и на Западе, в ядре капиталистической системы была весьма далека от того, о чём вещали перестройщики и о чём болтают сегодня их наследники.

– Удалось прочитать мемуары советских инженеров, которые в шестидесятые годы выезжали на Запад. Там совершенно открыто прогнозировали, что СССР при тогдашних темпах развития обгонит Штаты, но только надеялись, что это не случится до 2000 года.

– До середины, а то и до конца 1960-х годов люди на Западе, действительно, спорили не о том, догонит ли и перегонит ли СССР США, а о том, когда это произойдёт. Но, по-видимому, именно в конце 1960-х – начале 1970-х годов часть советской верхушки пошла на сделку с определённой частью западной верхушки, разменяв рывок в будущее на возможность хранить активы на Западе и жить с его хозяевами в мире. Разумеется, возможность была мнимой – очагом, нарисованном на холсте; номенклатурные буратины с их коротенькими мыслями всерьёз решили, что северо-атлантические верхушки посадят их за один стол, что они искренне обещают интегрировать СССР в западный мир, только без Средней Азии и Закавказья (так проталкивалась идея развала СССР).

Именно на рубеже 1960–1970-х годов в СССР на самом высоком уровне принимается решение об отказе от самостоятельной разработки ряда прорывных направлений в науке и технике, причём таких, в которых мы уже оставили Запад далеко позади. Обратим внимание: произошло это в очень нужный для Запада момент – когда его лидер, США, переживал худшее десятилетие в своей истории и когда Запад начал сворачивать научно-технический прогресс в большинстве сфер и мог легко оказаться на обочине истории. Именно в этот момент он получил и передышку («детант»), и отказ советской верхушки от прорывных направлений в развитии науки и техники, т. е. от будущего. Так и хочется сказать: эх, босота, отожравшаяся не свойственной ей, как сказал бы Э. Неизвестный, пищей. Советские номенклатурные «дуньки» хотели, чтобы их пустили в Европу. Их и пустили – по-пастернаковски: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом».

– Если бы мне в 1989 году сказали, в каком тотальном супермаркете я окажусь, то я бы первым убежал оттуда сломя голову. Ведь, скажем так, животное-растительной жизнью советский человек занимался исключительно в домашних условиях, но вот он

закрывал за собой дверь, выходил на улицу и там уже транслировался совершенно другой уровень информации...

– Вспомним знаменитую фразу бывшего министра образования А. Фурсенко о том, что главный порок советской школы – это её стремление подготовить человека-творца, тогда как задача нынешней (т. е. постсоветской) школы, по мнению экс-министра, – вырастить квалифицированного потребителя. Трудно сказать, чего больше в этой фразе – скудоумия, социального дебилизма или культурной маргинальности. Но это не просто фраза; это программа общественного развития, реализация которой превращает Россию в мировую помойку. По-видимому, кто-то хочет стать аристократией этой помойки, сделав главным занятием потребительство. Ради «корзины печенья и банки варенья» в награду за превращение страны в помойку для Запада его местные холуи рушат образование, медицину, в конечном счёте – социум. И дело здесь не только в злом умысле; разрушители социокультурно – маргиналы, отбросы советского общества, всплывшие в условиях смуты и поменявшие высших коммунистических начальников на заморских капиталистических. Они в принципе внекультурны и потому не способны оценить ни культуру, ни науку. И нет Сталина, который мог бы научить их этому тем или иным способом.

Именно эта социокультурная маргинальность вкупе со внезапным обогащением не позволяет основной массе так называемой «постсоветской элиты» понять реалии сегодняшнего дня и социальную природу – собственную и Запада, с которым они пытаются играть в разные игры. Эти люди всерьёз полагают, что главное в жизни – деньги и различные гламурные ипостаси последних. Так же они воспринимают Хозяев Мировой Игры – как Хозяев Денег. Им бы, болезным, почитать один из лучших, если не лучший, политических романов XX в. – «Вся королевская рать» Роберта Пенна Уоррена. Герой романа, действие которого происходит в США в 1930-е годы, губернатор Вилли Старк (его прототипом был губернатор Луизианы Хью Лонг, реальный соперник Франклина Рузвельта, убитый в 1935 г.) не раз говорит о том, что доллары имеют силу и ценность только до определённого предела, за которым смысл имеет только одно – власть.

Большая часть представителей позднесоветской и постсоветской верхушек полагали, что большие деньги откроют ей доступ в Клуб

мировых хозяев. А им вместо этого – «Уходи-ка ты домой..., да лицо своё умой». И не в том дело, что деньги ворованные, а в том, что, во-первых, не деньги – то единственное, что определяет доступ в Клуб; во-вторых, в Клуб этот чужаков не принимают. Чтобы стать своим, надо иметь определённое происхождение и принадлежать к западному миру и его закрытым структурам в течение нескольких поколений. С этой точки зрения ясно, насколько наивны представления той части нынешней элиты, которая рассчитывает – после сирийского и украинского кризисов – замирииться с Западом, полагая, что это временные проблемы, связанные с борьбой за активы. Не в активах дело – будешь так думать, отымеют как пассива. Наше противостояние с Западом носит не гешефтно-денежный, а метафизический характер – «Мы для них чужие навсегда», как пел Вертинский. Но маргиналам, со скачущими перед глазами цифрами долларов, этого не понять: рождённый ползать летать не может. Аристотель с его «физика, бойся метафизики!» был прав. Да разве его услышат... Впрочем, «физикализация» наших верхов началась не в 1991 г., а значительно раньше, в 1960-е. Горбачёв и Ельцин – близкая к финишу стадия этого процесса, стадия метастазирования властно-социального организма под названием «СССР».

– Задам вопрос о Ельцине. Если на словоблудие Горбачёва ещё можно было повестись, поскольку в прямом эфире тогда оно казалось чутьли не новым словом в истории, то хорошо помню, как у меня, вчерашнего школьника, было инстинктивное отторжение к фигуре Ельцина и поражала реакция на него людей старшего поколения. Ведь элементарно на слух, по одному звукоряду можно было понять, кто перед нами. Как тогда Вы воспринимали фигуру Ельцина?

– У меня произошло наоборот. Горбачёва с самого начала я воспринимал как малограмотного болтуна-фуфлогона – достаточно вспомнить глупую улыбку, пустые глаза и перманентный словесный понос. Ельцина первое время я воспринимал на фоне Горбачёва и по контрасту с ним. В отличие от Горбачёва у Ельцина всё же была самость, но самость звериная, нередко дурная-самодурная и это выявилось довольно быстро. Горбачёва и Ельцина объединяет одно – готовность выхолуиваться перед начальством. Сначала это были

вышестоящие партийные начальники и гэбэшные кураторы, затем – заокеанские президенты и их советники. Горбачёв и Ельцин – классический пример продуктов разложения партноменклатуры, системы. И не случайно именно эту гниль цепанули корпоратократы – советские и западные. Помните, как у Булгакова: Воланд и К^о властны только над теми, кто тронут социальной гнилью. Пока правящий слой РФ не даст моральную и политико-правовую оценку горбачёвщине и ельцинщине как предательству национальных интересов, пятно этих явлений будет продолжать омрачать нашу жизнь.

– **Есть известное изречение Петра I о том, что мы должны взять от Запада всё лучшее и повернуться к нему задом. Скажем так, что-то на данном этапе пришлось ко двору – сфера услуг, сервис, быт. Не настало ли время для решительного претворения в жизнь второй части петровского тезиса? В принципе, Президент такую решимость демонстрирует давно...**

– Этой решимости явно не хватает последовательности. Но это субъективный аспект дела. Ещё более серьёзен объективный, а точнее системный. За последнюю четверть века у нас сформировались целые социальные и профессиональные группы или даже слои, паразитирующие на том типе компрадорских отношений с Западом, который возник в период ельцинщины и окончательные очертания принял в первое десятилетие XXI века. Причём слои и группы не только в экономике, но и в том, что выполняет у нас функцию политики, а также в СМРАД, в шоу-бизнесе. Даже в обществоведческой науке возникли группы, специализирующиеся на пересказе-трансляции западных схем и навязывании их нашей реальности. В целом ряде учебных заведений эти компрадоры, «плохиши» от науки, задают тон, загаживая мозги студентам и подготавливая окончательную интеллектуальную капитуляцию нашего общества перед Западом. По сути, эти люди дистанционно уже обслуживают транснациональные корпорации. Показательна их реакция на Крым, на украинский кризис – два эти события стали лакмусовой бумажкой, выявившей «пятую колонну» в самых разных сферах. Иными словами, в нашем социуме оформился сегмент «чужих», нормальное функционирование которого требует разрушения нашего социума, наших традиционных ценностей, норм, нашей этики и эстетики, требует расчленения страны и

установления политико-правового решения, нельзя позволить социальному раку распространять свои метастазы. Вот это и будет реализацией тезиса Петра I.

– Сегодня гражданин РФ окружён таким количеством бумажно-формальных обязательств в виде анкет, страховок, полисов, собеседований, что недавняя его жизнь покажется просто верхом свободы. Надо выстраивать отношения и соблюдать «этикет» там, где вчера бы ты сходу, грубо говоря, бил в морду. По выражению А. Панарина, вся нация находится под подозрением, то есть большинство её живёт на правах квартирантов в собственном доме. Сверхактуализация профессий юриста и особенно адвоката, целая отрасль услуг «психологов», где через одного тебя встречают желторотые юнцы, а то и просто тёмные личности. Ведь раньше все ответы мне могла дать и давала литература. Как русская, так и мировая. Хороший текст и выслушает тебя и придёт на помощь. Это к вопросу о понимании степени важности преподавания литературы с молодых ногтей товарищем Сталиным. Трудно себе представить, чтобы я за деньги стал доверять непонятно кому решение своих проблем. Понятно, что такая всеобщая калькуляция отношений противна для русского человека. Можно себе представить, что стало бы, если бы в дикой природе животные вдруг начали калькулировать свою жизнь. Ведь фактически сегодня наш социум отчасти отражает эту фантастическую картинку. Если Вы пишете, что сегодня суперэлита мира для самосохранения надеется с 5–6% сократиться до 2–3%, то и она понимает свой невесёлый финал. Вообще, Андрей Ильич, насколько хорошо капитализм знает сам себя, так сказать, изнутри? Ведь он фактически постоянно сталкивается с вызовами, которые сам и провоцирует.

– В этом вопросе сразу несколько важных тем. По порядку. Первое. Нынешний – постсоветский – человек действительно находится под значительно более плотным контролем, чем советский человек. Жёсткий советский контроль, который сильно размягчился уже в 1960-е годы (да и раньше жёстким был скорее внешне – его не сравнить с железной хваткой контроля при капитализме), можно было обмануть. Разумеется, и сегодня можно сработать по схеме «а бумажечку твою я

махорочкой набью», но это сложнее. Человеку всё больше противостоит бездушная квазизападная машина с привкусом российского хамства. В этих условиях наши юристы, адвокаты, психологи – в той же мере не те, кем называются, что и рынок – не рынок. Лица этих профессий выполняют в нашей реальности, в этом самовоспроизводящемся процессе разложения позднесоветского общества совсем иные функции, чем их коллеги на Западе.

Второе. Да, мы литературоцентричная страна, и отмена сочинений в нашей школе – культурно-психологическая диверсия. Сегодня сочинение возвращается, но последствия разрыва сразу устранить не удастся.

Третье. Есть классовый барьер восприятия реальности, в том числе и у буржуинов. В то же время в капиталистической системе два контура не только власти, но и знания. Есть «наука» – история, социология, политология и т. д. – для профанов, ей профессора-филистеры обучают будущих социальных лохов в университетах. Я называю эту науку профессорско-профанной, именно она хлынула к нам в 1990-е годы. Именно её транслируют постсоветские компрадоры от науки, пересказывая чужие (т. е. выражающие чужой классовый, геополитический и цивилизационный интерес) теории и пытаюсь навязать нашей реальности. Этот интеллектуальный онанизм не так безвреден, как это может показаться на первый взгляд. Всё это внешний контур. Но есть внутренний контур знания – «наука для своих», скрытое знание о природе, о мире, об обществе, его реальных субъектах и закономерностях развития – всё это наука внешнего контура, профессорско-профанная, которая должна отрицать не только значение, но само существование того, чем занимается «наука второго контура» – её представителям и за это деньги платят.

Четвёртое. Капитализм не может не провоцировать те проблемы, с которыми сталкивается. Реальность сегодняшнего дня такова, что он, а точнее его хозяева перестали справляться с этими проблемами и контролировать их. И это их уязвимое место, которое историческая Россия должна использовать, расквитавшись за 1991 год.

– Андрей Ильич, Вы, пожалуй, сегодня единственный публицист, который рассматривает социальные катаклизмы в неразрывной связи с теми процессами, которые происходят в

культуре. Для Вас, как Вы заметили, сегодня это пространство напоминает зону питекантропов. Елена Камбурова точно подметила, что если бы за спиной была пустыня, то особых вопросов тогда бы не возникало. Но когда буквально вчера твоя жизнь была наполнена совсем другими звуками и красками, то тебе вдвойне труднее понять, как быстро такое падение могло произойти.

– Ответ прост: это не вполне естественный процесс, это процесс направляемый. Насыщенное советское прошлое нам пытаются представить пустыней, пустотой. А как только начинают пытаться с ним тягаться, получается неприличный звук. Достаточно посмотреть ремейки «Иронии судьбы» и «Джентльменов удачи» – ведь убожество. Достаточно сравнить советскую эстраду с нынешней как по качеству музыки, так и по качеству исполнителей, всё становится ясно: двоечники (в лучшем случае троечники), бездари и дельцы на марше.

– Действительно, даже лёгкие жанры советской музыки превратились сегодня просто в недостижимые вершины. В итоге повсеместным имеем – пришло время называть вещи своими именами – смесь дремучего шоу-бизнеса во главе с Игорем Крутым, у которого нет ни одной мелодии и которого современный русский композитор Владимир Мартынов, и далеко не он один, называет в лучшем случае менестрелем, но никак не композитором, с художественной самодеятельностью. Причем самодеятельностью самого низкого пошиба. По сути, такие, как Крутой и Ко, оккупировали территории, им не принадлежащие.

– А чего можно ожидать от гешефтмахеров и дельцов – даже очень крутых? Куда им до уровня Дунаевского-старшего и Бабаджаняна, Петрова и Крылатова, Зацепина и Паулса?! Вообще популярная музыка – это важнейший социальный индикатор, показатель здоровья или нездоровья общества. Мой отец, молодость которого пришлась на 1930-е, на мой вопрос о тех годах ответил так: «Слушай музыку того времени. В атмосфере страха такая музыка невозможна». И это при том, что отец был критиком Сталина и его системы и уже в конце 1930-х знал многое из того, о чём большинство узнало лишь после 1956 г. Действительно, трудно представить, что «Широка страна моя родная» написана и – самое главное – принята народом как своя, кровная в

атмосфере страха. И, с другой стороны, какова же должна быть общественная атмосфера, породившая песни 90-х и нулевых про «кусочки колбаски» и «юбочки из плюша»? Да, есть исключения – например, мужская группа «Любэ». Но это нередко на фоне педерастической моды и тотальной имитации.

– Следующий мой вопрос принципиален для меня как зрителя, читателя и слушателя. Первое – это то, что искусство сегодня не становится частью моей (и, думаю, не только моей) биографии. Свою жизнь до 1990 года я могу рассказать по событиям, абсолютно не касаясь личной биографии, год – книга, год – кинофильм, год – музыкальная премьера... А за последние 25 лет мне по большому счёту нечего вспомнить из того, что останется со мной. И ещё: трудно представить жизнь сегодняшних «мегасуперпуперзвёзд», которая оформится во времени в книгу. Я точно знаю, что лет через двадцать не куплю биографию, скажем, Евгения Миронова, при том что ему не откажешь в таланте, так как я готов был отдать последние три рубля за книжку об Алисе Фрейндлих. Нет ни национальных событий, ни, следовательно, национальных явлений. Ведь даже такие уважаемые имена, уже кстати не совсем молодых людей как Нетребко, Цискаридзе, Мацуев... – это то, что связано исключительно с классическим искусством. Мало того, что не видно творческого напряжения, за что я прежде всего платил деньги, покупая билет на концерт или пластинку в советское время. Было инстинктивное чувство, что без этого запала и горения не было бы никаких билетов и никаких пластинок... Сегодня – не просто ноль градусов, но минус пятьдесят по Цельсию! Как мало надо времени, чтобы люди променяли творчество на купюры. Опять-таки, испытываешь состояние ступора от того, на что раньше бы брезгливо поморщился, а теперь это дорого продаётся. И что окончательно добывает – оно покупается! Странный двадцатый век ставил запредельные задачи, чтобы через сорок-пятьдесят лет оставить художника исключительно перед искушением и соблазнами. Точно сбылось пророчество Энди Уорхола, что в XXI веке каждый будет знаменит 15 минут. Да, после 1991 года не стало соревнования,

важного в культуре, так же, как и в экономике и в политике. Только ли это сыграло свою роль, ещё раньше?

– Дело, конечно же, не только в соревновании. Речь должна идти об общей деградации культуры и искусства – сначала на Западе, а в 1990-е годы этот процесс и до нас добрался. А здесь его *углубили* и расширили персонажи – продукты разложения советской системы, вся эта культур-буржуазия, ненавидевшая народ, советский строй и готовая шестерить перед новыми хозяевами, старательно не обращая внимания на сильный криминальный душок. В результате на экраны ТВ, сцены театров (даже очень Больших), на страницы газет вылезли экскременты советской системы, то, что эта система, даже в ослабленном своём состоянии, не пускала на свет, а ныне крысы вырвались из подполья, и необходим Дудочник, который уведёт их куда следует. Ничтожество Уорхол оказался прав не только для Запада, но и для западоподобной части России.

О каком творческом запале можно говорить в условиях, когда доминанта – бабло: «Сатана там правит бал». Причём условия эти лишь отчасти носят стихийный характер, ведь рынок – это не самостоятельная сила, да и нет никакого рынка. Есть диктат заинтересованных групп, закамуфлированный под рынок. Вот и получается, что функцию литературы начинает выполнять антилитература (акунины-донцовы), культуры – антикультура (от «Дом-2» до версии «Руслана и Людмилы» в «режиссуре» Д. Чернякова); о кино, эстраде и театре я вообще не говорю. Короче говоря, тень перестала знать своё место, на марше «живые мертвецы», симулякры.

– Так называемыми симулякрами наш социум пронизан повсеместно. В общественной жизни, политике, которая превратилась в разновидность шоу, спорте, СМИ... Тонны периодической макулатуры, которая не решает никаких задач, лишь иногда обозначает проблему. И то в лучшем случае. Кстати, Вы пишете о резкой деградации научно-популярной периодики. Такой междусобойчик во всех сферах. Как мудро заметил Ю. Мухин, футбол существует исключительно для одной цели – доставить удовольствие болельщику. Всё! А вся эта атрибутика,

гонорары, контракты, франшизы, меня не должны волновать абсолютно.

– К сожалению, футбол, хоккей и вообще большой спорт у нас уже четверть века как минимум существуют в качестве бизнеса, а также шоу, отвлекающего от насущных вопросов жизни. На Западе этот процесс стартовал на рубеже 1920–1930-х годов. Об Англии того времени Дж. Оруэлл заметил, что если бы не пабы, радио и футбол, то в стране могла бы произойти революция. Лет 35–40 назад на Западе произошла полная «бизнесизация» спорта. И кино – последнее как искусство почти закончилось, достаточно сравнить американское и французское кино 1950–1970-х годов с тем, что пришло позже. То же у нас: кино 1950–1970-х годов и нынешнее. Страсть к ремейкам ведь не случайна – хочется настоящего, есть тяга, но нет потенции, большие деньги на неё плохо влияют, а местечковым междусобойчиком, как ни пыжусь, настоящее искусство не заменишь. Параллельно с «бизнесизацией» развивается криминализация спорта и кино. Во что мафии вкладывают средства? Чего стоит одна лишь история попытки второй половины 1990-х – начала нулевых годов создать европейскую футбольную суперлигу как суперсредство отмыва наркоденег. Ну и, наконец, необходимо сказать о нарастающей роли мракобесия и оккультизма, которые проникают даже в научную среду, в сферу научно-популярной деятельности и литературы. Несколько лет назад, участвуя в чтениях памяти одного замечательного советского астронома, я был поражён тем, что среди докладов были таковые на оккультные темы, а в перерыве в фойе большой спрос оказался на бюллетень самиздатовского типа «Потусторонние новости».

Всё это – показатель кризиса, разрухи в головах.

– Но ведь, например, 1920-е годы тоже были кризисом, а ситуация была совершенно иной. Вы определяете «длинные двадцатые годы» (1914–1933) как феномен в искусстве и общественной мысли прошлого века. Переваривать пришлось ещё долго... Сегодня же, например, вновь открывая для себя подзабытые кладовые советской поэзии, испытываешь опять же чувство сравнимое с потрясением: стихи В. Луговского, Н. Асеева... выглядят просто образцами и шедеврами (такими и останутся!) на фоне сегодняшнего шума, где уже не до поэзии. Что

интересно, все они становились творчески зрелыми в молодые, даже юные годы. Они начинали в те же 1920-е и почти сразу стартовали как мастера. И ещё – какая внутренняя, просто искрящаяся свобода! Какая там цензура... Ради такой редакции (опять нам пытаются выдать одно за другое!) и качества я готов сегодня дорого заплатить. А зрелость лиц. Кстати, ту же эволюцию советского, скажем, артиста, я мог проследить или хотя бы почувствовать просто по биографическим фотопортретам, даже не по киноролям и спектаклям. Я не встречал в старых подшивках газет и журналов ни одной фотографии, где бы советские звёзды позировали. Это всегда взгляд исключительно внутрь себя, сквозь объектив. И попадая во внутрь библиотечного фонда недавнего прошлого, чувствуешь себя жителем другой планеты. И это не ностальгия, про которую мне кричат в оба уха. Просто кожей чувствуешь, что воруют не у тебя, а воруют тебя самого. На Ваш взгляд, настоящая оценка советского проекта ещё ждёт своего часа? Хотя Вы говорите, что реставрировать ничего нельзя, но ведь можно не уходя далеко, взять с собой самую суть?

– Кризис кризису рознь. «Длинные двадцатые» были структурным кризисом капитализма, из которого он вышел обновлённым. То был кризис обновления. Кризис конца XX – начала XXI века – системный, за ним у капитализма никакого обновления. Всё, занавес. И Россия с разрушением СССР в полной мере в этот кризис вползла: «язычник, чахнувший от язв христианства» – так К. Маркс определял подобного рода ситуации.

«Длинные двадцатые» были творческим взрывом – социальным, культурным, научным. Джойс, Пруст, Т. Манн, Кафка, Фолкнер, Хемингуэй, Ремарк, Фейхтвангер, Голсуорси на Западе; Андрей Платонов, Шолохов, Есенин, Маяковский и многие другие у нас. Поразительные достижения в науке о природе, в обществоведении, в структурах повседневности. Что изобретено за последние 60 лет – только компьютер, интернет, мобильный телефон – и всё. За последние 60 лет, т. е. с тех пор, когда совпартноменклатура в союзе с западными буржуинами сорвала попытку прорыва в реальное посткапиталистическое (а не просто антикапиталистическое как в СССР) будущее на основе достижений таких блестящих учёных как В. М. Глушков и И. С. Филимоненко. Наступил откат – эпоха «коротких

мыслей», как говорил Папа Карло, – за которым маячит новое темновековье.

...О том, что советские звёзды не позировали. Начать с того, что выдающиеся советские актёры и певцы не называли себя звёздами, да и на фотографиях смотрелись не позёрами. Позёрство – способ существования бездарей и самозванцев, главная цель которых не самореализация (реализовать нечего), а погоня за деньгами и славой.

– Мир так устроен, что всегда будут люди, которым нужно чуть больше денег, чуть больше комфорта и удовольствий. Понятно, что сегодня в России рынок не рынок, капитализм не капитализм... Кстати, сегодня известно, что Сталин в начале 1950-х годов, когда страна уже восстанавливалась, повсеместно вводил формы поощрения за рост производства – так называемый метод повышения эффективности (МПЭ), и как следствие – резкий рост в те годы артелей и частных производителей. Насколько возможно учесть интересы всех и какая степень и форма частной собственности возможна в России, если, конечно, она возможна вообще?

– Вы правы: у нас нет ни рынка, ни капитализма. У нас процесс первоначального накопления (т. е. передел собственности) постоянно подсекает капиталистическое накопление. Я рад, что Вы вспомнили МПЭ; этот факт лишний раз свидетельствует о том, что Сталин был великолепным социальным инженером. Что касается частной собственности, то в России на протяжении почти всей её истории частной собственности либо не было, либо она не работала, либо приобретала главным образом уродливые формы как в конце XIX – начале XX и в конце XX – начале XXI вв. Вообще нужно сказать, что частная собственность – довольно редкое явление. Оно возникает с разложением западноевропейского феодализма (собственно, никакого другого и не было) и расцветает при капитализме. Азиатские (Китай, Индия, мир ислама) и античные социумы частной собственности по сути не знали – природно-хозяйственные и исторические условия такого типа собственности не требовали. Более того, как и ростовщичество, этот тип собственности нёс им смертельную угрозу. Недаром частная собственность на Западе развивается как элемент «цивилизации ссудного процента». Но даже на Западе, если брать

верхушку мирового капиталистического класса, деньги определяют далеко не всё – на определённом уровне физические деньги превращаются в метафизическую, нередко оккультную (но не религиозную!) власть. Последняя в качестве второго контура как бы вынесена за рамки системы – по принципу злого духа из «Шах-Намэ» Фирдоуси: «Я здесь и не здесь».

Россия в плане развития частной собственности (не путать с семейно-обособленной) относится к мейнстриму планетарного развития, а не к западному (капиталистическому) «выверту-извращению». Относительно невеликий по объёму совокупный общественный продукт (результат хозяйственной деятельности русских в зоне рискованного земледелия евразийского неудобья), огромные пространства (транспортные издержки), постоянные войны на три стороны света – всё это делало собственность (не частную собственность, а собственность вообще) в русской системе жизни вторичной, производной, функциональной по отношению к власти. А само общество приобретало служебно-служивый характер. Развитие в таком типе социума частной собственности, не говоря уже о капитализме, есть показатель не прогресса, а регресса и упадка. Что и происходило у нас в конце XIX – начале XX в. При том, что частнособственнический слой позднесамодержавной (пореформенной) России был невелик, этого вполне хватало для нарастания кризиса. Ведь жил этот слой по потребностям верхушек буржуазного Запада с его индустриальной и мощной аграрной основой, а не по потребностям, которые могла удовлетворить русская система хозяйства. Западоидность российской верхушки может обеспечиваться только одним – усилением эксплуатации и разорением основной массы населения, что и повторилось в 1990-е – привет позднему самодержавию. Частная собственность и капитализм в России и для России – это всегда показатель серьёзной социальной болезни.

Показательно ещё одно: сегодня частная собственность постепенно отмирает – вместе с капитализмом – на самом Западе, на её место приходит корпоративная и иные формы нечастной собственности.

– Время ли сейчас для манифестов в искусстве?

– Едва ли. Манифесты – не заказная вещь, а веление времени. Манифесты – это победный клич новых социальных сил, социальная гниль на это неспособна. Впрочем, история тем и хороша, что ситуации в ней нередко меняются стремительно.

– В книге «Холодный восточный ветер Русской весны» Вы пишете, что нам предстоит пережить трудные, возможно, даже кровавые ближайшие 10–15 лет. Можно ли провести прямую линию опричнины Грозный – Сталин, которую вы исследуете, к Путину?

– Нет. Путин не демонстрирует не только опричнину, но даже волю или склонность к ней. Пока что линия «Грозный – Сталин» заканчивается на Сталине; его, как и Ивана Грозного, характеризует определённость позиции. В то же время разрешить главное противоречие путинского курса – между противостоянием с Западом, нежеланием медведя отдать кому-либо свою тайгу, с одной стороны, и продолжением чубайсовско-кудринской вариации неолиберальной экономической политики, с другой – невозможно без чего-то похожего на (нео)опричнину. Экономическая политика последней четверти века сделала постсоветскую Россию типологически весьма похожей на царскую Россию начала XX в. (социальная поляризация, сырьевая специализация, слабая социальная база власти), опасно похожей, я бы сказал.

– Стоит сравнить видеокadres Президента, скажем 2001 года и года 2013-го, и мы увидим, что перед нами два разных человека. Невероятный, колоссальный прогресс политика...

– Да, Путин прибавил – жизнь заставила. О нём можно сказать словами Николая Заболоцкого: «Как мир меняется! / И как я сам меняюсь! Лишь именем одним я называюсь». Путин выглядит существенно сильнее западных так называемых «лидеров», которые на самом деле всего лишь высокопоставленные клерки-марионетки, пляшущие под дудку своих хозяев. Но ведь сила Запада не в этих марионетках и даже не столько в экономической мощи, сколько в организованном в два контура власти – закрытый и открытый – правящем политико-экономическом слое коллективного Запада. При всех противоречиях его кланов, его двух основных сегментов – англо-

американского, спаянного, помимо прочего, еврейским капиталом, и немецко-североитальянского, завязанного на Ватикан – это единое целое с по сути общей взаимопереплетённой собственностью, которую контролирует ограниченное число семей, корпораций и фондов. Эти люди действуют не по принципу «нравится – не нравится», а раз так, то стараться понравиться им бесполезно, они признают только силу, поэтому до сих пор их так пугает Сталин, этот испуг дорогого стоит, он – высшая форма признания и высокой оценки на Западе всего, что относится к России.

– У России есть сегодня реальные союзники?

– Тактические, возможно, есть. Стратегических и тем более метафизических нет. Да нам и не надо. Будем сильными – сами справимся, а слабых сами же союзники (или, как их называют сегодня, «партнёры») и сожрут, предварительно ударив ножом в спину. Длительные союзы возможны лишь на основе комбинации экономических интересов, цивилизационного сходства и этнического родства. Как, например, британско-американский союз при всех его противоречиях, которые в 1930-е годы стали главной причиной Второй мировой войны, – сегодня этот факт активно затушёвывается, всё внимание фокусируется на Третьем рейхе и СССР.

– То есть для успешного союза важен фактор крови?

– Не всегда, но нередко. Не случайно, что именно англосаксы, прежде всего британцы, разработали в конце XIX – начале XX в. основные расово-евгенические теории, которые на практике реализовали нацисты в Третьем рейхе. Так же, как когда-то на рубеже XVII–XVIII вв. английская/ британская элита разработала геокультурный вирус, психооружие под названием «Просвещение» и сбросила его во Францию. Сбросила для того, чтобы идейно подорвать Францию, духовно обезоружить её правящую элиту в борьбе с Великобританией, размягчить и опрокинуть – что и произошло в конце XVIII в.

У немецкого нацизма не только германские, но общеевропейские, особенно британские корни (достаточно почитать, кроме учёных, таких авторов, как Киплинг и Уэллс с его «новым мировым порядком» и «открытым заговором»). И в этом плане поднимающая голову

реабилитация нацизма сегодня на Западе – явление не случайное, достаточно посмотреть, что делалось в Европе в 1920–1930-е годы, какие в основном режимы были у власти. Да и нынешний Евросоюз ведь шит по лекалам гитлеровского евросоюза. Именно распространённый на большую часть Европы Третий рейх во многом стал моделью нынешнего Евросоюза, как бы ни пытались это отрицать его создатели. Я уже не говорю о роли немцев в создании и развитии ЕС.

– Первая мировая война и сегодняшний день – есть ли здесь прямые или косвенные параллели?

– Прямых параллелей нет. Косвенные есть, особенно если вспомнить, что Первая мировая война была организована глобалистами по обе стороны Атлантики для того, чтобы сокрушить четыре империи – одну евразийскую, две европейские и одну азиатскую. Причём сделать так, чтобы евразийская и европейские империи сцепились в смертельной схватке. Главной задачей войны было уничтожение англосаксами Германии и России силами самих же этих государств. До конца не вышло, и понадобилась Вторая мировая война, в которой США преследовали цель не только уничтожения Германии, но и разрушения Британской империи, что и было сделано. Что касается нынешней ситуации, то при всей поверхностности исторических аналогий она напоминает мне ту, что сложилась в канун Крымской войны в середине XIX в., когда Россия стала объектом агрессии коллективного Запада; в роли провокатора выступала Османская империя, сегодня эта роль отводится укронацистской своре, засевшей в Киеве. Ясно также, почему украинский кризис случился именно сейчас. Три года назад Дж. Фридман, организатор и первый руководитель «Стратфора», известного как «частное ЦРУ», заявил: как только Россия начнёт подниматься, она получит кризис, и этот кризис произойдёт на Украине, поскольку ни один американский президент не может позволить себе спокойно взирать на восстановление Россией утраченных позиций.

– Известная фраза Клинтона: «Мы позволим России быть, но мы не позволим быть ей сильной...»

– Да, это было сказано в 1995 г. о дышащей на ладан ельцинской «Россиянин». Однако события стали развиваться иначе. Это стало ясно и по войне 08.08.08, и по тому, что Путин пошёл на третий срок, и по сирийскому кризису. В ответ империя – США – нанесла ответный удар. На Украине.

С учётом острого экономического кризиса США и Евросоюза понятно, что у коллективного Запада не более 3–5–7 лет на окончательное решение русского вопроса. Именно эти годы станут для нас решающими. Интересную статью написал не так давно суперспекулянт Сорос. В ней он потребовал от Европы срочно помочь Украине, дав ей 24 млрд. долл., подчёркивая, что поражение Украины будет означать конец Евросоюза, поскольку его недавние новые члены, такие, например, как Чехия, постепенно будут разворачиваться в сторону Евразийского союза, и в итоге не исключено создание социалистического блока новой формации.

Кстати, Киссинджер оказался прав, говоря о том, что не надо сильно давить на Сирию, иначе есть риск потерять все завоевания последних двадцати с лишним лет. События на Украине полностью подтвердили его опасения. Для Запада это настоящее поражение за последнюю четверть века. Очень важно, что последний год оказался годом победы государственных СМИ над «пятоколонными». По сути остались маргиналы эхолождевого типа и кучкующаяся вокруг них публика определённого сорта. Заявления персонажей типа Акунина и Троицкого, что нужно валить из России, тоже о многом говорят. Такие, как они, понимают, что ничего хорошего их здесь не ждёт, и это радует.

– Два года назад Вы написали статью о негласном создании в Германии Пятого рейха. Что происходит сегодня?

– Парадокс: у немцев, точнее у нацистов, получилось с Четвёртым рейхом. Эта глобальная сетевая структура, ставшая важным элементом мирового национал-социалистического интернационала (ею же порождённого), немало сделала и для обострения советско-американских отношений в различных регионах мира, и для объединения Германии, и для многого другого. Однако главное препятствие на пути создания Пятого рейха – человеческий материал сегодняшней Германии. Если 40 % немецких мужчин, согласно

опросам, хотят быть домохозяйками, то какой Пятый рейх. Это не Fünfte Reich, а Dreckreich и больше ничего.

Нужно сказать, что за послевоенные 70 лет англо-американцы достигли больших успехов в том, что Черчилль в 1940 г. провозгласил как борьбу с немецким духом (= духом Шиллера), чтобы тот никогда не возродился. В течение 70 лет после 1945 г. англосаксы занимались в Германии социальной инженерией, стремясь духовно, интеллектуально кастрировать немцев; 70 лет они готовили проанглосаксонскую немецкую элиту, лепя её из модифицированных на англосаксонский лад немцев, и добились в этом значительных успехов. Так что перспективы Пятого рейха довольно туманны. Многое будет зависеть от позиции немецко-итальянской («гвельфской») аристократии и Ватикана – от того, как они будут строить свои отношения с англосаксами, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой. Здесь могут сыграть свою роль хитрые «завязки» 1930–1960-х годов, весьма неожиданные для неискущённого наблюдателя, могут странным образом возвратиться острые противоречия между социалистами глобалистско/универсалистского и национал/имперского типа.

– Вы ввели термин «корпорация-государство». Западная элита стремится к своей конечной цели в борьбе за мировое господство, под которой подразумевается размывание мировых границ и самое главное – это исчезновение национальных государств. И эта яма уже вырыта достаточно глубоко. Судя по развитию этого сценария и Вашим выводам, наша цивилизация может оказаться на пороге окончательного краха. Это конец всему...

– Это, прежде всего, конец капитализму. Поскольку европейская цивилизация, тесно связанная с капитализмом, но им же и его хозяевами и подорванная, неспособна сохранить свою идентичность – историческую, социокультурную, религиозную, расовую, – то колокол звонит и по ней. Парадокс, но последним оплотом европеизма и христианства в Европе (Евразии) остаётся Россия. Даже в своём раздолбанном состоянии это более здоровое общество, чем США или Западная Европа. Я жил в США и во Франции, бывал и бываю в Великобритании и Германии, свидетельствую: это больные общества с ярко выраженной волей к цивилизационной смерти. Закат Европы в Лунку Истории состоялся. Но ошибаются и те, кто рассчитывает на

приход светлого будущего с Востока – из Китая, Японии, Индии. Это всё те же очаги глобального человекизма, для которых характерны жесточайший социальный контроль, растворённость индивида в социуме и – часто – отсутствие социальной справедливости. Экономический рывок этих гигантов связан с жесточайшей эксплуатацией низов верхами, небывалым ростом социально-экономического неравенства; так что не надо бросаться из одной крайности в другую, превознося олигархические же страны БРИКС и мифологизируя Восток – и якобы капиталистический (Япония) и якобы социалистический (Китай). Вместо капитализма и социализма там свои системы – китайская, японская, индийская. Они не менее чужды нам, русским европейцам, чем западная капиталистическая, уже почти убившая Европу и европейскость.

Что же касается ямы, которую роет мировая верхушка, то в соответствии с тем, что Гегель называл «коварством истории», у неё все шансы туда попасть, особенно если ей помочь.

– Вы должны быть очень неудобным историком и публицистом для многих ваших коллег и уж тем более для оппонентов. С другой стороны, Вы везде – Америка, Европа, Япония, Индия. И в то же время Селигер, Питер, Сибирь, Крым. Скажите, Андрей Ильич, Вас боятся или этим товарищам просто нечего вам ответить?

– Мне трудно судить. Бояться меня вряд ли есть причины. Что касается критики, то дело в следующем: то, о чём я пишу, представляет собой цельную систему как методологически, так и содержательно. Нельзя выхватить один сегмент и подвергнуть его критике, цеплять нужно систему в целом – метод, логику, факты. Свою систему я разрабатывал с середины 1980-х годов, она неплохо структурирована и эшелонирована, хотя, как любая интеллектуальная система, не лишена противоречий и недостатков, над устранением которых я работаю. Кстати, конструктивная внешняя критика – огромное подспорье в такой работе, но подобного рода критика – большая редкость, поскольку требует освоения потенциальным критиком твоей системы – а это труд, причём безденежный. А вообще нужно не думать о своём удобстве или неудобстве для оппонентов, а двигаться своим путём и получать удовольствие – от него и от жизни. Точнее, наоборот – от жизни и от пути: как говорили древние, *Primum vivere, deinde philosophari*

(«прежде жить, а уж затем философствовать»). Кстати, чтобы философствовать, надо знать жизнь. К сожалению, немало научных «трудов» не имеют никакого отношения к реальной жизни – так, игра в бисер, забавы взрослых шалунов, мышиная возня грантоедов, пересказ оторванных от жизни теорий и подмена ими реальности. Короче говоря, околоринтеллектуальный, околоразумный онанизм.

– И последний вопрос. Книжки издаются, Ваши работы в периодике появляются регулярно, плюс Интернет. Вы говорите очевидные вещи, идеи просты и понятны, бери и пользуйся. Удивляет, что нет реакции, как говорится, с самого верха. На этот же вопрос С. Г. Кара-Мурза мне ответил предельно коротко и ясно: «Им не до этого».

– Дело не только в этом. В любой системе существует классовый барьер, предел адекватного восприятия реальности. Чем больше та или иная теория или просто работа задевает классовый интерес, тем меньше её слышат, эта информация либо отбрасывается, либо просто не воспринимается – шум и более ничего. Мой незабвенный учитель Владимир Васильевич Крылов говорил: нельзя (так как бессмысленно) отвечать человеку на вопрос, который перед ним не стоит. Ну а отвечать на вопрос, который он не желает видеть, ещё более бессмысленно.

Вы говорите – идеи просты, бери и пользуйся. Но ведь для этого нужно выпрыгнуть из своей классовой шкуры, иметь мотивацию и интеллект. Иначе ведь этой идеей – а идея штука материальная – и по лбу можно получить. Ну и наконец: брахманам – брахманово, кшатриям – кшатриево, а шудрам – шудрино. Рождённый ползать летать не может. И зачем ползуну рецепты и средства полётов? Здесь другие рецепты в цене: как ловчее уткнуться хрюкальнику в корыто. А ведь за всё придётся платить. «Наказания без вины не бывает», как говаривал блаженный Августин – хоть и не наш человек, а верно. Нашей «верхотуре», по видимому, очень симпатична царская Россия. Странно, что они не додумывают свою симпатию до конца, словно не зная, чем она кончила – по «Предсказанию» Лермонтова: «...явится мощный человек, / И ты его узнаешь – и поймёшь, / Зачем в руке его булатный нож».

Беседовал А. Васильев.

Новый опричник – это молодой человек с кейсом и планшетом [\[46\]](#)

– Здравствуйте, Андрей Ильич. В этом году праздник Дня народного единства отмечает свой первый юбилей – 10 лет. Часть смыслов этой даты спрятана от современного общества глубоко в истории. Расскажите, пожалуйста, что же на самом деле происходило в начале XVII века?

– 22 октября 1612 года (по старому стилю) в день празднования Казанской иконы Божьей Матери Минин и Пожарский выбили поляков из Китай-города (по новому стилю это 1 ноября, но в XXI в. этот день приходится на 4 ноября, по-видимому, поэтому день так называемого народного единства празднуют именно 4 ноября); 25 октября (5 ноября) русские войска торжественно вступили в Кремль. Некоторые даже считают, что в этот день закончилась первая русская Смута. Однако, на самом деле, она не закончилась ни в 1612-м, ни в 1613 году избранием Михаила Романова на царство. Смута завершилась в 1617–1618 годах. Во-первых, именно тогда был отбит поход на Москву польского короля Владислава II (бояре, включая Михаила, в 1610 г. присягнули ему как русскому царю – и он считал себя таковым), к которому присоединились казаки – те самые, что сыграли решающую роль в избрании Михаила. Во-вторых, в 1617 и 1618 годах были заключены мирные договоры – Столбовский со Швецией и Деулинский с Польшей. Поскольку у Смуты был международный аспект, без замирения, пусть формального, с двумя этими государствами её нельзя было считать законченной. Произошло возвращение на Родину Филарета, отца нового царя Михаила Романова. Которого сын тут же определил в свои соправители.

– **Но 1612 год все же был ключевым?**

– Ключевым, но не окончательно решающим. Всё висело на волоске – в том числе и между самими русскими участниками Смуты, боровшимися против поляков. Между этими русскими силами не было единства ни до 4 ноября, ни 4 ноября, ни после 4 ноября. Большому

начальству незнайки весьма неудачно подсказали его в качестве альтернативы 7 ноября.

Итак, ситуация второй половины 1612 г. В Москве – поляки. Есть также два ополчения: первое – казаки – во главе с Трубецким (Заруцкий ушёл на юг, а Ляпунова убили казаки) и второе, пришедшие из Нижнего Новгорода во главе с Мининым и Пожарским (Рюрикович, потомок Всеволода Большое Гнездо). Трубецкой объявил их мятежниками и даже подсылал к ним убийц. На выручку затворившимся в Кремле полякам шёл гетман Ходкевич. В августе 1612 г. у Крымского брода войско Ходкевича встретили земцы Минина и Пожарского. После разведки боем (22 августа) произошло решающее сражение (24 августа). Поляки начали активно теснить земцев; на их обращение к казакам о помощи те ответили отказом. И тогда Минин послал к Трубецкому гонца с обещанием в случае помощи и победы отдать казакам весь польский обоз. Казаки ударили Ходкевичу во фланг, и последняя попытка спасти кремлёвских поляков была сорвана.

– Путь к московским стенам оказался открыт?

– По сути, да. Началась осада Кремля. Поляки голодали, питались трупами и продержались до конца октября (по старому стилю, по новому – до 4 ноября). Им была обещана жизнь, но когда пленных разделили, дворяне-земцы сдержали слово, а казаки почти всех пленных порубили.

С изгнанием поляков борьба не кончилась – наоборот, разгорелась, но теперь это была борьба между различными группировками самих русских. Казаки в силу численного превосходства чувствовали себя полными хозяевами в Москве и Кремле. Ходили ватагами по 20–30 человек, задевали земцев и особенно бояр, последние вообще старались не попадаться казакам на глаза. Как написал современник, «от боярско же чина никто же с ними (казаками. – А. Ф.) вопреки глаголетии не смеюще и на пути встречающе, и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы свои поклоняюще».

– Ситуация явно требовала срочной стабилизации...

– Конечно. В этих условиях остро встал вопрос о выборах нового царя, и решающую роль в этом сыграли именно казаки и их вожди. В феврале 1613 г. они, по сути, совершили переворот: заблокировали

Пожарского в его подворье, а бояр угрозами заставили согласиться на Михаила Романова. Происходило это всё на так называемом «земском соборе» 1613 г.

– **Почему на так называемом?**

– Потому что собрали-согнали каких-то людей, выкрикнули Михаила, собравшиеся поддержали (а куда денешься – рядом вооружённые казаки). Вот вам новый царь. Бояре могли утешать себя, во-первых, тем, что остались целы; во-вторых, тем, что «Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл и нам будет поваден»; в-третьих, тем, что царём не стал Пожарский.

– **Почему? Они так не любили героя?**

– Именно потому и не любили, что герой, а они – по большей части – предатели. Ведь в 1610 г. московские бояре, руководствуясь шкурным классовым интересом, присягнули Владиславу и готовы были «лечь» под его отца Сигизмунда. Неудивительно, что предатели-бояре сидели **вместе с поляками** в Кремле как их союзники, и когда Кремль был взят, Пожарский совершил грубую ошибку. Вместо того, чтобы отдать предателей под суд, объявил их пленниками поляков.

– **Почему?**

– Можно только гадать. То ли из классовой солидарности, то ли надеялся на благодарную поддержку в борьбе за престол, на который он претендовал. Однако в любом случае благодарности не снискал – предатели не прощают героев. К тому же, он был Рюрикович, а бояре хотели либо чужака, либо менее родовитого, чем они. Романовы подходили, тем более их поддержали казаки, с которыми Романовы были тесно связаны с самого начала Смуты по линии Лжедмитрия I. В любом случае, февральский переворот 1613 г. захлопнул Дверцу Истории перед Рюриковичами и привёл к власти Романовых, конец правлению которых положил тоже февральский переворот – только 1917 года.

– **Интересное совпадение.**

– Вообще в истории есть странные переключки: Ипатьевский монастырь (1612 г.) и дом купца Ипатьева (1918 г.), два февральских

переворота. Есть еще одна зловещая параллель. Дело в том, что у Марины Мнишек и, формально, у Лжедмитрия II был сын, «наследник». Формально, поскольку настоящим отцом мальчика, которого в русской исторической традиции прозвали «ворёнком» (то есть потомком Вора – Лжедмитрия II) был, скорее всего, Иван Заруцкий. В 1615 году (по другой версии – в 1614 г.) этого 4-летнего мальчика повесили. То есть, Романовы начали свое правление с убийства ребенка. И злая ирония истории в том, что закончилось их правление тоже детоубийством. Когда вместе с бывшим царем Николаем расстреляли (по крайней мере, по официальной версии) его семью, включая наследника престола царевича Алексея. Так, мистически, в 1918-й прилетел бумеранг из 1614–1615 годов.

– **Наверное, можно говорить о некоем искуплении.**

– Я бы не сказал, что это искупление. Я сказал бы, что это зловещая, отзеркаливающая переключка эпох. «Февральский переворот 1613-го» – «Февральский переворот 1917-го», «слезинка ребенка 1615-го» – «слезинка ребенка 1918-го».

– **Во всяком случае, очень символично... Андрей Ильич, а каково, на ваш взгляд, соотношение, между внешними и внутренними факторами в истории русских смут? Это какая-то константа?**

– Роль внешнего фактора в русских смутах весьма велика; более того, внешний фактор играл значительную роль в запуске смут. Разумеется, без внутренних причин и противоречий смуты невозможны, но без внешнего фактора они протекали бы совсем по-другому. Кроме того, в механике смут само различие между внутренними и внешними факторами носит пунктирный характер. Во-первых, когда начинается разбалансировка системы (в том числе и под воздействием внешних факторов, примеров – уйма: от Франции конца XVIII века до СССР 1980-х годов), внешняя предохранительная ткань становится тоньше, в ней образуются дыры, система становится опасно открытой для воздействия внешних сил. Последние интериоризируются, находят союзников («пятая колонна» – внешний фактор или внутренний?), обретая внутрисистемное значение и усиливая – обратная связь – внутренние проблемы, вследствие чего

система рушится в результате комбинации внутреннего и внешнего ударов.

Уже в последней трети XVI века в качестве упреждающей реакции на подъем России Ивана Грозного на Западе возникли два проекта установления контроля над Россией. Один – католический, в империи Габсбургов, другой – протестантский – в Англии; его сформулировал астролог, математик и разведчик (свои донесения Елизавете I пописывал «агент 007») Джон Ди. Он сформулировал концепцию «зелёной империи» – Англия, контролирующая Северную Америку и Северную Евразию, т. е. Россию. Разумеется, оба плана предполагали уничтожение династии Рюриковичей – одной из старейших в Евразии (аналоги – Меровинги, Чингизиды, отчасти Гогенштауфены) и возведение на трон менее родовой и обязанной Западу (католическому или протестантскому) династии.

– В нашей первой Смуте сыграла главным образом «католическая карта»?

– Судя по некоторым доказательствам, большей частью косвенным, да. Хотя англичане свою роль тоже сыграли. Сын Джона Ди, действовавший в России в начале XVII века под фамилией «Диев» и готовивший при царском дворе лекарства (а, следовательно, и яды) конечно же, был разведчиком. Да и те беспрецедентные торговые льготы, которые английские (а также голландские) купцы получили от Романовых после Смуты, тоже наводят на определенные мысли. И все же, думаю, католический фактор в запуске и развитии Смуты, особенно роль иезуитов, был сильнее. Действовали они через Польшу, Лжедмитрий I был связан с ними и с поляками, с одной стороны, и с Романовыми – с другой. Не случайно, что когда Лжедмитрий I с польскими наемниками вторгся на территорию Московского царства, Годунов во главе войска поставил высокородных бояр – врагов Романовых.

Еще к внешнему фактору следует добавить, конечно же, интервенцию – прежде всего польскую.

– А шведская интервенция?

– Шведская тоже, но, во-первых, в несколько меньшей степени; во-вторых, шведского в ней было не так много – военачальники (например,

Я. Делагарди, Э. Горн), а рядовой состав – как почти везде в Европе – шотландцы и немцы.

Необходимо отметить также – и это опять о тесной связи внешнего и внутреннего фактора, – что шведская интервенция началась по призыву «боярского потока» царя Василия Шуйского. Выборгским договором от 28 февраля 1609 года Шуйский позвал шведов на помощь в обмен на территориальные уступки и разрешение хождения шведской монеты как минимум в северной части Руси. Это очень напоминает интервенцию Антанты и США в марте 1918 года по приглашению Троцкого (формально – для военных действий против Германии, с которыми большевики уже заключили мир в Брест-Литовске). В марте 1919 года Троцкий стал военморнаркомом, добившись смещения с этого поста генерал-майора М. Д. Бонч-Бруевича – представителя той когорты генералов и офицеров (в том числе разведуправления генштаба), без которых Октябрьский переворот вряд ли осуществился бы – по крайней мере так, как осуществился.

Но вернемся из Смуты 1917 года в Смуту начала XVII века. После того, как бояре присягнули Владиславу, а Лжедмитрий II был убит, ситуация противостояния начала упрощаться по сравнению с предшествующим периодом Смуты, когда по обе (как минимум) стороны присутствовали и русские, и иноземцы. Тот же Болотников был тесно связан с Лжедмитрием I. Когда последнего убили, Болотников, сидевший в Туле, осажденный войсками Василия Шуйского, начал рассылать во все концы грамоты с призывом «объявить какого-нибудь нового Дмитрия». И эта связь с Лжедмитрием и поляками создавала проблемы для советских историков. Исходя из классовой логики, они должны были положительно трактовать восстание Болотникова. А по национально-государственной логике это было как-то не очень. В результате целостный процесс – Смуту – искусственно рассекли на две части: восстание Болотникова и интервенция, а также борьба с ней.

– Что можно сказать о проекции этих событий на XX век русской истории?

– Вы имеете в виду внешний фактор? В начале XX века в Февральском перевороте, давшем старт новой фазе Смуты, большую роль сыграли британцы, формально считавшиеся нашим союзником.

Узнав о свержении Николая II и монархии в России, британский премьер Ллойд-Джордж не постеснялся открыто заявить, что одна из главных целей Великобритании в мировой войне достигнута. Как тут не вспомнить нашего замечательного геополитика генерал-майора А. Е. Едрихина (Вандама), высказавшегося в том смысле, что хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним.

При взгляде на последнюю Смуту, на ту ее фазу, которая именуется горбачевщиной, то есть на развал СССР, то здесь роль внешнего – англосаксонского, но уже не столько британского, сколько американского – фактора весьма велика, особенно в 1990–1991 годах. Не зря Мадлен Олбрайт главной заслугой Буша-старшего провозгласила его направляющую роль «в разрушении Советской империи». Ельцинщина (другая фаза новейшей смуты) – это еще больший разгул внешних сил в РФ – вплоть до внешнего управления в ряде важнейших сфер и случаев.

Вообще нужно сказать, что от смуты к смуте роль внешнего фактора нарастает, проявляется все отчетливее – и чем больше историческая Россия (как бы она ни называлась) интегрируется в мировую систему, тем больше значение этого негативного фактора. Впрочем, за тем и щука, чтобы карась не дремал. Разумеется, если «караль» не идиот и не предатель.

– Причины Смуты и главные уроки ее преодоления? Нельзя ли остановиться на них подробнее?

– Причины – как всегда – системные и субъектные (не путать с субъективными). Системные – резкое ухудшение экономической ситуации из-за голода, длившегося три года подряд (следствие неблагоприятных природно-климатических явлений), наличие «социального динамита» (боевые холопы – обедневшие дворяне, умевшие только воевать – 10 % населения в конце XVI века; кстати, Болотников был боевым холопом), региональные противоречия Север/Центр – Юг (они «выстрелят» и в гражданскую войну в ходе Смуты начала XX века). Субъектные причины – наличие субъекта, относительно организованного, имеющего контроль над властью, деньгами и информацией и заинтересованного в изменении ситуации. В Смуте начала XVII века таких субъектов было два – часть боярства, стремившаяся сменить единодержавное грозненское самодержавие на

олигархическое, и часть властных элит Запада, стремившаяся к ослаблению и подчинению России.

Смуты всегда начинается «боярство», будь то XVII или XX век. Мы видим это и в 1915–1917, и в 1986–1991 годах. Стартовав, смута опускается все ниже, постепенно охватывая общество в целом.

– **Значит, главный виновник – «боярство»?**

– Если пользоваться термином «виновник», то да. Смута началась как ответ боярства Ивану Грозному, но став «началом» «бунташного века» подвела черту под «боярской Русью». В 1917 году Февральский переворот должен был привести к власти определенную часть буржуазии и аристократии, но положил начало событиям, «помножившим» на ноль оба эти слоя. О перестройке и говорить нечего. В известном смысле смуты – это игра по принципу «боярство начинает и проигрывает» (в долгосрочной перспективе). В 1649 г. грозненское самодержавие было восстановлено, но Смута затормозила процесс его развития, встретила в него негатив, породила «бунташный век», выходить из которого пришлось Петровыми реформами, во многом напоминающими «смутореволюцию сверху».

Что касается уроков смут, то они просты: «не буди лиха, пока оно тихо»; «замахнулся – бей»; «Запад не поможет – навредит»; власть должна быть сильной и не допускать возникновения предсмутной ситуации; предателей не прощать и ставить к стенке – сразу же, не ожидая повторного предательства.

– **Андрей Ильич, для нас, как ресурса, базирующегося в Казани, и наших читателей, празднование 4 ноября включает в себя, возможно, больше смыслов, чем в среднем по стране...**

– Поясните, пожалуйста, свою мысль.

– **Я имею в виду духовно-идеологическую миссию Казани и выходцев из нашего региона. В частности, героическое мученичество патриарха Ермогена, неразрывно связанного с Казанской иконой Божией Матери, роль митрополита Казанского и Свияжского Ефрема, помазавшего царем первого Романова... Как, с точки зрения историка, регион проявил себя во время преодоления смуты XVII века?**

– Северо-восток Руси сыграл большую роль в восстановлении российской государственности. Причин тому несколько. В середине XVI века во время реформ так называемой Избранной Рады русские земли получили самоуправление. Воспользоваться им, однако, смогли наиболее зажиточные, главным образом торговые регионы, где были средства для содержания управленческих структур. Одним из таких регионов был Северо-восток. Затем, в период опричнины, в нее, помимо прочего, отошло среднее течение Волги – и это в еще большей степени обогатило местное купечество и дворянство, привыкшее к тому же к относительной самостоятельности. Полвека таких социальных обстоятельств и выработали определенный инициативный человеческий тип, который двинулся на Москву против поляков как по национально-религиозным, так и по политико-экономическим мотивам.

– О столице Татарстана иногда говорят, как о «третьей столице России». Идеи переноса столицы из Москвы периодически возникали в интеллектуальном пространстве 90-х и 2000-х. Какова, на ваш взгляд, природа подобных разговоров?

– Здесь два момента. Первый. Мне активно не нравятся разговоры о второй, третьей, пятой и т. д. столицах. Столица есть и может быть только одна. Развал Римской империи начался с появления двух столиц. Второй момент. Разговоры о переносах столиц, как правило, возникают во время смут, социальных потрясений и происходят именно во время этих потрясений. Достаточно вспомнить петровскую квазисмуту (Петербург), планы декабристов (план переноса столицы в Нижний Новгород), большевиков.

– То есть, подобные разговоры являются одним из факторов смуты?

– Именно так. Люди полагают, что нужно изменить ось, центр. Если бы Россия потерпела поражение в результате смуты или распалась, то столица, действительно, могла бы «уехать» на восток. Но этого не произошло.

– В Казани говорят о своем городе, как точке сборки для одного из полюсов возможного нового многополярного мира. И даже как о

потенциальном центре или одном из важнейших центров новой Евразии?

– Думаю, что это скорее желаемое, чем действительное. При всем значении Казани, а также ряда других городов России – от Екатеринбурга до Владивостока – уверен, столицей будущей Евразии останется Москва.

– Мэр Казани в августе этого года на конгрессе местных властей Евразии, обозначив тему континентальной интеграции для города как «больше, чем геополитическую», употребил понятие «евразийской ментальности», которая, по его мнению, основана на «открытости, терпимости, готовности обмениваться своими достижениями». Что такое, по-вашему, евразийская ментальность, и совпадает ли она с концептом Русского мира.

– Я не знаю, что такое «евразийская ментальность». Что такое русская ментальность, я представляю. Вообще я не сторонник евразийского подхода к истории России, по крайней мере, в его наиболее распространенной версии, хотя в ней немало верных эмпирических замечаний. Но теория, как известно, это нечто большее, чем эмпирическое обобщение. Начать с того, что при евразийском подходе собственно Россия исчезает – остаются Европа (европейскость) и Азия (азиатскость) и остается лишь анализировать их соотношение.

Россия является Евразией географически, но не исторически. Русский исторический субъект хотя и сформировался под большим влиянием Ихэ Монгол Улс (Великой Монгольской державы) и ее наследницы Алтын Ордон (Золотой Орды), является европейским христианским (православным) субъектом, повернувшим вековую евразийскую экспансию «восток – запад» с запада на восток. Неверно отождествлять европейскость с Западом. Запад – один из вариантов европейского развития наряду с Античным миром, Византией и Россией. В то же время сила России – в ее географической евразийскости, с одной стороны (что такое Западная Европа? Буржуазно-взбесившийся маленький полуостровок великой Евразии), и с другой стороны – в умелой комбинации нескольких технологий власти, не в последнюю очередь – золотоордынской, на которую позднее, в новые эпохи, наслоились иные.

Если говорить о евразийских «точках сбора» в узком смысле, то на территории нашей страны их будет несколько. И чем теснее они будут связаны друг с другом, тем сильнее и устойчивее будет вся конструкция в условиях надвигающихся военной и геоклиматической угроз. Ведь наш геополитический противник рассматривает территорию Северной Евразии лишь в двух ипостасях: либо резервной территории на случай геоклиматической катастрофы, либо театра военных действий против Китая или мусульманского мира. У православия и ислама значительно больше общего, чем у двух этих религий с католицизмом и протестантизмом. Это упор на здоровый коллективизм и традиционные ценности – те самые ценности, которые уже практически разрушены на Западе, превратившемся в постхристианское и постморальное общество. Помимо определенного (хотя вовсе не полного – не надо идеализировать реальность) ценностного сходства у русско-православного и тюрко-мусульманского (славянского и туранского) миров есть традиция, связанная с историческим переплетением судеб – мы несколько столетий вместе.

– Упомянутое русско-туранское единство, очевидно, имеет исторические корни. Насколько оно перспективно, как ядро новой Евразии? И как могли бы распределиться роли и задачи каждой из его составляющих?

– Как бы они могли распределиться, я затрудняюсь ответить. Вообще, в нынешней быстроменяющейся ситуации трудно спрогнозировать будущее. Любые прогнозы могут оказаться спекуляцией. Поэтому я бы от них воздержался.

– Новейшая история ускоряется на наших глазах. Совсем еще недавно Запад примерял на нас модель развала Югославии... В ее истории тоже долго соседствовали два похожих элемента – сербский и боснийский. С разным успехом. Так, во время Второй мировой войны боснийская составляющая сначала была включена в прозападную структуру прогитлеровской Хорватии, а позже стала составным элементом коммунистической микроимперии Тито... От каких ошибок, в этом контексте, не застрахованы, как империя, мы?

– Проводя параллель между судьбами Югославии и Российской империи, а затем СССР, все-таки нужно быть осторожными. Во-первых, потому что распад Советского Союза – это несколько иной процесс, чем распад Югославии. СССР – огромная, не сравнимая с Югославией страна. Во-вторых, Советский Союз – ядерная держава. И если бы у сербов было ядерное оружие, думаю, Югославия существовала бы до сих пор, пережив и западное давление, и предательство со стороны ельцинского режима. В то же время, если бы у Советского Союза такое оружие отсутствовало, нас бы сейчас бомбили так же как Ирак или тех же сербов в конце 1990-х годов. В этом смысле сравнение не совсем корректно. Это, скорее, – внешняя аналогия. Но то, что наш геополитический, цивилизационный, социально-экономический соперник постарается использовать любые шероховатости в отношениях народов и представителей различных религий, населяющих Россию – в этом нет никаких сомнений. То, что война 1990-х годов в Югославии была «модельной», в ней отрабатывались схемы разрушения полиэтнических, полирелигиозных политических образований, – несомненно. То, что геополитический противник будет бить в стыки, стараясь поссорить различные народы или социальные группы в России – очевидно. И здесь нужно быть бдительными.

– Историк Арнольд Тойнби, говоря о мировых цивилизациях, помещал в центр их структурной модели религиозное или идейное ядро. Вокруг какой интеллектуальной программы можно было бы построить нашу новую геополитическую общность? Какой проект мы смогли бы предложить нашим потенциальным сторонникам?

– На территории России есть два крупных религиозных блока. Это православие и ислам. У них, как я уже сказал, есть нечто общее, что отличает их от Запада. Это – идеал социальной справедливости. Ни на основе православия, ни на основе ислама не могла появиться цивилизация глобальных ростовщиков, то есть цивилизация ссудного процента. И в этом отношении и русский православный мир, и мир ислама придерживаются традиционных ценностей. В то же время русский мир не сводится к православию. Не стоит преувеличивать степень религиозности русских ни вообще, ни тем более сегодня. В XIX веке Белинский заметил, что русский мужик не религиозен, а

суеверен. Сегодня советское атеистическое наследие никуда не делось. Другое дело, что это не воинствующий атеизм – но таким он был уже в позднесоветское время. Духовная культура предполагает уважение как к религиозности, к чужой вере, так и к атеизму. Разумеется, если эту веру (или неверие) не пытаются навязать силой.

Думаю, на данном этапе исторического развития идеалы социальной справедливости и традиционных ценностей – это то, что может объединить людей, которые не хотят упасть в ту пропасть, в которую сейчас стремительно летит Запад.

– Каковы, на ваш взгляд, географические очертания будущей Евразии? Какой вы ее видите? От Белграда до Токио? От Владивостока до Лиссабона? От Хельсинки до Тегерана? Или, к примеру, от Минска до Улан-Батора?

– Я думаю, что время традиционных империй прошло, возможно нечто вроде импероподобных образований нового типа. Но прежде чем они отстоятся, полагаю, нам придется пройти через очень серьезный кризис. Даже если он будет не военным, то точно – социально-политическим и геополитическим, хотя, скорее всего, все вместе. Поэтому говорить сейчас об очертаниях Евразии, какой она будет во второй половине XXI века, трудно. В любом случае можно сказать, что эти очертания будут результатом острейшей социальной, геокультурной и геополитической борьбы.

– Субъектом подобной борьбы могут быть сильные элитные группы, способные взять на себя ответственность за осуществление геополитического проекта. Новые евразийские элиты, кто это? Можно ли уже сегодня набросать их приблизительный портрет?

– Я пока что таких элит не вижу. Может быть, я ошибаюсь. Но при этом полагаю, что формирование новых элит должно включать в себя несколько вещей. Прежде всего, должна быть дана четкая политико-правовая оценка того, что произошло за последние 30 лет с Советским Союзом и с Россией. Я говорю об оценке того капитулянтского курса, который проводили Горбачев и Ельцин. Клеймо капитуляции, предательства и поражения должно быть устранено. Успешные элиты – это элиты победительные, опирающиеся на свою традицию и историю.

Не могут в Евразии быть успешными элиты, которые ассоциируют себя с ценностями чуждой нам западной цивилизации, тем более, находящейся в состоянии деградации, распада и замены расово-этнического субстрата чужеземным. Для успеха элит необходимым условием является их укорененность в собственной ценностной и исторической традиции. Они должны ассоциировать себя со своей страной, а не с чужой. Их дети должны учиться и жить на родине, а не за рубежом. Это не достаточное, но необходимое условие. Ну, а достаточное условие – готовность «положить жизнь за други своя», – за свою цивилизацию, за свой народ порвать противника, если это необходимо.

– О современном классе управленцев часто говорят как о бизнес-элитах. Фактически это во многом так...

– Трудно сказать. Знаю одно – отношение к государству как к бизнес-проекту – это путь к поражению, катастрофе, в историческое небытие. И еще одна вещь: формирование новых элит невозможно в условиях разрушающегося образования. Этот процесс, безусловно, нужно остановить.

– Каковы наши элиты в перспективе – скрытые или публичные? И к какой из известных моделей они бы тяготели типологически и организационно – англо-саксонской, китайской, немецкой?

– На этот вопрос вам сейчас едва ли кто ответит. По крайней мере, я не берусь.

– Любопытно, что Казань (или условно Поволжский регион), начиная примерно с XV века, служил кадровым резервом для Российского государства. Можно называть фамилии, постепенно составившие конкуренцию управляющей корпорации Рюриковичей в условиях поглощения евразийского пространства молодым русским государством. Сегодня всерьез обсуждается реинтеграция бывшего СССР. Напрашиваются параллели... Кстати, сегодня в Москве тоже есть выходцы из Казани – министр связи, заместитель мэра...

– Действительно, российская властная элита была этнически многослойной. В XV–XVI веках ее пополнили представители тюркоязычной знати, в XVI веке к ним добавились Гедиминовичи – выходцы из Литвы; в XVIII веке начался наплыв немцев, которые, как и предыдущие «пришельцы» крестились и русели, привнося, тем не менее, какие-то свои практики. Важно, что все эти группы работали на имперское единство; причем нередко большими имперцами были представители нерусских этносов.

– **Андрей Ильич, что скажете о борьбе современных нам российских влиятельных групп во власти? По каким правилам она идет?**

– Для того, чтобы квалифицированно комментировать подобные вещи, необходимо обладать инсайдерской информацией. Я ею не располагаю в полной мере.

– **Находятся люди, пытающиеся оперировать подобной информацией. В выходящей книге представителя либерального лагеря Михаила Зыгаря «Вся королевская рать», которая претендует на периодизацию путинского правления, президент России последовательно сравнивается с Ричардом Львиное Сердце, Сулейманом Великолепным, Лжедмитрием (это пожалуй остроумнее всего)... Сегодня, по мнению автора книги, наступил период Иоанна Грозного... Неужелилиберальный оракул прорек стране перспективу новой опричнины? Что думаете, может, настала пора?**

– Я думаю, что аналогии, которые Зыгарь приводит в своей книге, носят настолько внешний и произвольный характер, что едва ли стоит их всерьез обсуждать.

– **Но вопрос больше касался условной «опричнины», как возможной реакции власти на внутренние вызовы?**

– Если говорить об опричнине, то, в узком смысле, она неповторима. Она была характерна только для второй половины XVI века. Но если под «опричниной» иметь в виду роль чрезвычайных комиссий, то это другое дело. В России в силу специфики автосубъектной власти, будь то самодержавие или советский

коммунизм, институты никогда не были сильными. В спокойные периоды это, как правило, не создавало проблем – социальная инерция, огромные размеры страны, на которых пространство плавно перетекало во время или обменивалось на него, наконец, «ручное управление» решали задачи. Однако на переломах этого становилось недостаточно, и тогда власть создавала чрезвычайные комиссии (ЧК) – опричнина, гвардия Петра I. Даже отмену крепостного состояния готовила пусть «бархатная», но ЧК – «Редакционные комиссии». Сталин свою опричнину не создал, но он активно использовал опричный принцип, делая ставки на разные организации и группы в советской верхушке.

Согласно теории систем, эволюция крупных сложных систем необратима. История Большой Системы «Россия» показывает, что на крутых поворотах здесь всегда требуются чрезвычайные комиссии, так сказать «неоопричнины». Без такой неоопричнины, уверен, сегодня невозможно победить коррупцию – разумеется, если речь идет о реальной борьбе, а не о специфической форме кланового передела власти и собственности. И чем больше будет обостряться внешняя ситуация, тем больше будет потребность в новой опричнине. Разумеется, эта опричнина должна будет работать на страну в целом, на государство, иначе она быстро выродится во властную ОПГ.

– Какую форму она примет?

– Конечно же, это не будет всадник с собачьей головой и метлой. Возможно, она придет в виде молодого человека с кейсом, в котором будет лежать планшет. Трудно сказать. Но совершенно понятно, что в условиях чрезвычайного XXI века без чрезвычайной комиссии Россия вряд ли решит свои проблемы.

– Андрей Ильич, классифицируя русскую историю, вы выделяете повторяющиеся периоды смут, чрезвычайщины, устойчивого развития... В какой точке сегодня находится ситуация?

– Как заметил Ю. Трифонов, трудно понять время, когда ты внутри него. Правда, наша ситуация облегчается тем, что наше время разорвано и можно попытаться «пролезть в дыру» и взглянуть на мир и на собственную историю, как это делает изображенный на средневековой миниатюре монах, пробивший головой небесный свод.

Есть и еще одно преимущество нашего времени. О таких периодах истории хорошо сказала Н. Мандельштам в «Книге второй»: «...в период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась».

Сегодня мы – Россия – и мир в целом находимся в такой промежуточной ситуации «уже-не-старого-но-еще-не-нового». В этом есть свои плюсы и свои минусы. Что касается России, то смутное время горбачевщины и ельцинщины вроде бы завершилось. Но не имеем ли мы дело с временно законсервированной, подмороженной смутой? Выход из смуты – на основе чего-то нового, мы же до сих пор проедаем советское наследство, живем на его фундаменте.

В советской песне о пограничниках пелось: «Тихо на границе, но не верьте этой тишине». Вот мне и не верится в нынешнюю тишину – «будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит... будто пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов» (А. Гайдар). Что-то есть предгрозовое в нынешней ситуации. И чтобы справиться с грозой, нужно нечто вроде опричнины, пользующейся широкой народной поддержкой.

– Насколько качественно отвечает моменту существующая сегодня в России власть и люди, ее представляющие?

– Что касается людей во власти, то для ответа надо их знать – у меня таких контактов нет. Если же говорить о правящем слое в целом (разумеется, если он составляет целое, в чем есть сомнение), то в его политике есть серьезное противоречие между внешним и внутренним курсами. Во внешней политике идет восстановление суверенитета, в ходе которого мы, правда, видим и совпадение государственных интересов с интересами некоторых наших монополий, но тем не менее, начали собирать свои пяди и крохи, то есть идет нечто похожее на внешнеполитическое наступление. В то же время продолжают неоллиберальные экономические реформы, рушащие не только экономику, но здравоохранение, образование, науку – то есть социальную жизнь как таковую, наше будущее и одновременно тыл нашего внешнеполитического наступления. Если оно затеяно всерьез,

если это не авантюра, то надо думать о тыле. В противном случае рано или поздно наступательный пыл иссякнет, и противник нанесет удар именно по тылам и в стык между ними и «фронтом». И не спасут в этом случае никакие фронты – ни народные, ни объединенные.

Указанное противоречие между внутренней и внешней политикой не может существовать долго, внешние союзы и связанные с ними уступки способны лишь ненадолго продлить его. История это противоречие обязательно устранил. Вопрос – в какую сторону. Если по Бжезинскому (XXI век будет построен за счет России и т. д.), то нам грозит мир, описанный в романах Беркемаль-Атоми.

– Противоречие, или даже раздвоение, о котором вы говорите – радикальное. Что это? Политическая шизофрения?

– Внешне это может выглядеть как социальная шизофрения, как когнитивный диссонанс. Однако за ним – реальное противоречие, обусловленное политэкономией постсоветской России, в правящем слое которой можно выделить две группы. Я называю их «приказчиками» и «контролерами». Приказчики – полные наследники ельцинщины, так сказать, «наследники по прямой». Будучи сторонниками неолиберального экономического курса, они готовы сдать страну транснациональным корпорациям, слиться в экстазе с Западом. Это обуславливает их взгляды на суверенитет («архаика») на внешнюю политику. Эта публика ошибочно полагает, что останутся у руля в случае сдачи страны Западу. На самом деле, если это произойдет, новые хозяева найдут других приказчиков: «Рим предателям не платит»; наибольшее, на что могут рассчитывать «плохиши» – это банка варенья, корзина печенья и возможность рекламировать «Louis Vuitton» и пиццу.

«Контролеры», придерживаясь в целом тех же экономических взглядов, что и «приказчики», то есть, ошибочно полагая неолиберальный курс глобальным мейнстримом, не хотят сдавать страну транснациональным корпорациям, они хотят сами ее контролировать, пусть на определенных условиях Запада, но сами: «медведь свою тайгу не отдаст». Отсюда – установка на суверенитет и относительно активную внешнюю политику, порой антизападную, особенно когда Запад путает «контролеров» с «приказчиками»

и считает, что может плевать на их интересы и вообще вытирать об них ноги.

Позиция «приказчиков» внутренне непротиворечива: их социальная база – глобальный капитал, глобальная олигархия, противоречий между их внутренним и внешним курсами нет. А вот у «контролеров» ситуация иная. Вступая в острое противоречие с западными Хозяевами мировой игры и претендуя на нечто большее, чем роль «приказчика» при главных буржуинах, «контролеры», рассчитывая на успех, должны иметь поддержку населения, а это население – в качестве своей социальной базы. Это значит, пусть даже не выражать и не отражать, но учитывать его интересы. О каком учете может идти речь, когда систематически и планомерно разрушается сама социальная жизнь – здравоохранение, образование, структуры повседневности (в виде того же ЖКХ)? Единственное спасение «контролеров» – устранение названного выше противоречия, контрольный выстрел в голову неолиберальному социально-экономическому курсу, который не только противоречит тысячелетней парадигме русской истории, но и утрачивает черты глобального мейнстрима по мере того, как мировая верхушка приступает к демонтажу капитализма. Императив устранения противоречия между внешним и внутренним курсом обусловлен еще и тем, что 80 % мирового населения, включая таковое России, место в посткапиталистическом мире Хозяевами мировой игры не предусмотрено – лишние едоки, занимающие к тому же огромное ресурсообеспеченное пространство. Именно поэтому России нужна социально ответственная и национально-ориентированная элита, способная к длительному и в конечном счете победному противостоянию с любым противником, противостоянию, требующему от нее самоограничения, самоотверженности и большого труда в единстве с народом. Такая элита может быть жесткой – но в интересах народа и государства, особенно когда велика и страшна угроза – государству и народу. Автор «Розы мира» Д. Андреев, уже отсидев, написал следующие строки о русском властителе, который выводит страну из смуты и за которым угадываются одновременно Петр I и Сталин:

Жестока его природа.

Лют закон,

*Но не он – так смерть народа.
Лучше – он!*

Речь – не о реставрации сталинской системы; в истории реставрировать ничего нельзя. Речь о другом – об адекватности элиты историческим задачам, без решения которых государству и народу грозит гибель. Ясно, что в 2010 году эта адекватность должна быть иной, чем в 1930-е годы и все же предвоенная ситуация диктует вполне определенные вещи.

– Таким образом мы возвращаемся к проблематике XVII века. Наведение порядка в управлении государством, патриотический курс плюс народное единство. Круг замкнулся. Идея праздника 4 ноября актуализирована?

– Будем надеяться. И будем учить уроки истории, главный из которых, по крайней мере, для России, заключается в необходимости единства власти и народа. Горе народу, равнодушному к своей власти. Горе власти, которая готова предать свой народ, как это сделали многие московские бояре в 1610 году, «февралисты» в 1917-м, горбачевцы и ельциноиды в конце XX века. Народ не должен любить власть, но он должен уважать ее. А уважать можно только социально-ответственную, справедливую в силе и сильную в справедливости власть, и если праздничное 4 ноября **теоретически** должно напоминать нам о единстве, то непраздничное ныне 7 ноября должно стать напоминанием о том, чем чревато отсутствие единства – для народа и для власти.

Выскочить из ловушки ^[47]

Года два я слушала в Интернете все интервью, беседы и лекции Андрея Ильича Фурсова. Его осведомлённость о малоизвестных и тайных фактах истории, его анализ глобальных процессов и при этом готовность вступить в информационную схватку (кстати, об информационных войнах у него тоже есть цикл лекций) – разительно выделяют Фурсова из степенного научного мира. Такая подготовка в пору сотрудникам спецслужб. И вот Андрей Фурсов, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегического анализа (Москва), академик International Academy of Science, Международной академии наук (Инсбрук, Австрия) приглашён прочесть две лекции студентам-гуманитариям СФУ.

– Андрей Ильич, у вас есть собственная «Школа аналитики». Кто туда ходит? Стал ли кто-то из слушателей аналитиком? И что ещё нужно, кроме слушания лекций, чтобы разбираться в окружающем мире?

– «Школа аналитики Фурсова» функционирует третий год. В основном, слушатели – студенты Московского гуманитарного университета, но занятия могут посещать все желающие, надо только заранее зарегистрироваться на сайте Научного студенческого общества МосГУ. В «Школу» раз в месяц приходят люди разного возраста, в основном молодёжь, но есть и те, кому и за 40, и за 50.

Можно ли стать аналитиком, прослушав курс? Конечно, нет. «Школа» не готовит аналитиков, она учит основам анализа на конкретных примерах из истории и современности. Главная задача «Школы» – сформировать у слушателя реальную картину мира, объяснив скрытые шифры эпохи, тенденции её развития. Слушатели должны много читать – текущей информации, научных работ, художественной литературы, которая помогает разобраться в том, что происходит, поскольку будит воображение. В рекомендуемом списке такие писатели как Иван Ефремов, Олег Маркеев, Александр Гера, Алексей Колентьев, Сергей Анисимов и многие другие. Рекомендуются

также различные сайты на русском и иностранных языках. Разумеется, читать – мало, надо постоянно осмысливать прочитанное, соотнося его с реальностью. И, конечно же, нужно читать специальную литературу по стратегической, аналитической и другим видам разведки. Необходимо также критическое освоение западной ветви европейской интеллектуальной традиции.

– Насколько сегодняшнее образование благоприятно для развития аналитических способностей?

– Начать с того, что наше нынешнее образование находится в полуразрушенном состоянии. ЕГЭ и Болонская система не готовят творцов и аналитиков, они готовят «квалифицированных потребителей», а «квалифицированное потребление» не совместимо с анализом реальности, тем более критическим. Но это не значит, что нужно опустить руки. Надо быть *вопрекистами*, заниматься самообразованием и выжимать всё возможное из того лучшего, что сохранилось от советского образования. Очень важно найти учителя – настоящего Учителя. Мне очень повезло. Моим учителем был мало публиковавшийся, но блестящий учёный Владимир Васильевич Крылов. Думаю, он будет среди тех немногих, кем Россия станет отчитываться за вторую половину XX века. О своём учителе я написал книгу – «Ещё один очарованный странник (О Владимире Васильевиче Крылове на фоне позднекоммунистического общества и в интерьере социопрофессиональной организации советской науки)». Крылов был настоящий мастер на все руки, включая аналитику, без его школы я никогда бы не стал тем, кем стал.

– Не помню где, но как-то встретила такую оценку специалистов советского времени: мол, в наших академических институтах где-нибудь за распитием чая можно было услышать такие аналитические обзоры, какие на западе готовили целые центры.

– Было такое, и в подтверждение расскажу известную мне историю. В начале 70-х в Институт мировой экономики и международных отношений, в котором работал Крылов, явился Бжезинский с помощниками. Так вот, помощница Бжезинского разыскала Крылова и сказала, что они читают его работы, чему

Владимир Васильевич был очень удивлен, поскольку последние годы готовил преимущественно закрытые справки для ЦК КПСС. Но американцы прекрасно всё это имели, читали и более того – привезли Крылову несколько книг по тематике его исследований, о которой оказались осведомлены, и подсказали, через каких сотрудников при необходимости можно заказать литературу из-за кордона. Человек, который почти не публиковался, был очень высоко оценен командой Бжезинского.

– **А каково экспертное сообщество России сейчас?**

– Трудно оценивать всё сообщество, моя оценка будет в большей степени импрессионистской, и «импрессионизм» этот очень невесёлый. Вернувшийся в Россию в конце 1990-х годов Александр Александрович Зиновьев, с которым я дружил, как-то заметил, что уезжал из страны, где в курилке можно было обсуждать массу интересных проблем на самом высоком уровне, а вернулся на интеллектуальную помойку. Сказано довольно жёстко, но в целом справедливо. С 1990-х годов в страну хлынул мутный поток устаревших западных теорий в области социологии, политологии, экономикс. Это утильсырьё приобрело среди определённой публики высокий статус в силу его западного происхождения и подкреплённости грантами и прочими формами материального поощрения. На этой основе у нас за последнюю четверть века сформировался целый сегмент компрадорско-колониальной по своей сути науки, выражающий интересы компрадорско-олигархического капитала и паразитирующий на реальной науке так же, как этот капитал паразитирует на России, её реальной экономике. Оба эти компрадорских сегмента – экономический и научный – выражают чуждые России интересы со всеми вытекающими последствиями. Ясно, чью сторону они займут в условиях разворачивающейся информационно-психологической войны.

Особенно это видно по политологии, где есть целый ряд теорий, связанных с отрицанием необходимости государственного суверенитета. Это модный тренд в западной политологии и глобалистике – мол, мы живём в эпоху глобализации, взаимопроникновения, взаимозависимости и суверенитет устарел. Но совершенно понятно, кого не устраивает чей-то государственный

суверенитет – транснациональные корпорации, которым государство мешает выкачивать прибыли.

То же самое – идея, что эпоха больших государств уходит в прошлое. Вот была Югославия – надо её раздробить на части, тем более что народ там разный живёт. Время от времени возникают разговоры, что территорию России от Урала до Дальнего Востока нужно отдать международному сообществу, читай – транснациональным корпорациям. И люди, которые продвигают эти идеи, работают на эти корпорации либо в качестве тех, кого Ленин называл «полезные идиоты», либо в качестве идеологических диверсантов.

– Но это ведь не характеристика всего экспертного сообщества?

– Конечно же, нет; я говорю об определённой тенденции, представляющей научную и идейно-информационную угрозу. У нас немало экспертов и экспертных групп, вполне профессиональных и ориентированных на государственно-национальные интересы России. Они стали значительно активнее в последние год-два, когда ужесточилось противостояние России и Запада и многие из тех, кто находился в тени и имел ограниченный доступ к средствам массовой информации, резко расширили свои возможности.

– А насколько эти специалисты востребованы людьми, принимающими решения? Вот вас приглашают на Селигер, на телевидение, но сами-то госуправленцы вас слышат?

– Трудно сказать. Иногда в официальных выступлениях я слышу формулировки, которые использую только я и никто другой. Однако у восприятия любых идей есть серьёзный ограничитель – классовые интересы воспринимающего. Степень реализма в понимании текущей ситуации определяется у госчиновника двумя факторами – шкурным интересом и классовым сознанием. Нередко это становится непреодолимым барьером в понимании реальности и восприятии чужих идей. Впрочем, моя задача заключается не в том, чтобы меня слышали госуправленцы. Я не пропагандист, не политтехнолог, а учёный, аналитик, преподаватель. Моя задача – создание реальной картины прошлого и настоящего и прогнозирование будущего.

Пользуются этим высокопоставленные лица – хорошо; не пользуются – это живёт само по себе, потому что вброшенная в информационное пространство концепция, даже фраза живут своей жизнью и когда-то сработают.

– Сейчас много говорят об информационных фильтрах, которые создают ту или иную среду. Но мы сами ещё в большей степени склонны создавать себе комфортную среду, смотреть и слушать только то, с чем согласны. А если кто-то говорит то, что нам не нравится, мы и слушать не станем. Как выбраться из-под влияния того или иного однонаправленного воздействия – допустим, людям на той же Украине?

– Безусловно, нужно жить в информационном мире, не заслоняясь от него. Заслон – это пораженческая стратегия. Почему многие советские люди купились на пропаганду перестроечной шпаны? Мол, придёт рынок, демократия, капитализм – и будет всем хорошо. Потому что их приучили к определённой информации, которую они уже перестали воспринимать, и правдой показалась та ложь, которую они впервые услышали.

Не заслоняясь от информационного потока, надо всегда понимать важную вещь: кому выгодно. Всё время задавать себе этот вопрос. Кому выгодно говорить, что Сибирь была колонией России? Понять это – а потом уже проверять факты.

Нельзя убегать от судьбы: она тебя рано или поздно догонит, причём в самый неудобный для тебя момент; судьбу надо встречать в лоб. То же самое с информацией.

– В отношении вас это понятно – это ваша профессия. А если речь идёт об обывателе, который к тому же лишён источников информации?

– Да, это серьёзная проблема. Хотя некоторым обывателям ничего не интересно. Причём не только у нас. У нас и работяги, и студенты могут обсуждать какие-то общественно-политические вещи. Американцы – я жил в Америке – этим, как правило, не интересуются, а потому готовы поверить чему угодно: что Кеннеди убил Ли Харви Освальд, что «башни-близнецы» взорвала «аль-Каида», что малайзийский «Боинг» взорвали ополченцы.

Тем, кто хочет разобраться, можно посоветовать одно: думать. Какой бы изощрённой ни была пропаганда, она обязательно проколется в деталях.

– В своей лекции вы сказали, что главная константа русской истории – это «власть», причём как бы она ни менялась, она будет оставаться всё той же – автосубъектной. И это ни хорошо, ни плохо, так есть...

– Власть не обязана любить народ. И народ не обязан любить власть, даже если она выражает его интересы. Потому что между ними существуют серьёзные противоречия, так сказать, борьба и единство интересов. В России исторически сложилось так, что власть выполняла функцию защиты населения от внешнего врага. Причём врагов этих у нас всегда было больше, чем у других. И в этом отношении Арнольд Тойнби, который вовсе не любил Россию, тем не менее заметил, что русская экспансия всегда носила оборонительный характер. Русские стараются отодвинуть границы как можно дальше, потому что Россия не защищена ни с запада, ни с востока.

Не менее важно и то, что власть в силу скудности сельского хозяйства всегда сдерживала, в своих интересах опять же, аппетиты господствующего слоя. Но бывали периоды-исключения, когда она вместе с этим слоем начинала грабить население. Один такой период наступил после 1861 года – закончилось всё революциями 1905 и 1917 годов; второй наступил после 1991 года, и неясно, преодолеваем мы его или нет.

– Человек, который встает на позицию поддержки власти, вынужден мириться с существующим положением дел – не замечать двойных стандартов, социальной несправедливости, расхождения заявленного и сделанного?..

– Ни в коем случае. Нужно прекрасно видеть все недостатки власти, не оправдывать всё, что делает власть, чётко понимая её классовую природу и особые интересы. Но в то же время нужно помнить поговорку англосаксов, которая способствовала их победам: права или не права, но это моя страна. Набоков когда-то заметил: власть и родина не одно и то же. Это во многом верно, однако рухнула власть и кончилась родина Набокова. Соотношение власти и родины непростой

вопрос, критикуя власть, надо делать это так, чтобы это не повредило родине. А. А. Зиновьев как-то заметил: целили в коммунизм, а попали в Россию. За всеми разговорами Запада и его агентуры в СССР о борьбе с коммунизмом скрывалась борьба против исторической России. Кстати, Бжезинский откровенно признал это после разрушения Советского Союза, заметив, что Запад боролся не с коммунизмом, а с Россией как бы она ни называлась. Поэтому всё, что мы говорит о родине, должно быть тщательно взвешено.

– Это самоцензура?

– Ни в коем случае, речь идёт об ответственности за себя и за свою страну. Это не исключает критику власти и критического отношения ко многим страницам своей истории. Как писал П. Я. Чаадаев: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её». Нужно обязательно критиковать власть, если она уклоняется от защиты национальных интересов и поддерживать её в защите этих интересов. Обратите внимание, наши так называемые либералы критикуют власть именно тогда, когда она разворачивается в сторону национальных интересов. Почему-то их точка зрения постоянно совпадает с позицией Госдепа США. Они готовы проливать крокодиловы слёзы по поводу Магницкого, но их совершенно не трогают миллионы жертв так называемых либеральных реформ 1990-х, по сути – либерального геноцида. Они не только не молчали, когда ельцинский режим расстреливал парламент в 1993 г., но призывали к ещё большей крови. Ельцину прощалось всё, поскольку он работал практически в режиме внешнего управления. Путин либеральную клаку бесит именно тем, что пытается из этого управления выйти.

Власть нужно критиковать и за её непоследовательность. Сегодня это разрыв между державной внешней политикой и сохранением неолиберального курса в социально-экономической сфере, курса, который эту внешнюю политику подрывает.

В сухом остатке: власть в России всегда была, мягко говоря, неласкова к населению, но она защищала его от окружающих хищников, в борьбе с которыми она не могла не ожесточаться, но это было условием выживания. Так, сталинская система – это, прежде

всего, форма выживания русского народа и других коренных народов России в условиях не просто неблагоприятного капиталистического окружения, а в ситуации, когда поставлена задача уничтожения России. Это очень хорошо понимали проницательные патриоты нашей страны, способные встать выше личных обид и трагедий. У Даниила Андреева есть стихотворение, посвящённое русским сверхвластителям, спасающим страну в роковой час, стихотворение подразумевает прежде всего Сталина. Там есть такие строки:

*Лучше он, чем смерть народа.
Лучше он;
Но темна его природа,
Лют закон.
Жестока его природа,
Лют закон,
Но не он – так смерть народа.
Лучше – он!*

– Вы сказали, что примерно к 2017 году мы окончательно «проедим» наследие советской эпохи. Как и из чего делать рывок в будущее?

– Рывки в будущее совершаются в индустриальную эпоху примерно одинаково. Это – мобилизационная экономика при всех её минусах. 25 лет разграбления страны, развала промышленности – терапевтическими средствами не исправишь. Нужна реиндустриализация и перестройка очень многих сфер.

– Опять всё делается за счёт населения! Не успело оно нагулять жирок, как снова затягивай пояса.

– Ну, во-первых, особого жирка население не нагуляло, последнее 25-летие это вам не четыре относительно спокойных 30-летия русской истории (1500–1530, 1670–1700, 1825–1855, 1955–1985 гг.). Во-вторых, альтернатива проста: либо мы делаем рывок, либо Россия прекращает своё существование, её рвут на части транснациональные хищники и их местные гауляйтеры и полицаи с последующим исчезновением русских с лица земли. В-третьих, рывок должен делаться не столько за счёт населения, сколько за счёт средств тех, кто четверть века разворовывал

страну. Совокупный капитал (сумма персональных богатств) богатейших людей России в 2014 г. оценивается в 481,15 млрд. долл. (для сравнения: доходы федерального бюджета РФ в 2014 г. составляют 339 млрд. долл.). Но ведь правы те, кто подчёркивает: под контролем сверхбогатых намного больший капитал, чем их личное богатство. Какой вывод из этого следует? Вывод, с которым очень хорошо коррелируют строки Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй». Вопрос в начале XXI века стоит по-ленински: «Кто – кого?». И противники России за её рубежами и внутри них это хорошо понимают и будут создавать нам проблемы по всему периметру границ (Украина – это первый ход) и в самой стране; вероятнее всего, постараются создать таран из либералов и националистов и использовать экономическую ситуацию и промахи (или сознательные действия) правительства – «реформы» образования, науки, здравоохранения и прочие погромные акции.

– В своих выступлениях Вы говорите о том, что Россия должна формировать новую «мировую повестку дня». А не достаточно ли мы за советскую эпоху думали обо всём мире, всем помогали, причем подчас жили хуже тех, кому помогали?

– Речь идёт не о материальной помощи, а о формировании некоего социального проекта, который способен стать фундаментом нового мирового порядка, альтернативного нынешнему. Например, Сталин, который исходил из необходимости создать альтернативную Западу мировую систему, вовсе не был сторонником превращения в социалистические страны восточноевропейских и восточноазиатских. «Социализация» этих регионов в конце 1940-х годов была вынужденной и в значительной степени спровоцированной Соединёнными Штатами. Ну а затем к власти пришёл бывший троцкист Хрущёв, который действительно начал активно помогать всем желающим.

Россия не сможет противостоять Западу только на евразийской площадке. Для успеха необходима мировая альтернатива, создание союзных анклавов и действия на территории противника, по крайней мере, информационные.

На данном этапе речь может идти о готовности защитить в информационном или военном плане наших геополитических

сторонников. Конечно, лучше жить со всеми в мире, но в мире нас не оставят. Клинтон в 1995 году, выступая перед американскими военными, сказал: мы позволим России быть, но мы не позволим ей быть великой. Но дело-то в том, что невозможно удержаться на одном уровне: либо ты возрождаешься в качестве великой державы, либо ты распадаешься. Надо помнить также: мы до сих пор существуем потому, что у нас есть средства нанести неприемлемый ущерб Соединенным Штатам. Если бы этого не было, то с нами поступили бы так же как с сербами, ливийцами и др. Мы до сих пор живём на советском военном фундаменте, который, создавали, кстати, затянув пояса.

Нужно учитывать и ещё одну вещь: надвигающийся мировой системный кризис. Его следует использовать в своих интересах, как ту волну, которая позволит наши слабости превратить в силу. По принципу дзюдо. К сожалению, СССР во многих отношениях действовал в лоб, не изощённо. Надо по-другому. Не надо лезть на рожон, но нужно быть готовым нанести ответный удар.

– А у меня нет уверенности, что Россия в случае чего нанесёт ответный удар. Мы же не хотим ядерной войны, начнём вести переговоры.

– Ядерный удар наносится в ответ на уже нанесённый удар. Это происходит почти автоматически. Поэтому в данном случае переговоров вести никто не будет. Будем надеяться, что хотя бы ядерная угроза в прошлом.

– Мне очень нравится тот жанр ваших выступлений, который называется «Итоги года», когда из событий, не вошедших в топ самых освещаемых, вы выводите важнейшие тренды. Хотя год не окончен – какие события уже сейчас можно назвать знаковыми, кроме занимающих всё информационное поле Крыма, Украины и санкций?

– Нет, сравнимых с этими событиями не происходило, потому что произошедшее между 19 февраля и 19 марта – это 30 дней, которые изменили мир.

– **Иностранцы ещё говорят, что мир изменил наш огромный контракт с Китаем.**

– А это уже стало следствием украинского кризиса, который подтолкнул процессы. Так же, как встреча в Бразилии в июле, где была сделана заявка на создание нового мирового порядка, альтернативного англо-саксонскому.

Вообще у украинского кризиса много измерений, но самое важное – он очень хорошо показал большей части нашего населения, что такое нынешний Запад и что, если не поставить некий барьер, он пойдёт тараном. Мы увидели, что Запад спокойно поддерживает нацистов – если они антирусские. Запад вообще поддержит любую силу, даже дьявола, если она против России. Украинский кризис – это момент истины, выявивший врагов России внутри страны и за её пределами.

– **Никогда не понимала, чем мы им так насолили, за что нас не любят, притом что мы столько внесли в мировую культуру...**

– Плевать им на нашу культуру. Как сказал наш разведчик Леонид Владимирович Шебаршин, генерал-лейтенант, начальник первого Главного управления КГБ, Западу от России нужно одно – чтобы её не было. С конца XVI века, как только Россия появилась в качестве мощной державы, в Европе разрабатываются планы её уничтожения. Ничего «личного»: ресурсы, православие, европейская же, но не западная, чуждая Западу цивилизация. Причём цивилизация очень успешная: она не только освоила огромную территорию – «евразийское неудобье», создав на ней цивилизацию модерна, но и является единственным государством, которое в течение 400 лет успешно противостояло Западу, не легло под него. Все остальные крупные страны стали либо колониями, либо полуколониями, либо встроились в фарватер англо-саксонского Запада в качестве его клиентов.

Подчеркну: Россия и в военно-техническом, и в цивилизационном плане смогла отстоять себя. Она создала европейскую же культуру, но альтернативную западной. Это хорошо видно по нашей литературе. Льва Толстого однажды спросили: что такое «Война и мир» в жанровом отношении – эпос, роман? Он ответил: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». Такое заявление о пренебрежении автора к условным

формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт ни одного примера противного». Толстой приводит в качестве примера «Капитанскую дочку» – что это? Повесть? Рассказ? Нет. Пример Толстого можно дополнить: «Евгений Онегин» – роман в стихах, «Мёртвые души» – поэма, «Былое и думы» Герцена – вне жанров. А произведения Достоевского – от художественных до «Дневника писателя»? Жанр – всегда отражение социальной реальности. Значит, русская литература отражает принципиально иную социальную реальность, чем Запад, и эта реальность создала самобытную культуру как свою авторефлексию. Не случайно Чубайс как-то сказал, что ему хочется порвать на куски все сочинения Достоевского. У него адекватное национально-культурное и классовое чутьё, он понимает, кто есть его и его социального слоя враг. Ну и мы, естественно, понимаем. А понимание обязывает к действию, это как в борьбе – бросок должен завершаться болевым приёмом.

Беседу вела Валентина Ефанова

Удел тех, у кого нет идеологии – пикник на обочине истории [48]

На вопросы газеты «Культура» отвечает Андрей Ильич Фурсов – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа; академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия); главный редактор журнала «Востоковедение и африканистика»; автор более 400 публикаций, включая 11 монографий; член Союза писателей России.

В. В этом году исполняется 25 лет встречи на Мальте Горбачева и Буша. Ваше видение того, что там произошло? Почему Мальта? Почему Горбачев приехал туда, побывав у папы Римского? После этого «процесс пошел с ускорением»?

О. Капитуляция Горбачёва, по сути – сдача соцлагеря и СССР, произошедшая 2–3 декабря 1989 г. на Мальте, – финальный акт довольно длительного процесса взаимодействия определённой части западной верхушки и определённой части советской верхушки. В послевоенный период на Западе оформилась молодая и хищная фракция мирового капиталистического класса – корпоратократия. Речь идёт о буржуазии, чиновниках, спецслужбистах и т. п., тесно связанных с транснациональными корпорациями и финансовым капиталом. В течение нескольких десятилетий они упорно шли к власти, стремясь потеснить государственно-монополистический капитал (ГМК) и связанный с ним сегмент мировых элит. Стратегия корпоратократии – подлинных глобалистов до глобализации – по отношению к СССР была принципиально иной, чем у ГМК-групп. Последние, начиная с 1960-х годов, стремились наладить широкий диалог с советской верхушкой и нашли у неё в этом отношении понимание. Корпоратократия, несовместимая с существованием Советского Союза как антисистемного капитализма, ориентировалась на узкий сегмент советской верхушки, который сделала своим союзником, а по сути – своим советским сегментом. В результате одной из линий борьбы внутри советской верхушки была таковая между традиционной

советской номенклатурой и неким Чужим – советским сегментом глобализирующейся корпоратократии».

Разумеется, обе стороны, особенно западная, не были искренни, но они стремились к диалогу. В глобалистских планах корпоратократии места СССР в её «прекрасном новом мире» не было; более того, этот мир не мог бы возникнуть без уничтожения СССР. На рубеже 1970–1980-х годов представители корпоратократии пришли к власти на Западе, потеснив ГК-группы, и развернули наступление против СССР. Здесь они нашли союзников, а точнее подельников: в 1970-е годы в Советском Союзе сформировался небольшой по численности, но весьма влиятельный советский сегмент мировой корпоратократии, в котором оказались представители номенклатуры, спецслужб, некоторых научных структур и крупные «теневики». Если корпоратократы Запада стремились оттеснить от власти ГК, то корпоратократы в СССР стремились (с помощью Запада) оттеснить от власти КПСС и поменять строй, превратившись в собственников. С этой целью во второй половине 1970-х годов была создана команда для решения этой задачи. Людей набирали недалёких, тщеславных, а самое главное – коррумпированно-замаранных, которыми легко манипулировать, а в случае чего можно легко сдать. Это и была «горбачёвская команда», большую часть которой использовали втёмную.

На рубеже 1988–1989 гг. Запад перехватил процесс демонтажа строя и превратил его в демонтаж государства СССР и надгосударственных образований, ядром которых он был. Недаром М. Олбрайт главную заслугу Буша-старшего видела в том, что он «руководил распадом Советской империи». Кульминацией этого «руководства» и стала декабрьская встреча на Мальте Буша-старшего с Горбачёвым, который тогда сдал всё, предварительно побывав у папы Римского, русофоба и советофоба Иоанна Павла II, по-видимому, благословившего «Горби» на капитуляцию исторической России, о чём Запад мечтал как минимум четыре столетия.

С последней трети XVI в. на Западе развивались два проекта установления контроля над Россией: протестантский (Англия, с XX в. – ещё и США) и католический (Священная Римская империя/Габсбурги – Ватикан). Визит Горбачёва сначала в Рим к папе Римскому, а затем на Мальту к Бушу-старшему весьма символичен. Он зафиксировал капитуляцию не просто СССР, а исторической России. Неясно,

насколько это понимал сам Горбачёв – а вот те его поделщики, которые более тесно контактировали с западными верхушками и начали это делать раньше генсека, например А. Н. Яковлев, прекрасно отдавали себе в этом отчёт. Ведь заявил же в одном из своих интервью Яковлев, что перестройкой они ломали не СССР, а тысячелетнюю модель развития России. Горбачёвщина – первая фаза этого слома, ельцинщина – вторая. Начало XXI в. отмечено противоречием между сохранением неолиберального курса в экономике и повороту к суверенитету во внешней политике. Ясно, что противоречие это не может просуществовать долго: либо – либо.

В. Сейчас есть ощущение, что Россия готовится к геополитическому реваншу после распада СССР. «Медведь не отдаст свою тайгу», – сказал Владимир Путин в Сочинской речи 24 октября 2014 года. Слова все воинственнее, а курс рубля все слабее. Цены растут, и уровень жизни снижается. Из какой исторической ловушки мы должны выскочить?

О. У меня нет ощущения, что Россия готовится к геополитическому реваншу. «Крымская виктория» – это, безусловно, достижение, особенно на фоне четвертьвекового геополитического отступления. Но виктория эта вынужденная, это упреждающая реакция на действия противника. Другого варианта действий в складывающейся ситуации у РФ просто не было: в противном случае к геополитическому поражению добавилась бы потеря лица – весь мир, включая ближайших соседей, понял бы, что об Россию можно вытирать ноги. В то же время Крым – это всего лишь выигранное очко в проигранной Россией почти четвертьвековой партии за Украину. Правящие группы РФ не смогли создать на Украине реальную пророссийскую силу, настоящих союзников России, не способствовали (мягко говоря) появлению на Украине массовых слоёв, ориентированных на Россию, на русский мир. А вот американцы, Запад в целом преуспел в создании антирусских орков, укронацистов, в распространении русофобии, в зомбировании населения. В такой ситуации Крым и не всегда последовательная поддержка Россией юго-востока Украины – ДНР и ЛНР – это отчаянные ответные меры, лишь смывающие позор целого 25-летия, но никак не тянущие на реванш или начало подготовки к нему.

«Медведь свою тайгу не отдаст» – замечательная фраза, но за словами должны следовать дела. Утверждение полного суверенитета требует не только великодержавного курса во внешней политике, но также установление суверенитета в экономической сфере (прежде всего финансовой, банковской) и информационной. У нас же есть банки напрямую зарегистрированные в налоговой службе США, есть банки – по сути дочерние структуры филиалов Федеральной резервной системы. Это мало похоже на экономический суверенитет. Что касается СМИ, то сегодня в этой области ситуация лучше, чем 5–7 лет назад, во время украинского кризиса государственно-ориентированные СМИ подавили пятоколонные – впервые за всю историю существования РФ. И тем не менее мы прекрасно видим, что прозападные СМИ, чья точка зрения практически полностью совпадает с точкой зрения Госдепа США, а по сути есть её реализация в нашем информационном пространстве, до сих пор активны. А это значит, что до конца суверенитет в этой области не обеспечен. Обратите внимание, как англосаксы воюют за информационный суверенитет, наплевав на внешние приличия. Последний пример – действия британцев против «Russia Today», которой просто предложили поменять редакционную политику под угрозой отключения. А ведь то, что позволяет себе корректная «Russia Today» ни в какое сравнение не идёт с тем, что делают, например, «Эхо Москвы» или «Дождь». (Я ни в коем случае не сравниваю высокопрофессиональную и защищающую наши национальные интересы «Russia Today» с «эходождями», я сравниваю ситуацию.)

Я уже не говорю о том, что битву за суверенитет, за великодержавность олигархическая финансово-зависимая, сырьевая система выиграть не может. Когда-то Клинтон сказал, что США позволят России быть, но не позволят ей быть великой державой. Реванш России – это возвращение великодержавного статуса, что невозможно на олигархической сырьевой основе.

В. Такое ощущение, что Путин должен решить сразу четыре великих задачи: победить новых кочевников и Хазарию как Святослав, придумать «мессианскую идею» как Василий III (а ля «Москва – третий Рим»), провести опричнину как Иван Грозный (задавить «пятую колонну») и создать альтернативный Западу

социально-экономический уклад, основанный на идее социальной справедливости (как Сталин). Можно ли это утверждать? Или у вас другая картинка, другие «исторические рифмы» к нашему времени? Какие?

О. Мессиянские идеи не придумываются. Они рождаются в борьбе в ходе кризисов. Неокочевники и Хазария – это, если я правильно понимаю, глобалисты и их союзники, а точнее агенты в России. Победить их, действительно, можно только чем-то вроде неоопричнины. Она же – условие создания нового социально-экономического уклада, основанного на принципах социальной справедливости. Прежде всего необходимо справедливое распределение национального продукта. А начинать надо с Конституции. С одной стороны, надо привести реальность в соответствии с рядом её положений (например, с положением о том, что РФ – социальное государство). С другой – убрать те положения, которые сварганили ельцинские холуи под диктовку американских «консультантов» (например, положение о примате международного права над российским). Однако сказать всё это – значительно легче, чем сделать. «Сделать» – это означает серьёзную и опасную борьбу, требующую политической воли и отождествления групповых интересов с общенациональными. Как известно, без борьбы нет побед. Альтернатива бездействию одна – распад страны в результате комбинации внутренних неурядиц и внешнего давления.

В. Вы писали: «Чтобы побеждать в мировой игре, нужно новое знание и креативный спецназ». Но драма в том, что у нас нет образа будущего. Нам предлагают реанимировать прошлое. Либо «СССР 2.0», либо «Православие. Самодержавие. Народность». Либо христианско-исламский – евразийский социализм без ссудного процента. Так в чем русский интерес? Да и надо ли мыслить только «русскими категориями и масштабами»?

О. Примерно это я и писал, но вместо «креативный» у меня было «интеллектуальный». Слово «креативный» я на дух не переношу. У нас вдруг всё стало «креативным»: «креативный менеджер», «креативный директор», даже «креативный класс» появился – так величает себя офисный планктон. То, что у нас нет образа будущего и, как следствие, стратегии его достижения, неудивительно – у нас нет идеологии, это

даже в конституции записано. А у США есть. И у Китая есть. И у Японии. И у других успешных государств. Без идеологии невозможно сформулировать ни цели развития, ни образ будущего – ничего. Удел тех, у кого нет идеологии – пикник на обочине Истории. Ни один проект, обращённый в будущее, не сработает, ничего нельзя реставрировать – ни СССР, ни Российскую империю.

Поразительно, но наша власть в силу каких-то причин (по-видимому, исходного социального родства) пытается установить преемственность именно с Российской империей, акцентируя МФБ-комплекс (монархизм, феврализм, белогвардейщина) и противопоставляя его советскому периоду. А ведь царская Россия была тупиком, СССР решил такие задачи, о которых самодержавие даже подумать не могло: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – это советский принцип. В отличие от Российской империи последних 50 лет существования, Советский Союз ни от кого не зависел, был не просто государством, а альтернативной капитализму мировой системой. Вольно кому-то выбирать тупик и неспособных предложить образ будущего «поручиков голицыных», но это пораженческая стратегия. Однако и СССР при всех его победах – тоже прошлое. Нужна новая модель исторической России, Большой Системы «Россия». Время империй прошло, но и время национальных государств тоже – они не могут противостоять глобальному тоталитаризму транснациональных компаний и закрытых наднациональных групп мирового согласования и управления. Нужны новые формы, нечто вроде импероподобных образований с населением не менее 300 млн. (экономическая самодостаточность в условиях нынешнего «технологического уклада» при всей условности этого термина). Ядро – ВПК, армия, флот, спецслужбы и реформированная (реально, а не на фаношный лад) наука. Импероподобные образования должны комбинировать иерархически-институциональный и сетевой принципы организации и прирастать территориальными анклавами, разбросанными по всему миру. Это и есть новый мировой порядок, альтернативный и англосаксонскому капитализму, и психоинформационному тоталитаризму глобалистов, подталкиваемому ему на смену.

Ошибочно противопоставлять глобалистам евразийскую модель как региональную – мировые игры выигрываются на мировой арене. Показательно, что из трёх доктрин, которыми в разное время

руководствовались Большая Система «Россия» – «Москва – Третий Рим», «православие, самодержавие, народность» (негативная калька с масонской триады) и «Москва – Третий Интернационал» – успешными оказались первая и третья, а вторая ничего не дала. Успех был обеспечен универсализмом, мировым замахом, выходящим не только за российские, но и за евразийские рамки. Любая регионально ограниченная или имперская, но не берущая в расчёт социальное содержание, стратегия и доктрина для России и в России не работает. Новое импероподобное образование должно строиться на основе традиционной русской ценности – социальной справедливости. И уж конечно оно не должно быть капиталистическим: и потому что Россия – имманентно вне(анти)капиталистическая, антибуржуазная страна, и потому что капитализм отжил своё во всём мире и его хозяева спешно демонтируют его.

В. Вы прогнозируете, что капитализм заканчивается и мир придет к распределительной системе ресурсов, а власть будет магической? Что это значит?

О. В основе капитализма лежит капитал – овеществлённый труд, реализующий себя как самовозрастающая стоимость в процессе накопления. Капитал – это из разряда вещественных факторов производства. Наличие или даже господство финансового капитала на этой основе не меняет ситуацию. Ситуацию меняют сдвиги в производстве – в конце XX в. на первый план в самом материальном производстве вышли его невещественные, информационные факторы. Не отменяя индустриального производства, надстраиваясь над ним («гипериндустриальное производство»), информационная составляющая, «начинка» приобретает доминирующее положение, а капитал превращается в электронный сигнал. Высокоразвитые информационные технологии внешне мало отличаются от магии, хотя и не являются ей. А вот соединение высоких технологий с установкой на контроль над психосферой порождает техно-магическую среду и адекватную ей власть. Если к этому добавить повсеместный разгром образования, иррационализацию сознания и поведения («революция хаоса» – управляемого, но нередко выходящего из-под контроля), а также ресурсный кризис и угрозу геоклиматической катастрофы, тот

все компоненты той власти и того порядка, что готовят миру «хозяева мировой игры» становятся ясны.

На пути реализации этих планов только одно – Россия, русский культурно-исторический тип, контролируемая им территория. А потому битва за будущее – это битва за Евразию. Она уже идёт полным ходом. Если по поводу сирийского кризиса можно было сказать словами из гайдаровского «Мальчиша-Кибальчиша», «будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит... будто пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов», то по украинскому кризису это будет: «Пришла беда, откуда не ждали! Напал на нас из-за Чёрных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды», а наци-плохиши под сало с горилкой сдают свою страну. И не надо иллюзий: напали на нас, на Россию, оккупировав Украину и используя её в качестве плацдарма. Бандероукраина, эта колония США – таран Запада против России, против Евразии. Когда-то Константин Леонтьев сказал, что чехи – это то оружие, которое славяне отбили у немцев и направили против них. Сегодня впору говорить о том, что укры – это то оружие, которое Запад отбил у русского мира, у славян и против них же направил, чтобы славяне убивали славян. Каша на нашей западной границе заварена всерьёз и надолго, и наш геополитический противник постарается связать украинский фронт с ближневосточным, создав промежуточный – кавказский, от которого линия может протянуться до Средней Азии. Опять из «Кибальчиша»: «Видно будет у нас... не лёгкий бой, а тяжёлая битва». Это не алармизм – «кто предупреждён, тот вооружён». Грядёт последняя Большая Охота эпохи капитализма, и наша задача поменяться местами с охотником, превратив его в дичь. Жёстко? А не надо нас трогать, не буди лихо, пока оно тихо. Тайга – штука суровая, и медведь в ней прокурор. А также исполнитель приговора.

Русофобия – психоисторическое оружие верхушек запада в борьбе против России [\[49\]](#)

I

Конференция на тему «русофобия» в нашей ситуации запоздала как минимум на четверть века. Я говорю «в нашей», имея в виду следующее. Последние три-четыре года наглядно продемонстрировали всем – кто не слеп, тот видит, – что Запад останется врагом России независимо от того, какой у нас будет строй, вот и американские военные уже заговорили о том, что отношения США и России останутся конфронтационными даже после ухода Путина. Ну а министр обороны Германии, мать семи детей, 22 июня 2015 г. сделала заявление о том, что с Россией нужно вести дела с позиции силы. Дата заявления выбрана, по-видимому, не случайно. Госпожа министр забыла, чем закончилась попытка её соплеменника и создателя первого Евросоюза начать 22 июня 1941 г. разговор с Россией с позиции силы. Хоть бы детей своих пожалела; забыла, болезная, судьбу деток Геббельса и красный флаг над рейхстагом?

Повторю, конференцию запоздала, но лучше поздно, чем никогда, хотя потеря времени, темпа, как сказали бы шахматисты, налицо. Ясность всегда нужна, особенно нужна ясность по поводу исторических противников, а попросту говоря – врагов. Ослабление и подчинение России, стирание идентичности русских как державообразующего народа с целью установления контроля над русскими ресурсами и пространством (значение и ценность последнего возрастает по мере роста угрозы геоклиматической катастрофы) – давняя цель правящих групп Запада. В систематическом виде эта цель была сформулирована в последней трети XVI в. в католической (Габсбурги) и протестантской (Англия, Джон Ди) версиях.

Стремление подчинить огромную территорию, разрушить контролирующее её государство и покорить, сломить

государствообразующий народ обосновывалось якобы враждебным по отношению к европейцам характером государства и народа России, их агрессивностью – мнимыми, разумеется: «*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*». Особый акцент при этом делался на конфессиональную инаковость русских – их православие. Вплоть до 1820-х годов акцентирование инаковости русских по отношению к западноевропейцам носило преимущественно религиозный характер, хотя имела места и национальная, а точнее, этническая составляющая. С 1820-х годов ситуация изменилась: на первый план в информационно-психологической (психоисторической) войне против России вышла этноисторическая, национально-культурная и государственно-политическая составляющие, т. е. оформляется русофобия в строгом смысле слова. Собственно, можно сказать, что с выходом этих составляющих, т. е. с русофобией, на первый план и начинается всерьёз психоисторическая война Запада против России. Это – качественный сдвиг, однако прежде чем говорить о нём, следует определить, что имеется в виду под терминами «психоисторическая война» и «русофобия».

II

Психоисторическая война – это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых – установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты с постепенным выходом за рамки первичных целевых групп воздействия и последующим стиранием атакуемой психосферы и замещением её своей.

Основные сферы («фронты») ведения психоисторической войны – образование, обществоведческая наука, СМИ (последние точнее называть СМРАД – средства массовой рекламы, агитации и дезинформации), рассчитанные на слабоумных, пускающих слюни восторга от лицезрения салонных дебилов, которые обсуждают то, о чём якобы «все говорят», а по вечерам ещё и типа шутят.

Транснациональные СМРАД с формальной государственной привязкой стремятся представить Россию, существующий в ней

властный режим, его главного персонификатора чуть ли не врагом человечества № 1. «Режим – преступный», «русские аннексировали Крым», «Россия ведёт войну против Украины», «на России лежит вина за сбитый малайзийский «Боинг», «Россия присвоила ресурсы Сибири, которые не способна освоить», «в России преследуют гомосексуалистов» и т. п.

Ясно, что уже в конце XX в. журналистика (как обычная, так и телевизионная) деградировала, изжив себя, и из профессии превратилась в занятие; ясно также, что западный обыватель равнодушен и верит своим СМИ; ясно, что «пятая колонна» в РФ исполняет свой стриптиз прежде всего для внешнего потребителя, отрабатывая чужеземные сребреники, загранпоездки, награды; ясно, что спорить с ними бессмысленно. И, тем не менее, хочется спросить: если с 1991 г. по наши дни по миру прокатилось больше войн, чем в 1945/50-1991 гг., если все они так или иначе были организованы Западом, то при чём здесь Россия? Нет ни одного доказательства, что «Боинг» сбили ополченцы и, напротив, немало свидетельств тому, что это сделали украинцы. В России нет закона о преследовании гомосексуализма, который ныне не только (в глазах многих) уже не является половым извращением, но стал чем-то значительно большим, а именно – пропуском в элитные и/или околоэлитные круги, знаком причастности к ним: готовность переступить через биологическое естество и традиционные социальные нормы есть знак лояльности Хозяевам мировой игры, символ готовности подставить зад не только в прямом, но и в переносном смысле слова (чем это отличается от опускания в тюрьмах? Добровольным характером? Чем это отличается от вылизывания зада вожаку в стае бабуинов? Тем, что этим занимаются люди? Люди ли?)

За всеми липовыми обвинениями западной верхушки в адрес России скрывается, если счистить шелуху, страх перед единственной незападной страной, которая не просто не легла под капиталистический Запад в качестве колонии или полукolonии, не только успешно сопротивлялась ему, но в течение четырёх столетий наносила ему поражения, а в XX в. создала альтернативную капитализму мировую систему – системный антикапитализм. Русские – не Запад, но в то же время европейцы (другие европейцы) создали альтернативную западной европейскую же культуру, основанную на русских ценностях.

Кто-то верно заметил, что если героев западных писателей первого ряда (Бальзак, Диккенс, Золя) волнуют деньги и карьера, то героев русских писателей первого ряда (Толстой, Достоевский) занимает смысл жизни, вопросы нравственности. Россия – это другая христианская Европа, нежели Запад, другая Европа, распространившаяся на всю Северную Евразию и живущая по своим правилам, и уже тем самым неприятная Западу – и неприемлемая. Отсюда – агрессивная русофобия как важнейшее оружие психоисторической войны против России.

Основные уровни ведения психоисторической войны – информационный, концептуальный, метафизический (смысловой). На информационном – простейшем – уровне происходит искажение фактов; концептуальный уровень – это интерпретация и пакетирование информации («фактов», которые в случае ложной интерпретации превращаются в фальшь-факты) определённым образом, навязывающие объекту воздействия выгодное субъекту видение; метафизический (смысловой) уровень – это высший пилотаж психоисторической войны, здесь происходит главное: уничтожение смыслов, характерных для объекта воздействия («мишени») и подмена их чужими с целью лишить «мишень» её метафизики и воли к сопротивлению.

Одной из линий, проходящей сквозь все три уровня, является создание негативного образа «мишени» и – программа-максимум – внедрение его в доминирующие группы общества-мишени (автофобия, ненависть к своему, к самим себе – приязнь к чужому). Их стараются приучить к мысли, что они якобы почти свои, почти европейцы/американцы в глазах Запада; надо только чуть-чуть постараться и избавиться от «почти» – если не возненавидеть, то презирать свою страну и сдать её Западу, превратившись в нечто вроде старост при оккупационном режиме. Конкретный пример автофобии – русофобия. Русофобия как идея – это неприязнь (вплоть до ненависти) к русским как к таковым, к русскости как историческому типу и опыту, к его носителям – их идентичности, истории, ценностям, психотипу, образу мысли, жизнебытию. Русофобия как практика – это комплекс действий (информационных, экономических, политических и других), имеющих своей целью принижение и подавление русскости как психоисторического комплекса. Русофобия как стратегия – это стремление установить контроль над русскими как особой этно-исторической державообразующей целостностью с последующим

уничтожением, стиранием их из истории, растворением в других народах.

Не редкость и практическая реализация русофобии. В широком масштабе крайние формы этого продемонстрировали нацисты во время Великой Отечественной войны; в наши дни симпатизирующие нацистам власти стран Прибалтики и Украины – с молчаливого согласия, если не одобрения Евросоюза и США реализуют русофобию в виде дискриминации русских в этих странах. На уровне пропаганды оголтелая русофобия характеризует действия представителей политической и медийной сфер Запада в последние несколько лет. По своему накалу это превосходит антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду времён Холодной войны; тогда, если и затрагивали русских, то косвенно, более или менее завуалированно – удары наносились по коммунизму; по советской системе, по коммунистической идеологии.

Впрочем, кукловоды и их обслуга прекрасно отдавали себе отчёт: борьба ведётся хоть и против советской, но России. Открыто и ясно об этом в конце 1990-х годов высказался Зб. Бжезинский в интервью парижскому журналу «Le nouvel observateur». На вопрос о борьбе Запада и в частности США с коммунизмом Бжезинский ответил в том смысле, что не надо себя обманывать: мы (Запад) «боролись не с коммунизмом, а с Россией, как бы она ни называлась». Показательно, что этот подход своих хозяев чётко усвоил один из «прорабов перестройки» А. Н. Яковлев: в одном из последних интервью он заявил, что перестройкой её агенты ломали не только Советский Союз, но всю тысячелетнюю модель русской истории. В обоих случаях (Бжезинский и Яковлев) мы имеем дело с русофобией в её практической реализации.

Здесь важно отметить, что советофобия есть всего лишь скрытая, завуалированная форма русофобии. И сколько бы ни пытались иные хулители советского прошлого обосновать свою позицию исконно русским патриотизмом, православием, величием Российской империи, которую как нечто положительное противопоставляют Советскому Союзу (МФБ-комплекс: монархизм, февразизм, белогвардейщина как позитив отечественной истории), неприятием сталинизма и т. п., реально их хула носит русофобский характер. СССР – это во многих отношениях цивилизационный пик русского развития: это реальный русский модерн; это реальное развитие; это мировая фаза русской

истории; наконец, это единственная в истории социальная система, в основе которой центральная русская ценность – социальная справедливость.

Враги России, русофобы, как за рубежом, так и в самой РФ прекрасно это понимают: советофобская кампания, очернение советского прошлого, советских достижений, советских побед – это удар по России, по русскому «короткому XX веку» (1917–1991), доказавшему историческую состоятельность, победительность русскости именно в её советской форме. Не случайно значительную роль в развитии русофобии на Западе и в частности в США сыграло советологическое экспертное сообщество. Немало его представителей работали в разное время в различных администрациях США. Среди этих людей хватало людей из Восточной Европы или их потомков – поляки, чехи, евреи, украинцы, румыны и т. д. Как правило, все они, будь то Зб. Бжезинский или Пола Добрянски (дочь бандеровцы-русофоба, подвизавшаяся в администрации Буша-младшего), Вулфовиц или Перл – имя им легион – ненавидели СССР именно как могучую форму исторической России. Отпечаток этой ненависти лёг на советологические штудии – не на все, разумеется, немало было серьёзных и интересных работ, а среди выходцев из Западной Европы далеко не все были ненавистниками СССР/России. Но... тенденция, однако.

С разрушением СССР советологи, казалось, останутся без работы, но они быстро переквалифицировались из «кремленологов» в специалистов по постсоветскому Кремлю. А ненависть осталась, причём теперь её не надо было прятать в антикоммунистические одежды. С каждой новой администрацией после Буша-старшего таких экспертов в истеблишменте становилось всё больше, росла их активность, достигшая максимума во время антипутинской истерии; многие «косяки» верхушки США в отношении России следует отнести на счёт той картины, которую рисовал русофобский сегмент экспертного сообщества. Проблема, однако, в том, что у нас к этой русофобской публике до сих пор относятся всерьёз, как к учёным, тогда как на самом деле перед нами рядовые и офицеры информационной войны (независимо от национальности – будь то Фиона Хилл или Лилия Шевцова) и вступать с ними в чисто научные дискуссии с целью поиска истины по меньшей мере глупо. Цель врага – не поиск истины, а

нанесение ущерба России: в данном случае на научно-информационном фронте психоисторической войны. И если раньше русофобы рядились в тогу антикоммунистов, то сегодня на них наряд «критиков путинского режима» и борцов за «истинную демократию в России». Что это за «демократия» мы видели в 1993, 1996 и 1998 гг. Демократия с лицом ельциногайдарочубайса? Спасибо, не надо. Русофобия меняет лишь форму, суть остаётся прежней – она практически не изменилась с 1820-х годов.

III

Именно в это десятилетие стартовала русофобия как базовое оружие западных верхушек в психоисторической войне «против России, как бы она ни называлась». Время «запуска» русофобии выбрано было не случайно: именно тогда Россия стала смертельным врагом трёх сил, организовавших Французскую революцию 1789–1799 гг. (или активно способствовавших её возникновению и развитию) и начавших строить свой новый мировой порядок сразу же после завершения реализации её «экспортного варианта» – Наполеоновских войн.

Во-первых, это Великобритания, боровшаяся за гегемонию в мировой капиталистической системе с Францией и одержавшая над ней победу силами прежде всего России. Последняя именно из-за победы над Наполеоном, превратившей её в сильнейшую континентальную державу, стала в глазах британцев противником № 1.

Во-вторых, это относительно новый европейский финансовый капитал, поднявшийся как таковой именно в ходе Французской революции и Наполеоновских войн – благодаря этим явлениям. Речь идёт, прежде всего, о Ротшильдах, уже в 1818 г. продиктовавших свою волю крупнейшим западноевропейским державам (Австрии, Пруссии, Франции) – но не России. Как и масоны и иллюминаты, Ротшильды (в финансовых интересах) сразу же после разгрома Наполеона заговорили о чём-то похожем на мировое правительство, и 1818 г. стал наглядной демонстрацией их претензий. Ротшильдов поддержали и другие банкиры – британские и швейцарские. Однако на пути реализации этих планов оказалась Россия – сначала Александра I, а затем Николая I,

причём планов не только политических, но и экономических: русские цари не позволяли западному финансовому капиталу разгуляться в России, ограничивали его.

Именно в 1820–1840-е годы начинается противостояние Ротшильдов – ударной силы западного (главным образом, еврейского) капитала и Романовых, т. е. тогдашней России, её властного режима; показательно, что когда эмиссары Александра II и Александра III пытались договориться с Ротшильдами о мире (т. е. о том, чтобы те перестали спонсировать антиправительственное движение в России в 1870–1890-е годы) им было отвечено, что с Романовыми мир для Ротшильдов невозможен. Надо ли говорить, что Ротшильды – главные союзники (и спонсоры) британской короны и определённой части британского истеблишмента (причём не только еврейского)? Надо ли говорить, что в своей вражде к России они совпали с Великобританией как государством?

В-третьих, конец XVIII – первая половина XIX в. – период резкой активизации европейского масонства, этой исторически первой формой закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления. «Эпоха революций» (Э. Хобсбаум) 1789–1848 гг. в значительной степени была эпохой масонских революций – в том смысле, что последние проходили под масонскими лозунгами («свобода, равенство, братство»), масоны составляли руководящее ядро сил, направлявших и руководивших революциями, т. е. были субъектом, использовавшим реальные структурные противоречия Старого порядка, превратив их в системные; масонские структуры выступали скрытой формой политической организации буржуазии и обеспечивали – по «братской линии» – оргформы сговора и компромисса с частью аристократии; наконец, масоны (или их ставленники) часто оказывались во главе послереволюционных государств – произошло огосударствление масонства как комплекса закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления.

Именно в «эпоху революций» резко усилилась практически беспрепятственная экспансия масонства в Европе – опять же, за исключением России. Здесь, несмотря на рост числа масонских лож, они столкнулись с властью русского самодержавия. Надо ли говорить, что русское самодержавие (особенно в правление Николая I) стало смертельным врагом масонства, прочно обосновавшегося у руля ряда

европейских государств? Надо ли говорить о том, что практически все континентальные европейские ложи контролировались британцами – британскими островными ложами, тесно связанными и с британским истеблишментом и с «высокими финансами»? Надо ли говорить, что в своей вражде к России они совпали с ними, образовав единый антироссийский союз, эдакого русофобствующего Змея-Горыныча о трёх головах?

Каждая «голова» в борьбе с Россией преследовала свои цели. Великобритания стремилась резко ослабить Россию, следуя традиционному курсу недопустить возникновение/существование континентального гегемона, тем более способного в силу своего местоположения бросить ей вызов на Востоке. Финансисты стремились поставить Россию, её власть под финансовый контроль, чтобы делать свои мегахешефты. Масоны стремились к уничтожению самодержавия и замене её подконтрольной «братским» европейским ложам республикой, которая будет заведомо слабее самодержавной монархии. Так оно и вышло после февральского переворота 1917 г., в котором интересы западного Горыныча совпали с интересами определённых групп в России, которые Запад использовал главным образом втёмную. Однако февраль 1917-го стал результатом длительного, почти векового пути, на который противники России – союз государства Великобритании и наднациональных экономических и политических сил Запада вступил в 1820-е годы, при этом для подрыва России все участники союза использовали друг друга: Великобритания – финансистов и масонов, финансисты – масонов и Великобританию, масоны – Великобританию и финансовый капитал.

По сути эти участники представляли собой не сумму, а целое, единую политико-экономическую систему, оформившуюся в значительной степени для борьбы с Россией, в ходе борьбы с Россией и для дележа плодов победы этой борьбы. Победа, о которой идёт речь, требовала войны – победы над победителем Наполеона. Подготовка к такой войне, в свою очередь, предполагала психоисторическую (прежде всего) информационную обработку властных и интеллектуальных элит как в Европе, так и в самой России. Средством такой обработки и стала сконструированная и запущенная в 1820-е годы русофобия. За 1830–1840-е годы русофобия морально, информационно и политически подготовила целое поколение европейцев к войне; причём русофобию

стали демонстрировать европейцы принципиально разных политических взглядов: квазилибералы (Дизраэли), архиконсерваторы (архиепископ Парижский), ультраревOLUTIONеры (Маркс). Урок 25-летия, предшествовавшего первой общезападной войне против России – Крымской – прост: информационная война, при прочих равных, всегда является подготовкой к обычной войне (даже если последняя по каким-то причинам и не состоится – это уже другой вопрос).

IV

Именно в 1820–1830-е годы русофобия начинает проникать в саму Россию и распространяться среди определённой части властных и интеллектуальных элит. В основе русофобии части самих русских элит лежал тот факт, что с XVIII в. они жили по потребностям не столько российской «системы работ» (К. Маркс), т. е. по таким потребностям, которые могли быть удовлетворены уровнем развития русского хозяйства, а по потребностям верхов обуржуазивающегося Запада. А ведь там система работ была совершенно иной; благодаря природно-климатическим условиям прежде всего Гольфстриму, продуктивность сельского хозяйства, а следовательно, совокупный общественный продукт Запада значительно превышал российский. Это не говоря о том, что в XVIII–XIX вв. западные верхушки грабили колонии и полуколонии, сажали на наркоиглу целые народы и таким образом резко увеличивали своё богатство.

Жизнь 20–25 % господствующего сословия России в соответствии с западными потребностями требовала усиления эксплуатации населения. За одно лишь правление Екатерины II она выросла в 3–3,5 раза, а впереди ещё был XIX век, который М. О. Меншиков назвал *«столетием постепенного и в конце тревожно-быстрого упадка народного благосостояния в России»*. *«Желая иметь все те предметы роскоши и комфорта, – писал Михаил Осипович, – которые так обычны на Западе (подч. мной. – А. Ф.; но не обычны в России. – А. Ф.), мы вынуждены отдавать ему не только излишки хлеба, но, как Индия, необходимые его запасы. Народ наш хронически недоедает и клонится к вырождению, и всё это для того, чтобы поддержать блеск европеизма, дать возможность небольшому слою капиталистов идти*

нога в ногу с Европой». Т. е. речь идёт об изъятии не только прибавочного, но и части необходимого продукта как цены за жизнь части верхушки (и её услуги) по стандартам буржуазного Запада.

Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение части русского «образованного общества» к народу, к русским как к «дикарям», «азиатам» и т. п. Вот на эту почву и легла русофобия, уже в 1860–1870-е годы доросшая до смердяковщины с её сожалением о том, что «умная нация», т. е. французы, не завоевала «глупую нацию», т. е. русских. Важно, что объектом русофобии был не только русский народ, русская культура и т. д., но – во многих случаях – и русская государственность, самодержавная власть. Дело в том, что самодержавный центроверх в своих интересах отчасти ограничивал эксплуататорские аппетиты русской верхушки, а потому тоже становился объектом русофобской критики как «азиатская деспотия», «система произвола» и т. п. В таком подходе часть российской верхушки и российского капитала в своей русофобии совпадала с западными противниками России – как государствами (Великобритания, Франция), так и надгосударственными (масонство). Для русофобов характерна неприязнь, ненависть как к русскому народу, так и к русской власти – и чем эта власть сильнее, чем самостоятельней по отношению к Западу, чем больше учитывает интересы народа, социального целого, тем больше ненависть, тем яростнее русофобия. Одним из главных мотивов ненависти антисоветчиков к советской власти было то, что они воспринимали её как власть простонародья или, как минимум, как власть, которая худо-бедно защищала его интересы, не позволяя разгуляться потенциальным хищникам. Откровенный оскал последних обозначился в 1990-е годы и позже, найдя в последние годы своё выражение в терминах типа «ватники», «анчоусы», «портянки» и т. п. Таким образом, русофобия – явление не только, а возможно и не столько социокультурное, цивилизационное, сколько классовое. Т. е. цивилизационное по форме, классовое (и геополитическое) по содержанию. Об этом нужно всегда помнить.

С XIX в. наднациональный проект верхушек коллективного Запада «русофобия» прошёл несколько стадий в своём развитии. То, что мы видим сегодня – логическое развитие русофобии, вызванное тем, что РФ после периода ельцинщины и невнятных «нулевых» начала демонстрировать наличие у неё во внешней политике своих геополитических и геоэкономических интересов, наличия чего-то похожего на государственный суверенитет, по крайней мере, во внешней политике (хотя в действиях РФ в Крыму, на Украине и особенно в Сирии, конечно же, реализуются интересы и крупного нефтегазового бизнеса). За время поздней горбачёвщины и ельцинщины (1989–1999) Запад настолько отвык от подобного поведения России, что в своё время даже умеренно-жёсткая речь В. В. Путина в Мюнхене вызвала бешеную реакцию (чего стоит лишь название статьи из «Лос-Анджелес Таймс» по этому поводу: «Вошь, которая зарычала»). Что же говорить об их реакции на поведение РФ в сирийском и украинском кризисах?

Нынешняя русофобская кампания на Западе имеет все признаки подготовки к новой общезападной войне против России, и она обязательно начнётся, если враг почувствует слабость и возможность нанести удар, за которым не последует возмездие. Развёрнутая кампания русофобии имеет целью сделать нас максимально слабыми (заставить опустить глаза, как сказал бы Тацит) и убедить население Запада в моральном праве Запада начать войну против России как агрессора, носителя ретроградных ценностей, помехе «нормальному» (т. е. дегенеративно-западному) развитию и т. п.

В самом общем плане для того, чтобы не допустить войны и тем более поражения, если её всё же развяжут, чтобы опрокинуть и победить супостата, необходимо быть сильными. И надо готовиться – быстро: темп планирования и подготовки в любой войне, тем более в информационной, имеет решающее значение. Более конкретно, необходимо эффективно противостоять русофобии, подавляя её как внутри страны, атакуя «пятую колонну», так и за её пределами – на мировом уровне. Борьба с русофобией как психоисторическим оружием должна вестись на всех уровнях психоисторической войны, с учётом всех её аспектов – таких как:

- 1) конкретно-информационный;
- 2) юридический;

- 3) медийный;
- 4) научно-концептуальный;
- 5) образовательный.

В конкретно-информационном плане необходимо отслеживание, инвентаризация и каталогизация русофобских:

- идей;
- действий;
- организаций;
- лиц;
- связей организаций и лиц с определёнными политико-экономическими структурами (основное внимание – финансам, спецслужбам, НКО). Здесь важны и нужны различные инфоцентры – как институциональные, так и сетевые; как те, что работают в режиме тотального автоматического слежения, так и центры, действующие в режиме свободного поиска, свободно переходящие из режима активного ожидания в режим активного противодействия – и наоборот.

В юридическом плане необходимо постоянное правовое давление, преследование русофобских организаций и лиц – так как это делают соответствующие еврейские организации по отношению к юдофобам. Есть «знаменитая» 282-я статья, которую в народе окрестили «русской». Надо сделать её антирусофобской. В медийном плане необходимо постоянное разоблачение русофобии и русофобов (индивидуальных и коллективных), вскрытие стоящих за ними политико-экономических интересов и сил, создание вокруг них обстановки моральной нетерпимости. В научно-концептуальном плане необходима разработка проблем истории русофобии, теории и методов противодействия ей. Это должно найти отражение и в образовательных программах. И здесь опять же есть чему поучиться у евреев, научные структуры которых разрабатывают такие темы как история семитизма, холокост. Нам нужны разработки истории русофобии и при этом нужно помнить, что главные жертвы (в абсолютном измерении) холокоста в широком цивилизационном смысле – русские, славяне.

Всё это, однако, конкретика, а как говорил В. И. Ленин, тот, кто берётся за решение общих вопросов без предварительного решения частных, тот на каждом шагу будет наткаться на эти нерешённые вопросы. Конкретные меры борьбы с русофобией рискуют остаться полумерами без реализации ряда общих дел. Например, борьба с

русофобией предполагает борьбу за реальный суверенитет – и наоборот. У нас, если и можно говорить о восстановлении суверенитета, то пока лишь по линии внешней политики. Однако без приведения в соответствие с внешним курсом внутреннего реальный суверенитет недостижим. Суверенитет в экономической, научной и, пожалуй, самое главное, в образовательной сфере – вот необходимые условия обеспечения реального суверенитета, который, помимо прочего, представляет собой мощнейший удар по русофобии.

Далее. Действенная борьба с русофобией требует от власти («режима») дистанцироваться от горбачёвщины и ельцинщины и дать им чёткую политико-правовую и морально-историческую оценку. Для русофобского сегмента властной верхушки, родившейся с печатью предательства, капитуляции и социального разрушения (включая разграбление страны и разрушения её военного и научно-образовательного потенциала), это будет серьёзный удар.

Борьба Запада и «пятой колонны» с Россией и русскостью, т. е. практическая русофобия развивается и по линии внедрения в нашу жизнь не просто не русских норм и ценностей, но таких ценностей и норм, которые прямо противоположны русскому социально-духовному коду. Я имею в виду рекламу и апологию потребления как цели и смысла жизни, эгоизма – социального и индивидуального, космополитизма, карьеризма (под маской так называемой «конкурентоспособности») и т. п. Борьба и на этом фронте – это хотя и косвенное, но, тем не менее, весьма важное противостояние русофобии.

Россия со всей очевидностью вступила в угрожаемый период, русофобские информационно-пропагандистские атаки достигли такого накала, после которого за «метафизикой» весьма вероятно последует «физика» – Большая Охота на Россию. Наша задача не допустить этой Охоты, а в случае её старта превратить охотника в дичь, а сам старт сделать финалом – не нашим, естественно.

---

notes

Примечания

Статья написана по докладу «Истоки великой русской Смуты» на «круглом столе» «Уроки национально-освободительной борьбы 1612 г. Для современной России». Москва, Государственная Дума РФ, 9 ноября 2012 г.

Опубликовано в: Брюханов В. А. Трагедия России. Царевбийство 1 марта 1881 г. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. С. 7–69.

Кругман П. Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века. – М., АСТ, 2004. – С. 323.

Кошен О. Малый народ и революция. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 24.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М.: Pretext, 2005. – С. 49.

Цит. по: *Войтович М. А.* Охранка и масоны. Исторические очерки. М., 2006. – С. 11.

Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма. – М.: Поколение, 2006. – С. 72.

Knupffer G. The struggle for power. Revolution and counterrevolution.
L: The plain speaking publishing co., 1971. – P. 195.

Горяинов С. А. Алмазы Аллаха. – М., 2004. – С. 104.

Этот процесс отлично описан в работе М. Паренти «Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США». М.: Поколение, 2006.

Хархордин О. Что такое государство? Европейский контекст / Понятие государства в четырёх языках. – СПб. – М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. Летний сад, 2002. – С. 197.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Биг Чарли, или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // *Русский исторический журнал*. Т. II, М., 1998, № 2, с. 367–394; *его же*: Идеология и идеология / *Кустарёв А.* Нервные люди. Очерки об интеллигенции. М.: КМК, 2006, с. 12–36.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Колокола Истории. – М., 1996. – С. 21–47.

Кому не нравится *genossen* Маркс и Энгельс, могут обратиться к Адаму Смиту («необходимость в гражданском правительстве растёт с приобретением ценной собственности») или ещё дальше «по инстанции» к Джону Локку («Самый большой и главный итог объединения людей в государство и их подчинения государству – защита их собственности»). В обществе формационного (системного) капитала это становится железным правилом.

Quigley C. Tragedy and Hope: The History of the World in Our Time. – N.Y., L: Macmillan, 1966.

Quigley C. Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden. – N.Y.: Books in focus, 1981. – P. 33.

Quigley C. Op. cit. – p. 29.

Quigley C. Op. cit. – p. 63.

Quigley C. Op. cit. – p. 197.

Quigley C. Op. cit. – p. 249.

Quigley C. Op. cit. – p. 275.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Третий Рим и Третий рейх: третья схватка. Советско-германский покер в американском преферансе // Политический класс. – М., 2006, № 6, с. 83–91; № 7, с. 88–97.

Quigley C. Op. cit. – p. 285.

Quigley C. Op. cit. – p. 309–310.

Gonzales-Mata L.M. Le vrais maTtres du monde. – P.: Grasset, 1979. – P. 115.

На примере ЦРУ это хорошо показано в: *Wise D., Poss T. The Invisible Government.* – N.Y.: Random House, 1964.

Huntington S. Transnational Corporations in World Politics // Perspectives on world politics: A reader / Ed. by M. Smith. – L, 1981. – P. 201.

Ibid. – P. 209.

LabevierR. Les dollars de la terreur: Les Etats Unis et les Islamistes. – P.:Grasset, 1999. – P. 210–211.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Накануне бури тысячелетия (интервью Максиму Калашникову) // «Москва». – М., 2007, № 1. – С. 173–202; то же: <http://www.rpmonitor.ru>

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Залив: иракско-американский конфликт 1991 г. / Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века. – М.: ИНИОН РАН, 1999.-С. 155–195.

Очень неплохо война в пуантилистском мире описана в романе К. Бенедиктова «Война за Асгард».

Некоторые аспекты этого кластера хорошо описаны Ч. Джонсоном в книге «Печали империи» (Johnson Ch. The Sorrows of Empire. Militarism, Secrecy, and the End of the Republic. L, N.Y.: Verso, 2004.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Колокола Истории. М., 1996. – С. 133–141.

Brown P. The making of late Antiquity. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1977. – P. 15.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 66.

Крылов В. В. О причинно-следственных и корреляционных зависимостях экономики, социального строя и надстройки: Неопубликованная рукопись. – М., 1974. – С. 2–3 (предоставлена мне автором).

Там же. – С. 5.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 31, с. 342.

Там же.-Т. 25, с. 193–194.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24, с. 441.

Там же, с. 423.

Подр. см.: *Фурсов А. И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (*tres-tres grande espace dans une tres-tres longue duree*) // Русский исторический журнал. М., 2001, т. IV, № 1–4, с. 15–114.

Опубликовано в: *Завтра*. 2010. № 23.

Интервью с Андреем Ильичом Фурсовым. Опубликовано в: Наш современник. 2015. № 9.

Интервью газете «Бизнес Online» (Казань), 4 ноября 2015 г.

Опубликовано в: Сибирский форум. Интеллектуальный диалог.
Красноярск, СФУ. Ноябрь 2014.

Опубликовано в: Культура. 02.12.2014.

Опубликовано в: Наш современник. 2016. № 1.